

Жизнь

Вивекананды

Ромен Роллан

Annotation

"Жизнь Вивекананды" — это жизнеописание выдающегося индийского философа, проповедника и общественного деятеля, ученика Рамакришны Свами Вивекананды (1863–1902), составленное французским писателем и общественным деятелем Роменом Ролланом (1866–1944).

Для читателей, интересующихся индуизмом и идущих путём нравственного совершенствования и духовного развития.

- [Ромен Роллан](#)
 - [Пролог](#)
 - [I. "Паривраджак" — призыв Земли к блуждающей душе](#)
 - [II. Индийский странник](#)
 - [III. Великое путешествие на Запад и Парламент религий](#)
 - [IV. Америка в период первого путешествия Вивекананды. Англосаксонские предшественники азиатских учений: Эмерсон, Торо, Уот Уитмен](#)
 - [V. Проповедь в Америке](#)
 - [VI. Встреча Индии с Европой](#)
 - [VII. Возвращение в Индию](#)
 - [VIII. Основание Ramakrishna Mission](#)
 - [IX. Второе путешествие на Запад](#)
 - [X. Уход](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)

- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)

- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)

- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)

- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)

- [233](#)
 - [234](#)
 - [235](#)
 - [236](#)
 - [237](#)
 - [238](#)
 - [239](#)
 - [240](#)
 - [241](#)
 - [242](#)
 - [243](#)
 - [244](#)
 - [245](#)
 - [246](#)
 - [247](#)
 - [248](#)
 - [249](#)
 - [250](#)
 - [251](#)
 - [252](#)
 - [253](#)
 - [254](#)
 - [255](#)
 - [256](#)
 - [257](#)
 - [258](#)
-

Ромен Роллан
Жизнь Вивекананды

Пролог

*Не забывают никогда,
как велик человек по своей природе!
Я емь величайшее божество!*

*Христос, Будда и другие -
лишь волны
в безбрежном океане бытия,
а я — Океан!*

Великий ученик, которому предстояло принять духовное наследство Рамакришны и посеять в мир семена его мысли, был и физически, и морально полной его противоположностью.

Божественный Учитель провел всю жизнь у ног или в объятиях своей Небесной Возлюбленной, Матери, — бога живого. Он был обручен с нею с детства, как принято у индусов; еще не осознав себя, он осознал, что ее любит. И если ему пришлось впоследствии пройти через годы мучений, чтобы соединиться с ней, это было то же, что эпопея странствующих рыцарей, которых ведут к единственной цели — заслужить возлюбленную и завоевать ее. Она одна стояла в конце всех тропинок, пересекавшихся в лесу, она одна, многообразное тысячеликое божество, и когда он соединился с нею, он научился понемногу узнавать каждый из этих ликов, обладать ею всецело. Так он обнимал в ней весь мир. И остаток его жизни протекал в ясной полноте этой всеобъемлющей радости, которую воспели у нас на Западе Шиллер и Бетховен.

Но он осуществил ее много совершеннее, чем наши трагические герои. Радость являлась Бетховену лишь как лазурный взор среди хаоса туч, громоздящихся друг на друге.

Парамахамса — лебедь Индии — опустил свои широкие белые крылья поверх завесы бурных дней на сапфирное озеро вечности.

Самым ревностным его ученикам не дано было за ним последовать. Наиболее мощный среди них, дух с самыми широкими крыльями — Вивекананда — достигал его лишь порывистыми взлетами, среди бурь, которые не раз заставляли меня вспомнить

Бетховена. Даже когда он опускается на поверхность озера, паруса его ладьи вздуваются под напором всех ветров. Все вопли земли, страдания его времени, окружают его, как кольцо голодных чаек. Все страсти, присущие силе (не слабости!), оспаривают друг у друга его львиное сердце. Он — воплощенная сила, и силу он проповедует людям. Для него она, как и для Бетховена, основа всех добродетелей. В своем отвращении к пассивности, тяготеющей вековым ярмом над воловьей шеей Востока, он дойдет до того, что скажет:

— Прежде всего будьте мужественными и сильными! Юноши, я уважаю даже злого, если он мужествен и силен: ибо его сила когда-нибудь заставит его отказаться от своей злобы и от всех себялюбивых деяний. И она приведет его к истине^[1].

Его атлетическая фигура — противоположность нежному, хрупкому (хотя и выносливому) телу Рамакришны. Он высок ростом (пять футов восемь с половиной дюймов), широк в плечах, тяжел и плотен^[2], мускулистые руки тренированы всеми видами спорта, у него оливковое лицо, полные щеки, высокий лоб, сильные челюсти^[3], великолепные глаза — большие, темные, немного выпуклые, с тяжелыми веками, очертания которых приводят на мысль классическое сравнение с листом лотоса. Никто не мог устоять перед чарами этого взгляда, который то обволакивал вас своим неотразимым обаянием, то сверкал умом, иронией, вдохновением, то возносился в экстазе, то властно проникал в глубину сознания и испепелял своим гневом. Всякий, кому приходилось иметь с ним дело, в Индии или в Америке, был подавлен его величием. Он был рожден царем. Когда этот двадцатидевятилетний, никому не известный юноша появился в Чикаго на первом заседании Парламента религий, которое открывал в сентябре 1893 года кардинал Джиббонс, он заставил забыть обо всех присутствующих: он властвовал над всеми. Его сила и красота, гордая, изящная, полная достоинства посадка головы, темный огонь его глаз, его внушительная походка и — едва он начал говорить — великолепный звук его теплого, глубокого голоса^[4] покорили всю массу американских англосаксов, предубежденных против него расовыми предрассудками. Мысль воина-пророка^[5] из Индии оставила отпечаток своих когтей на теле Соединенных штатов^[6].

Никто не мог бы представить его отодвинутым на второе место. Всюду, где он был, он был первым. Даже его учитель Рамакришна в

видении, о котором я упоминал^[7], представляет себя рядом с любимым учеником как ребенка рядом с великим Риши. Напрасно он сам отрекался от этого преклонения, сурово отзывался о себе, принижался, — каждый с первого взгляда узнавал в нем вождя, помазанника Всевышнего, человека, отмеченного печатью силы, которая повелевает людьми. Кто-то, его не знавший, однажды встретив его в Гималайских горах, отступил, пораженный, и воскликнул:

— Шива!..

Избранный им бог как бы начертал свое имя на его челе.

Но на мудрое чело, как на горную вершину, со всех сторон налетали душевные бури. Лишь редко мог он познать спокойствие воздуха, прозрачные области мысли, в которых парила улыбка Рамакришны. Это слишком мощное тело^[8], слишком обширный ум были полем битвы для всех противоречий бурной души. В нем сражались настоящее и будущее, Восток и Запад, мечта и действие. Он слишком многое знал, слишком многое мог, чтобы удовлетвориться покоем, купленным ценою отказа от части своей природы, от части истины. Синтез великих противоположных сил требовал долгих лет сражений, в которых сгорел его героизм вместе с жизнью. Борьба и жизнь были для него синонимами^[9]. Недолги были дни, ему отсчитанные. Шестнадцать лет прошло от смерти Рамакришны до смерти его великого ученика... Яркая вспышка!.. Когда гиганта положили на погребальный костер, ему еще не исполнилось сорока лет...

Но пламя этого костра горит и сегодня. Как древний феникс, из его пепла возродилось сознание Индии — волшебная птица, — вера в свое единство и в великую миссию, которую со времени Вед лелеет мечта многомиллионного народа и в которой он даст отчет остальному человечеству.

I. "Паривраджака" — призыв Земли к блуждающей душе

После рождественской ночи 1886 года, о которой я рассказал в предыдущей книге, — этого мистического бдения в Баранагоре, когда среди слез любви и воспоминаний об ушедшем учителе была основана новая община учеников, — прошло много месяцев и лет, прежде чем создалось дело, которое должно было воплотить в живое дело, в жизнь мысль Рамакришны.

Нужно было построить мост. А они не решались на это. Единственный, кто обладал силой и творческим духом, — сам Нарен^[10], и тот колебался. Он, как и все, более, чем все, сомневался, терзаемый противоречиями между мечтой и действием. Прежде чем возвести свод, который должен связать оба берега, ему нужно было узнать и исследовать другой берег: реальную Индию сегодняшнего дня. Но все было еще неясно: будущая миссия мерцала слабым пламенем в трепещущем сердце юного двадцатитрехлетнего избранника.

Задача была такая трудная, такая обширная, такая сложная! Как охватить ее, хотя бы лишь мысленно? Как и с чего начать? В тоске он старался отдалить время решения. Но мог ли он прекратить страстный спор, происходивший в тайниках его мысли? Этот спор возобновлялся каждую ночь, едва он стал юношей, — спор не между идеями, а между горячими противоречивыми стремлениями его натуры, между голодными желаниями: желанием иметь, победить, повелевать землей и желанием отречься от всего земного, чтобы обрести Бога...

Борьба возобновлялась всю его жизнь. Этому прирожденному воину, этому завоевателю нужно было все: и мир, И Бог. Всем повелевать. От всего отказаться. Избыток сил, бушевавших в этом теле римского атлета, в этом мозгу императора, требовал власти. Но этот избыток сил, эти стремительные воды, — какое русло достаточно широко, чтобы вместить их, если не река, имя которой Бог, полное принесение себя в дар Единству? Кто разрешит спор гордости и властной любви, великих желаний, братьев-владык и соперников?

Это было третьим элементом его природы, которого Нарен не предвидел; его мог провидеть издали лишь пророческий взор Рамакришны. В тот час, когда другие смотрели с беспокойством или недоверием на юношу, в котором боролись бурные силы, учитель возвестил:

— Когда-нибудь, когда Нарен войдет в соприкосновение со страждущими, с несчастными, гордость его нрава смягчится в безграничном участии. Его твердая вера в себя будет орудием, которое восстановит утраченное доверие и веру в отчаявшихся сердцах. И независимость его действий, основанная на совершенном господстве над собой, воссияет в глазах других как проявление истинной свободы "я"^[11].

Эта встреча с человеческим страданием и несчастьем — не расплывчатым и общим, а конкретным, с несчастьем близким, несчастьем его народа, несчастьем Индии, — должна была быть тем великим ударом по кремню, который дал искру, зажегшую всю его душу. И на камень очага, ради миссии служения человеку, было брошено все — гордость, честолюбие и любовь, вера, наука и деятельность; все силы, все желанья, все слилось в едином пламени: в "Религии, которая дает нам веру в себя и уважение других, власть кормить голодных; побеждать несчастье, облегчать участь масс. Если вы хотите обрести бога, служите человеку!"^[12]

Но это сознание своей миссии явилось и овладело им лишь после многих лет непосредственного опыта, когда он увидел своими глазами; ощущал своими руками несчастное славное тело человечества, — своей матери Индии в ее трагической наготе.

Мы повторим вслед за ним его паломничество в эти Wanderjahre.

* * *

Первые месяцы, первый год в Баранагоре были посвящены взаимной подготовке учеников. Никто из них не был склонен проповедовать людям. Они чувствовали потребность сосредоточиться на стремлении к мистическому познанию бога, и радости внутренней жизни отвлекали их взоры от внешнего. Нарен, который разделял их тоску о бесконечном, но сознавал опасность для пассивной души этого стихийного притяжения, действующего как сила тяготения на падающий камень, — Нарен, у которого все, даже мечта, было действием, не мог вынести этого оцепенения в зыбучих песках дум.

Он сделал этот период монастырского сосредоточения деятельным ульем мысли, высшей школой духа. Превосходство его дарований и знаний уже сразу предрешило его руководство товарищами, молчаливое, но властное, хотя многие из них были годами старше его. Последнее слово учителя, прежде чем он ушел от них, недаром было обращено к Нарену:

"Позаботься об этих юношах"^[13].

Нарен решительно взял в руки управление этой молодой школой и не позволил своим ученикам предаваться праздности в размышлениях о боге. Он держал их начеку, он неутомимо пришпоривал умы; он читал им великие произведения человеческой мысли, излагал им эволюцию вселенского духа, принуждал их внимательно и горячо обсуждать все великие философские и религиозные проблемы, неутомимо направлял их к обширным горизонтам беспредельной Истины, которая перерастает преграды школ и народностей, которая объемлет и объединяет все отдельные истины^[14]. Этот синтез духа был завершением обета — выполнить миссию любви, завещанную Рамакришной. Учитель невидимо возглавлял их беседы. Но индусскому монаху не свойственно (что бы ни думали в Европе о неподвижности азиатов) оставаться на одном месте, как это делают французские буржуа. Даже наиболее созерцательные из них хранят в крови извечное стремление — бродить по вселенной, без определенного местожительства, без привязанностей, везде свободными и везде чужими. Это влечение странствующего монаха, носящее в религиозной жизни индусов особое название "Паривраджа", не замедлило сказаться с неотразимой силой на братьях Баранагора. С самого основания их союза группа никогда не собиралась вся полностью. Двое главных ее членов, Йогананда и Лату, не присутствовали при освящении общины на Рождестве 1886 года. Другие последовали в Бриндабан за вдовой Рамакришны. Третьи, наконец, как юный Сарадананда, исчезли внезапно, не сказав, куда уходят. Нарен, стремившийся сохранить целостность общины, сам терзался тем же желанием вырваться... Потребность души блуждать, стремление раствориться в океане воздуха подобно дикому голубю, который задыхается под крышей голубятни... Как примирить это с пребыванием на одном месте, необходимым для нарождающегося ордена?.. Условились, в конце концов, что по меньшей мере часть

группы будет всегда находиться в Баранагоре, тогда как другие братья уйдут, следуя "Призыву леса". И один из них — только один Саси (Соши) — никогда не покидал очага. Верный сторож "матха", неподвижная ось, вышка голубятни, вокруг которой кружились беспокойные стаи...^[15]

Нарен два года противостоял стремлению бежать. Если не считать коротких отлучек, он до 1888 года оставался в Баранагоре. Затем он внезапно уехал, но сначала не один, а со спутником, и как ни сильно было его желание вырваться совсем, он в течение двух с половиной лет постоянно возвращался, призываемый то своими братьями, то какими-либо непредвиденными событиями. Но наконец священное безумие скитания переполнило его через край: желание, сдерживаемое пять лет, прорвало плотины. В 1891 году, один, без спутника, без имени, с посохом и чашей, как неведомый нищий, он растворился на целые годы в безбрежной Индии.

Скрытая логика руководила этим бегством. Бессмертное слово: "Ты не искал бы меня, если бы уже не нашел" — никогда еще не было так верно, как в применении к душам, одержимым невидимым богом, борющимся с ним, чтоб вырвать у него тайну миссии, которую он хочет на них возложить.

В том, что на него будет возложена миссия свыше, Нарен ни минуты не сомневается; порукой в том были его сила, его дарования, лихорадочное настроение момента, — тяжелые времена, немой призыв, обращенный к нему угнетенной Индией, трагический контраст между царственным величием его многомиллионного народа, судьбы которого не осуществились, и этой униженной страной, преданной своими же сынами, этой агонией смерти и воскресения, отчаяния и любви, пожиравшей его сердце. Но какова будет эта миссия? Кто укажет ее ему? Святой учитель умер, не определив ее. А среди живых — никто^[16] не способен осветить его путь, кроме бога. Пусть же он заговорит! Почему он безмолвствует? Почему он отказывает мне в своем ответе?..

Нарен отправляется его искать.

Он внезапно покинул Калькутту, в 1888 году прошел через Бенарес, Дайодию, Лукнов, Агру, Бриндабан, северную Индию, Гималаи. Об этом и следующих путешествиях ничего не было бы известно — Нарен сохранял в тайне свои религиозные испытания, —

если бы не воспоминания братьев, которые его встречали или сопровождали^[17]. В первом же из этих странствий, в 1888 году покинув Бриндабан, он на маленькой железнодорожной станции Гатрас, не ища, обрел своего первого ученика — человека, который, за минуту до того еще не зная его, подчиняясь лишь чарам его взгляда, бросил тут же все, чтобы следовать за ним, и остался ему верен до самой смерти: это был Сарат Чандра Гупта (принявший имя Садананды)^[18]. Они бродили, как нищие, часто терпя отказ, иногда умирая от голода и жажды. Они не думали о кастах и, если было нужно, курили трубку парии. Садананда заболел, и Нарен пронес его на плечах сквозь полные опасностей джунгли. Затем он заболел в свою очередь и был вынужден вернуться в Калькутту.

Уже первое путешествие возродило перед его взором восторженного провидца древнюю Индию, вечную Индию, живую страну Вед, с ее народом богов и героев, облеченных славой легенд и истории, арийцев, моголов и дравидов, — всех, слившихся в одно^[19]. Он сразу почувствовал духовное единство Индии, единство Азии, и поделился этим просветлением с своими баранагорскими братьями.

Из второго своего путешествия, в 1889 году в Гхазипур, он вынес, по-видимому, идею Вселенского Евангелия, которое писали с закрытыми глазами, неведомо для себя, молодые демократы Запада. Он рассказал своим братьям, как "на Западе древний идеал божественного права, бывший некогда прерогативой одного, стал понемногу признаваться собственностью всех, без различия классов, и таким образом человеческий ум приходит к представлению о божественности Природы и Единства". Он видит и тут же провозглашает необходимость перенесения в Индию этих идей, с успехом проводимых в Америке и Европе. Так с самого начала проявляются свобода и широта этого ума, который ищет и желает общего блага, духовного прогресса всего человечества, достигнутого соединенными усилиями всех людей.

Последующие краткие путешествия в Аллахабад и в Гхазипур вносят еще бóльшую ясность в его универсальную концепцию. Мы видим, что в своих "беседах" в Гхазипуре он приближается к синтезу индийской религии и современной науки, идеалов веданты и социальных достижений сегодняшнего дня, чистого Духа и бесчисленных божеств, являющихся его "суб-идеями", необходимыми

для слабого человечества, всех религий, которые все истинны, как проявления совести, различных методов и различных этапов развития человеческого духа, который кое-как взбирается к вершинам своего бытия.

Это пока еще молнии, краткие наброски его будущей мысли. Но все накапливается и все бродит в его мозгу. Гигантская сила переполняет этого юношу, которому тесно в баранагорском монастыре, в той роли, которая ему теперь предназначена даже в общине его друзей. Ему больше не выдержать! Он должен порвать все, что его связывает, бросить эти цепи, эту роль, это имя, это тело — всего этого Нарена, создать себе все заново, новое "я", в котором могло бы свободно дышать выросшее гигантское существо, родиться снова: это будет Вивекананда! Можно подумать, что это Гаргантюа, сбрасывающий пеленки, в которых он задыхается... Не будем говорить об одном только божественном призыве к страннику, который прощается со своими братьями-людьми, чтобы следовать за богом! В этом юном атлете, умирающем от избытка неизрасходованной силы, властно говорит жизненный инстинкт, прорываясь иногда грубым словом, на которое благоговейные ученики постараются набросить покров. Он скажет в Бенаресе:

"Я уйду, но я не вернусь, прежде чем не разорвусь над обществом, как бомба, а оно не последует за мной, как пес".

Мы хорошо знаем, что он сам сломил этих грозных демонов и принудил их к служению смиренным, к высшему смирению. Но мы хотим думать, что эти демоны были в нем, что он задыхался от диких сил гордости и честолюбия, которых было слишком много для одного человека, жаждущего власти, — что в нем было нечто от Наполеона.

И вот он отрывается — в начале июля 1890 года, и теперь уже на много лет — от дорогого ему очага в Баранагоре, от этого "гнезда души", где его вырастил Рамакришна. Крылья уносят его прочь. Прежде всего он отправляется испросить на долгое путешествие благословения "Святой Матери" (вдовы Рамакришны)^[20], он хочет отбросить все привязанности и уединиться в Гималаях. Но из всех благ одиночество (это сокровище и этот ужас для стадных душ!) достигается труднее всего. Родные, друзья оспаривают его у вас (это знал Толстой, который так и не смог отвоевать его у них, вплоть до смертного ложа в Астапове). Общественная жизнь предъявляет тысячу

прав на того, кто бежит от нее. И тем более тогда, когда беглец — еще молодой пленник!.. Нарен узнал это на своем горьком опыте. Но и на горьком опыте их, кто любил его! Его братья-монахи упорно следовали за ним. Ему пришлось почти грубо оторвать от себя этот плющ^[21]. Но полный трагизма мир не позволял ему забыть о себе. Смерть одной из сестер настигла его в его одиночестве. Несчастливая жертва жестокого общества, она напомнила ему о жертвенной участи индусской женщины и всех мучительных проблемах жизни его народа, от которых он не мог отвернуться, не совершая преступления. Сцепление обстоятельств, как будто предрешенное заранее, каждый раз отрывало его от "beato Solitudo, sola Beatitudo" в тот момент, когда, казалось, цель достигнута, и бросало с безмолвных Гималаев в долины, где люди поднимают пыль и шум. От этих волнений, мысли, от усталости и лишений, он дважды серьезно болел в Сринагаре и в Мируте, у подножия Гималаев, на берегу Ганга; он чуть не умер от дифтерита. Вызванная этим крайняя слабость делала особенно трудным решение начать великое одинокое путешествие.

Но он все-таки принял это решение. Если ему предстоит умереть, пусть это будет на дороге, избранной для него его богом! В феврале 1891 года, вопреки настояниям друзей, он, один, ушел из Дели. На сей раз это был великий исход. Как пловец, он погрузился в океан Индии. И океан Индии сомкнулся над ним. Среди его волн и обломков крушений он был в нем, подобно тысяче других, лишь неведомым саньяси в желтом рубище. Но в глазах его — огонь гения. Переодетый принц. Не всякий, кто захочет, скроется под чужой личиной.

II. Индийский странник

Великое двухлетнее странствие по Индии, затем трехлетнее путешествие вокруг света (предвидел ли он, что совершит его?) явилось адекватным откликом инстинкта на двоякую потребность его природы: в независимости и в служении. Он шел, не связанный с каким-либо орденом, какой-либо кастой или очагом, один на один с богом, — вечный странник. В его жизни не было ни одного часа, когда бы он не соприкасался с горестями и желаниями, злоупотреблениями и нищетой и всей лихорадочной жизнью бедных и богатых, городов и полей; он разделял их существование, и великая книга жизни открывала ему то, чего не могут дать книги всех библиотек (ибо они — только гербарии), и что даже пламенная любовь Рамакришны могла лишь смутно провидеть во сне: трагический лик сегодняшнего дня, бог, борющийся в человечестве, призывный вопль народов Индии, народов всего мира и героический долг нового Эдипа, который должен вырвать Фивы из когтей Сфинкса или погибнуть вместе с Фивами. *Wanderjahre. Lehrjahre.* Единственное воспитание... Он был не только смиренным меньшим братом, что ночует в конюшне или на одре бедняка. Он был на равной ноге со всеми. Сегодня презренный нищий, которому дают приют парии. Завтра — гость князей, беседующий, как равный, с министрами и магараджами. Брат угнетенных, сочувствующий их тяжелой доле, он проникал в роскошную жизнь вельмож, пробуждая в их спящей душе заботу об общем благе. Он одинаково пристально изучал и науку пандитов и проблемы городского и сельского хозяйства, управляющие жизнью народов. Он учил и учился. И шаг за шагом делался Совестью Индии, ее Единством, ее Судьбами. Они воплощались в нем. И мир увидел их в Вивекананде.

Его путь пролегал через Раджпутану, Альвар (февраль — март 1891 года), Джайпур, Аджмир, Кхетри, Ахмадабад и Катхиавар (конец сентября), Джунагад и Гуджерат, Порбандар (остановка на восемь-девять месяцев), Двараку, Палитану — город храмов близ Камбейского залива, княжество Барода, Кхандву, Пуну, Белгауни (октябрь 1892 года), Бангалор в княжестве Мисор, Кохин, Малабар, княжество Траванкор, Тривандру, Мадурю... Он направлялся к вершине огромной

пирамиды, мысу Кумари, где возвышается Бенарес южной Индии, Рамесварам, — Рим Рамайяны, и оттуда в Каньякумари, святилище Великой Богини (конец 1892 года).

От севера до юга древняя земля Индии полна была богов, непрерывная цепь их бесчисленных рук составляла одного лишь бога. Он ощущал его единство в духе и в плоти. Он видел его также в общении людей, живущих в кастах и вне каст. И он учил их его осуществлять. Он нес им, от одного к другому, взаимное понимание, вольнодумцам, интеллектуалистам, влюбленным в абстракцию — уважение к образам, к богам-идолам; юношам — обязанность изучать великие старые книги прошлого, Веды, Пураны, древние летописи и, тем более, свой народ в настоящем; всем — религиозную любовь к матери Индии и неудержимое стремление посвятить себя ее освобождению.

Он брал не меньше, чем давал. Его обширный ум, не перестававший работать над расширением своих знаний^[22], своего опыта, впитывал все ручьи мысли, разливавшиеся и терявшиеся в земле Индии, но питаемые, как он думал, единым источником. Далекий и от слепой набожности фанатиков, косневших в затхлой атмосфере стоячих вод, и от одностороннего рационализма реформаторов Брахмо-Самаджа, которые с наилучшими намерениями упорно старались иссушить мистические ключи скрытых источников силы, — он хотел сохранить их все, ввести посредством дренажа порядок в запутанную сеть каналов, орошающих страну религиозной души.

Он хотел большего (нельзя безнаказанно быть современником великих инженеров, что открывают проходы между морями и волей-неволей соединяют руки материков!): он нес повсюду подражание Христу и, вместе с Бхагавадгитой, распространял мысль Иисуса^[23]. Молодых людей он побуждал изучать науку Запада^[24].

Но расширение его кругозора сказывалось не только в сфере идей. Произошла революция и в его взглядах на людей, и взаимоотношениях с ними. Никто не обладал в большей степени гордостью юноши, нетерпимостью интеллигента, аристократическим презрением ко всему, что не соответствует его высокомерному идеалу чистоты, чем молодой Нарендра.

— В двадцать лет, — говорит он, — я был фанатиком, лишенным снисходительности, неспособным на малейшую уступку. Я не хотел даже пройти по тротуару мимо театра на улице в Калькутте^[25].

В первые же месяцы его странствий у магараджи Кхетри, близ Джайпура, маленькая танцовщица дала ему, сама того не зная, урок смирения. Когда она появилась, монах с презрением встал, чтобы удалиться. Князь попросил его остаться. Маленькая танцовщица запела:

"О, Господин, не смотри на мои дурные качества! Ты говоришь, Господин: "В моих глазах все едино"^[26]. Сделай нас обоих Брахманами. Один кусок железа — часть статуи в храме. Другой — нож в руках мясника. Коснувшись философского камня, они оба обращаются в золото. Не смотри же, Господин, на мои дурные качества! Ты говоришь: "В моих глазах все едино!"

"Одна капля воды — в священной Джумне. Другая — в грязной канаве. Когда они попадают в Ганг, они обе становятся святыми. Не смотри же, Господин, на мои дурные качества. Ты говоришь: "В моих глазах все едино..."^[27]

Нарен был потрясен. Доверчивая вера этой простой песни проникла в него на всю жизнь. Еще много лет спустя он вспоминал ее с волнением.

Один за другим рушились его предрассудки, даже те, которые он считал наиболее обоснованными. В Гималаях он жил среди племен тибетцев, допускающих многоженство. Он поселился в семье из шести братьев, у которых была одна жена; и, охваченный рвением неопита, он начал было доказывать им всю безнравственность этого. Но его увещания только возмутили их. "Какой эгоизм! — говорили они, — желать сохранить свою жену для себя одного!..." Истина — внизу, у подножия гор. Заблуждение — на высотах... Он убедился в относительности добродетели — или, по крайней мере, тех добродетелей, на которые опирается наиболее уверенно традиционная мораль. И высшая ирония, как у Паскаля, научила его расширить свои нравственные понятия, судить о дурном или хорошем в каком-либо народе или времени, смотря глазами этого народа или этого времени.

В других местах он жил среди подонков воровского мира и увидел среди воров на большой дороге "грешников, которые могут стать святыми"^[28]. Всюду он разделял лишения и унижения угнетенных

классов. В центральной Индии он жил в семье метельщиков-париев. Он открыл сокровища души этих простолудинов, которых общество попирает ногами; их нищета привела его в отчаяние. Он не мог оторвать от нее своего взора. Узнав из газет, что в Калькутте люди умирали от голода, он рыдал:

— О моя страна! О моя страна!..

Он спрашивал, ударяя себя в грудь:

— Что сделали мы, — мы, так называемые божьи люди, саньяси, что сделали мы для масс?..

Он вспоминал жестокие слова Рамакришны:

"Религия — не для пустых желудков".

И, возмущившись против рассудочных умствований эгоистической веры, он ставит в первейшую обязанность религии "кормить бедных и облегчать их участь"^[29]. Он требовал этого от богатых, от министров и от князей.

— Неужели никто из вас не отдаст свою жизнь любви к ближним? Бросьте читать веданту и предаваться созерцанию, отложите это до будущей жизни! Пусть ваше тело в этом мире будет посвящено служению другим! Тогда я буду знать, что вы не напрасно пришли ко мне^[30].

Близок был день, когда его проникновенный голос раздастся торжественным призывом: "Пусть я буду рожден и вновь рожден, и испытаю тысячи страданий, если только мне будет дано поклоняться и служить единому божеству — общей Совокупности всех душ, а превыше всего — моему Богу в отверженных, в несчастных, в бедняках всех народов!.."

В это время, в 1892 году, страдания, ему близкие, страдания Индии, занимают все его мысли, не оставляя места для иных забот. Они преследуют его, как тигр добычу, с севера на юг, в его стремительном беге через Индию. По ночам они изнуряют его бессонницей. На мысе Кумари они настигают его и хватают жадными челюстями. На этот раз он отдает им и тело и душу. Он посвящает жизнь страдающим массам.

Но как им помочь? Денег нет, а время не ждет. Щедрые подарки магараджей или пожертвования отдельных групп благожелательно настроенных людей не могут удовлетворить и тысячной доли самых неотложных нужд. Прежде чем Индия очнется от своего бездействия и

организуется во имя общего блага, она погибнет окончательно... Он обращает взор к океану, за моря. Нужно обратиться ко всему миру. Весь мир нуждается в Индии. Спасение Индии, смерть Индии будут и его судьбой. Позволит ли он разрушить эти громадные запасы духовной силы, как это было с Египтом и Халдеей, чтобы потом кропотливо раскапывать их, когда от них остались лишь развалины, душа которых умерла навеки?.. Мысль об обращении Индии к Европе и Америке еще неясными очертаниями возникает в уме отшельника. По-видимому, он впервые подумал об этом в конце 1891 года между Джунагадом и Порбандаром. В Порбандаре, где он начал изучать французский язык, один пандит убеждал его направиться на Запад, где его мысли будут лучше поняты, чем в его собственной стране.

— Возьмите его приступом и возвращайтесь!

В Хандве в начале осени 1892 года он услышал о Парламенте религий, который должен был собраться в следующем году в Чикаго, и ему впервые пришла мысль принять в нем участие. Однако он не считал еще возможным предпринять что-либо для осуществления этого проекта и отказался открыть подписку, которая могла бы помочь ему, прежде чем он выполнит до конца обет великого странствия вокруг Индии. В Бангалоре, в конце октября, он ясно высказал магарадже свое намерение отправиться на Запад, чтобы просить "средств улучшить материальное положение Индии" и принести туда взамен — евангелие веданты. К концу 1892 года он принял решение.

В это время он находился у отдаленнейших границ Индии, на крайнем юге, откуда Хануман, бог-обезьяна, совершил свой баснословный прыжок. Он же, будучи таким же человеком, как мы, и не шествуя путями полубогов, прошел через всю громадную индийскую землю пешком. Тело его в течение двух лет было в непрерывном соприкосновении с ее великим телом, он страдал от голода, от жажды, от убийственной природы, от людских оскорблений, он пришел изнеможенный. На мысе Кумари у него не оказалось даже мелкой монеты, чтобы заплатить за лодку для переправы к цели своих странствий, к святому святых, Каньякумари; он бросается в море и плывет среди акул... Вот он у цели; оттуда, обернувшись, он обнимает всю Индию, которую прошел, и мир мыслей, что осаждают его уже два года. Два года он живет в кипении, его пожирает лихорадка; его "душа в огне", он подобен "урагану"^[31]. Как мученики, которых некогда

подвергали пытке водой, он чувствует себя залитым потоками накопившейся энергии, стены его существа вот-вот рухнут...^[32] На площадке башни, куда он взобрался, у границ земли, откуда ему видна панорама всего мира, он останавливается, и кровь бурлит у него в висках, как море у его ног; он почти падает. Это решительный натиск богов, что сражаются в нем... Когда нападение отбито, первый бой выигран. Засиял свет. Он увидел путь, который его ждет. Его миссия избрана.

Вплавь он возвращается на материк Индии. По противоположному берегу он вновь поднимается на север. Пешком, через Раммад и Пондишери, он приходит в Мадрас. И там в начале 1893 года он публично объявляет о своем намерении отправиться с миссией на Запад^[33]. Без всяких усилий с его стороны имя его уже широко известно, в Мадрасе, этом чутком, взволнованном городе, где он останавливается дважды, его осаждают посетители, и здесь он находит первую группу преданных учеников, которые посвящают себя ему и уже его не покинут; когда он уйдет, они будут продолжать поддерживать его своими письмами и своей верой, а он из далеких краев будет, как прежде, руководить своими мадрасскими друзьями. Его пламенная любовь к Индии пробудила в них горячий отклик. Их энтузиазм удесятерит силу его убеждения. Он выступает против погони за личным благом в пользу блага общего, за восстановление матери-родины, за воскрешение духовных сил Индии, которые должны воссиять над вселенной...

"Время настало... Вера Риши должна стать деятельной... Нужно выйти из своих пределов..."

Набобы и банкиры предлагают ему деньги на путешествие за море. Он отказывается. Он просит своих учеников, организующих подписку, обращаться предпочтительно к средним классам, ибо...

— Я ведь иду ради народа и ради бедных!

Как и в начале своего странствия, он просит у "Святой Матери" (вдовы Рамакришны) благословения на дальнейшее путешествие. Она посылает ему благословение Рамакришны, переданное ей во сне, для любимого ученика.

По-видимому, он не писал своим духовным братьям в Бараногоре (он думал, очевидно, что эти созерцатели, привыкшие к теплу гнезда, будут смущены его планами общественного служения и путешествия

для проповеди в странах язычников; они смущают благочестивый покой душ, которые спасаются, не заботясь о других). Но случаю было угодно, чтобы почти накануне отъезда на вокзале Монт-Абу, близ Бомбея, он встретил двух из них, Брахмананду и Турьянанду; и он сказал им с проникновенной страстностью, волнение которой передалось и Баранагору^[34], что властный призыв страдающей Индии принуждает его уехать:

— Я странствовал по всей Индии, и для меня было мучением видеть ужасающую бедность и нищету масс. Я не могу сдержать слезы. Сейчас я твердо убежден, что бесполезно проповедовать несчастным веру, не облегчив их бедности и страданий. Именно для этого, для спасения бедняков Индии, я еду в Америку^[35].

Он направился в Кхетри, и его друг магараджа приказал своему девану (первому министру) проводить его до Бомбея, где он сел на пароход. В момент отплытия он надел на себя платье из красного шелка и желтый тюрбан и принял имя Вивекананды, которое ему предстояло сделать известным миру^[36].

III. Великое путешествие на Запад и Парламент религий

Это путешествие в действительности является изумительным приключением. Юный Свами пускается в путь наобум, с закрытыми глазами. Он смутно слышал разговоры о каком-то Парламенте религий, который когда-то должен открыться где-то в Америке, и он отправляется туда, причем ни он сам, ни кто-либо из его индийских учеников и друзей, студентов, пандитов, министров, магараджей, не потрудились навести точные справки. Он не знает ничего — ни даты открытия, ни условий участия в собрании. У него нет никакого документа, подтверждающего его полномочия. Он идет вперед, уверенный в успехе, как будто ему достаточно было только появиться в свой час — в час, указанный богом. И хотя магараджа Кхетри взял для него билет на пароход и снабдил его, вопреки его воле, этим великолепным одеянием, которому суждено было загипнотизировать падких на зрелища американцев не менее, чем его красноречие, — ни он сам, ни другие не подумали о климатических условиях и обычаях страны. Он будет мерзнуть на пароходе, подъезжая к Канаде, и ходить в платье, которое надевают в Индии в дни торжеств и гуляний.

Он отплывает из Бомбея 31 мая 1893 года, проезжает через Цейлон, Пегонг, Сингапур, Гонконг, откуда совершает поездку в Кантон, Нагасаки, а затем сушей отправляется в Иокогаму, осмотрев также Осаку, Киото и Токио. Везде — и в Китае, и в Японии — его внимание привлекает все то, что может подтвердить его предположение, его убеждение в том, что религия древней Индии озаряет государства Дальнего Востока, в духовном единстве Азии^[37]. В то же время мысль о страданиях, которые терпит его родина, не покидает его; и картина прогресса Японии растравляет его рану.

Он едет из Иокогамы в Ванкувер и, после переезда по железной дороге, около середины июля оказывается, совершенно ошеломленный, в Чикаго. По дороге его порядочно общипали. Для жуликов он явная пожива, — его видно издали. Первым делом этот большой ребенок пошел бродить, разинув рот, по мировой ярмарке, каковой является всемирная выставка в Чикаго. Все для него ново, все

поражает его. Он никогда не мог себе представить мощи, богатства, изобретательского гения западного мира. Благодаря своей жизненности, более сильной и более реагирующей на силу, чем у какого-нибудь Тагора или Ганди, которых подавляло буйное движение и шум, европейско-американская (особенно американская) техника, — Вивекананда дышит здесь свободно; он испытывает от всего этого опьяняющий подъем, и первым его порывом является юношеское увлечение; он не жалеет восторгов. Двенадцать дней он поглощает жадными глазами этот новый мир. Затем он вспоминает о том, что ему следует отправиться в информационное бюро Парламента религий... О неожиданность! Он узнает, что Парламент открывается лишь после 10 сентября, что срок записи делегатов прошел и что, прежде всего, запись не принимается без официальных полномочий. Между тем у него нет никаких полномочий; он — незнакомец, не представляющий признанной общины, а кошелек его пустеет; его средства не позволят ему дожидаться открытия конгресса. Он ошеломлен. Он телеграфирует о своей беде друзьям в Мадрас, чтобы какое-нибудь официальное религиозное общество оказало ему поддержку. Но официальные общества не прощают независимым умам, что они посмели обойтись без них. Один из председателей общества бросает такой ответ:

— Пусть этот дьявол подыхает от холода!^[38] (Let the devil die of cold!)

Дьявол не подыхает и не сдается... Полагаясь на судьбу, он, вместо того чтобы в бездейственности беречь несколько оставшихся у него долларов, тратит их на поездку в Бостон. Судьба ему помогает. Судьба всегда помогает тем, кто умеет ей помогать. Человек, подобный Вивекананде, не может нигде пройти незамеченным. Этот незнакомец околдовывает всех. В вагоне бостонского поезда его вид, его ответы поражают соседнюю пассажирку, богатую даму из Массачусетса, она его расспрашивает, интересуется им, приглашает его к себе в дом, знакомит с эллинистом Дж. Г. Райтом, профессором Гарвардского университета, и тот, пораженный с первой же встречи одаренностью молодого индуса, предоставляет себя в его распоряжение: он настаивает на том, чтобы Вивекананда представлял индуизм в Парламенте религий; он пишет председателю комитета; он дает оставшемуся без средств страннику железнодорожный билет в Чикаго,

рекомендательные письма в комиссию по предоставлению делегатам помещения. Итак, все улажено.

Вивекананда возвращается в Чикаго. Поезд приходит поздно, а беззаботный юноша потерял адрес комитета и не знает, куда деться. Никто не удостоивает "этого цветного" указанием. Он находит в углу вокзала большой пустой ящик, устраивается там и засыпает. Утром он ходит, ища дорогу, прося подавания от двери к двери, как саньяси. Но он ведь в городе, который, как Панург, знает тысячу и один способ добывать деньги, кроме способа святого Франциска — нищенства во имя божие. Добавлю, что в квартале, где он находился, говорят только по-немецки, никто его не понимает: его принимают за негра, перед ним захлопывают двери. Долго пробродив, он в изнеможении садится на улице. Из одного окна замечают его и спрашивают, не делегат ли он в Парламент религий, его приглашают войти, и опять судьба помогает ему встретить одну из тех, кто потом станут его вернейшими последовательницами^[39] в Америке. Дав ему отдохнуть, его сопровождают в Парламент. Он находит там помещение.

Полное приключений путешествие, в котором он едва не погиб, на этот раз приводит его в гавань. Но настало время действовать, а не отдыхать. Теперь, когда случаю отдана его часть, — дорогу воле! Вчерашний незнакомец, бедняк, презираемый за свой цвет толпою, в которой смешались подонки полудюжины народов мира, с первого же слова подчинит всех царственной власти своего гения.

* * *

В понедельник, 11 сентября 1893 года, открылись заседания Парламента. Кардинал Джиббонс восседал в центре. Вокруг него справа и слева разместились делегаты Востока: Пратап Чандер Мазумдар^[40], глава Брахмо-Самаджа, старый друг Вивекананды, представитель теистов Индии, и Нагаркар из Бомбея, Джармапала, представитель цейлонских буддистов, Ганди, представитель джайнов^[41], Чакраварти, представлявший вместе с Анни Безант Теософское общество. Но не они, а молодой незнакомец, не бывший ничьим представителем, но представлявший все, человек, не принадлежавший ни к какой секте, но принадлежавший всей Индии, притягивал взоры тысяч слушателей^[42]. Его поразительная внешность, гордое благородство осанки и яркий наряд^[43], подчеркивавший необычайность этого явления из сказочного мира, не позволяли

заметить, как он взволнован. Он сам не делал из этого тайны. Ему в первый раз приходилось говорить в подобном собрании, и когда делегатам, которых представили одного за другим, надо было самим обратиться к публике с кратким приветствием, Вивекананда откладывал свою речь несколько раз, до самого конца дня^[44].

Но вот он выступил, и вспыхнуло пламя. После бесцветных холодных рассуждений других докладчиков он зажег души толпы слушателей. Едва он произнес простые слова:

— Мои американские сестры и братья!..

как сотни людей поднялись со своих мест, приветствуя его. Он спрашивал себя, относится ли это к нему. Он был первым, кто, сам того не зная, нарушил формализм, царивший в конгрессе, и заговорил с массами тем языком, которого они ждали. Когда восстановилась тишина, он приветствовал самую молодую нацию от лица самого старого в мире монашеского ордена — ведического ордена Саньяси. Он представил индуизм как мать всех религий, которая преподавала людям двойную заповедь:

— Примите, поймите друг друга!

Он привел два прекрасных текста из священных книг:

"Если кто приходит ко мне в каком бы то ни было образе, Я сам прихожу к нему".

"Все люди трудятся на путях, которые в конце приводят ко Мне".

Другие ораторы говорили каждый о своем боге, о боге своей секты. Он — он один — говорил о боге их всех, объединяя их всех во вселенском Существо. Дыхание Рамакришны опрокинуло все границы, исходя из уст его великого ученика. На мгновение исчезли Пиренеи! Парламент религий устроил овацию юному оратору.

В следующие дни он выступал десять или двенадцать раз^[45]. И каждый раз он повторял, с новыми доводами и с той же силой убеждения, свое положение о вселенской религии, не ограниченной пределами времени и пространства, объединяющей все credo человеческого духа, от рабского фетишизма дикаря до наиболее широких представлений о творце, выдвинутых современной наукой, сливающей их в грандиозном гармоничном синтезе, который не подавляет надежды отдельной личности, а, наоборот, помогает всем надеждам расти и развиваться, согласно природе каждого человека^[46].

Нет иного догмата, кроме божества, начертанного в человеке, и способности последнего бесконечно развиваться...

"Предложите эту религию миру, — и все народы мира последуют за вами. Собор Ашоки^[47] был собором буддийской веры. Собор Акбара^[48] был просто светской академией. На долю Америки выпало возвестить всему миру, что Божество присутствует во всех религиях. Да вдохновит вас тот, кто является Брахманом индусов, Ахурамаздой зороастрийцев, Буддой буддистов, Иеговой евреев, Небесным Отцом христиан...^[49] Христианину не надо стать индуистом или буддистом, а индуисту или буддисту — христианином. Но каждый должен проникнуться учением других, не переставая культивировать свою индивидуальность и развиваться сообразно своим собственным законам... Парламент религий доказал, что святость, чистота, милосердие не являются исключительной принадлежностью какой-либо религии мира и что каждая вера создала мужчин и женщин, являвшихся лучшими представителями человечества... На знамени каждой религии будет вскоре начертано, невзирая на ее сопротивление: "Взаимопомощь, а не борьба. Взаимное проникновение, а не разрушение. Гармония и мир, а не бесплодные дискуссии"^[50].

Впечатление, произведенное этими сильными словами, было громадно. Через голову официальных представителей Парламента они были обращены ко всем и всколыхнули общественное мнение. Слава Вивекананды внезапно воссияла, и это послужило на пользу всей Индии. Американская пресса признавала это: "Он, без всякого сомнения, самая крупная фигура в Парламенте религий. Мы чувствовали, слушая его, как нелепо посылать миссионеров в эту просвещенную страну..."^[51]

Легко понять, что подобное утверждение не слишком ласкало слух христианских миссионеров. Успех Вивекананды вызвал у них жестокое озлобление, которое в дальнейшем не остановилось перед применением самого недостойного оружия. Не в меньшей степени обострилась и ревность некоторых представителей Индии, считавших, что их затмил этот "бродячий монах", без полномочий и мандата. Не простила ему и теософия, к которой Вивекананда никогда не питал нежных чувств^[52].

Но в этот первый час рождающейся славы — этого восходящего солнца — сияние света рассеяло все тени. Вивекананда оказался

героем дня.

* * *

Каковы же были его чувства при этой победе? Он горевал. Бродячий монах видел, что жизнь в свободном уединении с богом — кончена. Какой религиозной душе не будут понятны эти сожаления? Он сам хотел этого... Нет! За него хотела неведомая сила, внушившая ему его миссию... Но другой внутренний голос говорил ему: "Откажись! Живи в боге!" Никогда он не мог внять одному голосу, не изменив, хоть отчасти, другому. Отсюда — периодические кризисы этого бурного духа, терзаний которого, по внешности противоречивых, но тем не менее логичных, никогда не могли понять более цельные умы; те, чья мысль не знает противоречий, делают из своей скудости обязательную добродетель и считают беспорядочностью или двойственностью мощное и трагическое стремление чрезмерно богатых душ к гармонии. Вивекананда всегда был и будет мишенью таких недоброжелательных суждений, для смягчения которых он, из гордости, ничего не желал сделать.

Сложность царила не только в его душе, она таилась и в самом его положении. Как до, так и после успеха (и может быть, в большей мере после) задача его была трудной. Едва не погибнув от бедности, он рисковал быть раздавленным гнетом богатства. Американский снобизм набросился на него и в первом порыве угрожал его задушить своей роскошью и суетностью. Вивекананда страдал до тошноты, думая об этих брошенных деньгах. Ночью, в своей комнате, он испытывал приступы отчаяния, он катался по полу, представляя себе народы, умирающие от голода.

"О, Мать, — стонал он, — что мне делать с моей славой, когда мой народ пребывает в нищете!..."

Отчасти чтоб послужить делу несчастной Индии, отчасти чтоб избавиться от опеки своих богатых покровителей, он принял предложение одного лекционного бюро совершить поездку по Соединенным штатам: Восток и средний Запад, Чикаго, Айова, Де Муан, Сент-Луис, Миннеаполис, Детройт, Бостон, Кембридж, Балтимора, Вашингтон, Нью-Йорк и т. д. Средство было рискованное. Но если они думали, что он, по примеру стольких других лекторов, будет срывать аплодисменты и доллары, подставляя кадиллици под нос американской публики, то их скоро постигло разочарование!..

Первое впечатление изумления и восторга перед потрясающей мощью молодой республики рассеялось. Вивекананда почти сразу же наткнулся на грубость, бесчеловечность, умственную ограниченность, узкий фанатизм, колоссальное невежество, на подавляющую наивную и самоуверенную неспособность понять все то, что думает, что верует, что живет иначе, чем избранный народ рода человеческого... Он не был терпеливым. Он не щадил ничего. Он клеймил пороки и преступления западной цивилизации, присущие ей черты насилия, хищничества, разрушения. Однажды в Бостоне, когда ему предстояло говорить на прекрасную религиозную тему, особенно ему близкую^[53], он почувствовал такое отвращение при виде аудитории, хитрых и жестоких рож деловых и светских людей, что не пожелал дать им доступ в свое святилище и, внезапно переменив предмет, с негодованием обрушился на цивилизацию, представителями которой были эти волки и лисицы^[54]. Скандал получился громкий. Сотни слушателей покинули зал. Печать пришла в неистовство.

Особенно беспощаден он был к ложному христианству, к религиозной лжи:

"Прекратите вашу похвальбу! Что ваше христианство сумело когда-либо сделать в мире без оружия?.. Вашу религию проповедуют во имя роскоши. Проповеди, которые я слышал здесь, — сплошное лицемерие... Вся эта груда богатств, говорящая от имени Христа! Да Христос не нашел бы у вас камня, чтобы преклонить голову... Вы не христиане... Возвратитесь к Христу...

Взрыв ярости был ответом на это презрительное поучение. С этого дня за ним по пятам ходили толпы клерджименов, преследовавших его своими нападками и обвинениями, доходя до того, что распространяли в Америке и в Индии гнусную клевету о его жизни и нравственности^[55]. Достаточно постыдно и то, что некоторые представители индусских соперничавших обществ, задетые успехом Вивекананды, не побоялись подхватить эти низкие сплетни ненавистников-миссионеров. А эти христианские миссионеры, в свою очередь пользуясь оружием, данным им в руки ревнивыми индусами^[56], с комическим усердием доносили в Индию на свободного саньяси, который в Америке не соблюдал строгого устава, предписываемого правоверным индуизмом^[57]. Вивекананда с отвращением увидел в испуганных письмах своих учеников из Индии

горькую пену волн, поднятых ханжами. Как величественно он снова бросает ее в лицо тем, кто хочет забрызгать его этой грязью!

"Неужели вы думаете, что я родился, чтоб жить и умереть в шкуре одного из этих трусливых слугителей каст, суеверных, безжалостных, лицемерных, безбожных, которых вы найдете только среди культурных индусов? Я ненавижу трусость. Я не хочу иметь ничего общего с этими трусами... Я принадлежу всему миру так же, как и Индии. Не следует шутить с этим! Какая страна имеет на меня особые права? Разве я раб какой-либо нации?.. Я чувствую за собой власть более могущественную, чем человек, или бог, или дьявол!"

Письмо одного из его американских учеников, Свами Крипананды^[58], набрасывает нам картину его злоключений в Соединенных штатах:

"Эта оранжерейная атмосфера псевдорелигиозных уродств, пожираемых нездоровой жаждой ненормального, оккультного, исключительного, где бессмысленное легкоеверие порождает сотни безумных обществ: привидений, махатм, лжепророков, — этот приют безумцев всех цветов, был для Вивекананды отвратительным окружением. Ему прежде всего было необходимо очистить эти авгиевы конюшни..."

Он послал ко всем чертям толпу зевак и фигляров, ловящих рыбу в мутной воде, ротозеев, сбежавшихся на его первые лекции. Тотчас же он начал получать от интриганов, аферистов, религиозных шарлатанов предложения сотрудничества, обещания, угрозы, шантажирующие письма. Он не терпел никаких посягательств на себя. Он отбрасывал всякие объединения одной секты против другой. И ни разу он не избегал случая вступить в открытую борьбу, и борьбу беспощадную, против всех "комбинаций", стремившихся его использовать.

Поспешим сказать, к чести Америки, что эта нравственная неподкупность, этот мужественный идеализм, эта бесстрашная честность привлекли ему со всех сторон избранный круг защитников и почитателей, из которых образовалась группа его первых западных учеников и наиболее активных работников в его деле возрождения Индии.

IV. Америка в период первого путешествия Вивекананды.

Англосаксонские предшественники азиатских учений: Эмерсон, Торо, Уот Уитмен

Было бы весьма интересно знать в точности, каким образом в течение XIX века американская мысль прониклась, непосредственно или посредственно, индусскими влияниями, так как несомненно, что они сыграли свою роль в формировании своеобразного морального и религиозного склада современной Америки, который так трудно понять чистому европейцу, — этого удивительного сочетания англосаксонского пуританизма, деятельного оптимизма янки, прагматизма, наукообразности, псевдоведантизма. Сколько мне известно, ни один историк серьезно этим не занимался. Между тем, это психологическая проблема первостепенной важности, имеющая значение для историка всей нашей цивилизации. В настоящий момент у меня нет данных, чтобы ее разрешить, но я хочу по крайней мере выделить некоторые ее элементы.

По-видимому, одним из главных проводников индусской мысли в Соединенных штатах был Эмерсон^[59], а Эмерсон, как кажется, испытал в этом отношении сильное воздействие Торо.

Он был предрасположен к подобным влияниям; уже с 1830 года они начинают чувствоваться в его "Дневнике", где попадаются ссылки на индусские религиозные тексты. Его знаменитая речь в 1839 году в Гарвардском университете, вызвавшая в свое время возмущение, выражает веру в божественное в человеке, достаточно близкую к учению о душе Atman Brahman. Правда, он тесно связывает с ней моральное или моралистское представление, характерное лично для него и для его расы. Но в конечном счете она приводит к осуществлению в подлинном экстазе йоги "справедливости", понимаемой в двойном смысле: нравственного блага и космического

равновесия; к ней примешивается одновременно Карма (действие), Бхакти (любовь) и Джнана (мудрость)^[60].

Эмерсон был не особенно методичен в своем чтении, как и в писаниях. Кабо в своей работе о нем говорит, что он часто ограничивался выдержками и цитатами, вместо того чтобы читать книги целиком. Торо, напротив, был большим любителем чтения, и с 1837-го по 1862 год он жил по соседству с Эмерсоном. В июле 1846 года Эмерсон отмечает, что Торо читал ему выдержки из своей "Недели на реках Конкорд и Мерримек". А эта "Неделя" (Week, глава Monday) — бурное море восхищения Гитой, великими поэмами и высочайшей философией Индии. Торо хотел бы составить joint Bible (сводную Библию) из священных книг Азии — индусских, китайских, персидских, еврейских, чтобы нести ее "к границам мира", и берет девизом "Ex Oriente lux"^[61].

Можно думать, что эти влияния не прошли бесследно для Эмерсона и что ему сообщился пламенный азиатизм Торо.

То было время, когда "Club Transcendental", основанный им в Бостоне, развивал наиболее кипучую деятельность; с 1840 года в трехмесячном журнале "The Dial", который он издавал вместе с американской Гипатией, Маргаритой Фуллер, печатались переводы с восточных языков. Потрясение, испытанное Эмерсоном от знакомства с индийской философией, было, очевидно, очень сильно, если он мог написать в 1856 году такое глубоко проникнутое ведантизмом стихотворение, как его прекрасный "Брама"^[62].

Нужно вспомнить, что Новая Англия переживала тогда кризис духовного обновления и восторженного идеализма, который соответствовал (весьма отличаясь от него в своих основах, менее культурных, более крепких, бесконечно более близких к природе) вспышке идеализма у нас в Европе перед 1848 годом^[63]. Анархистский Brookfarm Джорджа Риплея (между 1840-м и 1847 годом), беспокойное общество "Друзей всеобщего прогресса" (в 1840 году) в Бостоне объединяли мужчин и женщин различных убеждений и различных профессий, сжигаемых избытком первобытных сил, которые стремились освободиться от лжи прошлого, не зная, какую принять истину: ибо человечество не может жить, если не убедит себя, что обладает Истиной^[64].

Увы! Та, с кем сочетался дух последующего полувека Америки, не оправдала смелых ожиданий медового месяца. Истина еще не созрела. И тем более не созрели те, кто хотел овладеть ею.

Это объясняется, однако, не отсутствием благородных идей, идей-сил, но их поглотили слишком быстро, не дав себе времени здраво их усвоить. Нервные потрясения, вызванные большими политическими и социальными потрясениями после великой междоусобной войны, болезненная поспешность, создавшая впоследствии бешеный темп жизни, на долгое время вывели из равновесия американский ум.

Несмотря на это, нетрудно обнаружить в поколении второй половины века семена, брошенные вольными пионерами Конкорда, Эмерсоном и Торо. Но какой странный хлеб замесили из их зерна приверженцы Mind Cure и мс-с Мэри Бэкер Эдди!

Без сомнения, как те, так и другие более или менее сознательно воспользовались индийскими принципами, просеянными сквозь идеализм Эмерсона^[65]. Но они свели их на уровень плоского утилитаризма, направленного к их непосредственному использованию, к своего рода мистической гигиене, покоящейся на грубейшем суеверии, которое наделяет именем Christian Science^[66] свою высокомерную полунауку и свое полухристианство.

Чертой, общей этим двум учениям, является вульгарный оптимизм, который разрешает проблему зла простым отрицанием, или, вернее, тем, что не считается с ним. "Зло не существует. Отвратим же от него наш взор..." Такое отвлеченное отношение, упрощенное до последней степени, было нередко свойственно самому Эмерсону. Он, насколько возможно, обходил в своих произведениях болезнь и смерть. Он не желал никаких теней. "Почтение к свету..." Это было несмелое почтение. У него были слабые глаза. Он начинал с того, что заслонял солнце абажуром. Народ его более чем охотно следовал его примеру. Говорят, что этот оптимизм необходим для действия? Я не слишком доверяю энергии человека или народа, которая зиждется на условиях, первоначально поставленных *Natura Rerum*. Я предпочитаю слова Маргариты Фуллер: "Я принимаю вселенную". Но принимаешь ее или нет, прежде всего нужно ее видеть! Видеть ее всю целиком!.. Мы вскоре услышим, как Вивекананда говорит своей английской ученице: "Учитесь узнавать Мать и в Зле, в Ужасе, в Страдании, в Небытии, как в Кротости и Радости!.." И даже улыбающийся Рамакришна из глубин

своей мечты о любви и счастье умел видеть и напоминать добродушным поклонникам "благого Бога", что одной Благости недостаточно для определения Силы, которая каждый день приносит в жертву тысячи невинных. Здесь — основное различие, отделяющее Индию и героическую Грецию от англосаксонского оптимизма. Они смотрят в лицо Действительности — все равно, принимают они ее, подобно Индии, или борются с ней, подобно Греции, — и стремятся ее подчинить. Но у них действие никогда не покушается на область познания, как в Америке, где познание приспособлено для обслуживания действия и носит ливрею и фуражку с галуном, с надписью "Прагматизм"^[67]. Легко себе представить, что Вивекананда не мог примириться с этим шутовским нарядом, под которым он находил каких-то ничтожных ублюдков своего великолепного индийского ведантизма, свободного и властного^[68].

Но над этим стадом живых был умерший гигант^[69], чья тень была в тысячу раз теплее, чем отражение солнца Бытия сквозь холодные методистские стекла. Он шел впереди Вивекананды и протягивал ему свою широкую руку... Как случилось, что он не схватил ее? Или вернее (ибо мы знаем, что в дальнейшем Вивекананда читал в Индии "Листья травы"), как случилось, что летописцы жизни Вивекананды, слишком небрежные, слишком мало образованные, могли оставить в стороне, когда писали свою историю, такое важнейшее событие, как встречу индийского посланца Атман-Брахмана и эпического певца "самого себя" — Уота Уитмена!

Он успел умереть годом раньше, 26 марта 1892 года, близ Кэмдена, рабочего предместья Филадельфии. И триумфальный отголосок его похорон — не языческих, как тогда писали, а именно созвучных духу индийского универсализма^[70] — еще звучал в памяти. К Вивекананде пришли многие из друзей Уитмена; он сам завязал дружеские отношения с тем, кто произнес последнее "прости" поэту^[71], - со знаменитым оратором, агностиком и материалистом, Робертом Ингерсолем^[72]. Он не раз доброжелательно спорил с ним. Как же может быть, чтоб он не слышал об Уитмене?

Хотя этот великий человек достаточно известен по значительным трудам, посвященным ему во всех странах, в частности во Франции нашим дорогим товарищем Базальгеттом^[73], я все же считаю

необходимым набросать здесь краткое изложение его религиозной мысли; эта сторона его деятельности менее всего освещена — здесь, однако, заключается ее сердцевина.

Значение этой мысли не содержит ничего таинственного. Добрый Уитмен и не прикрывал ее наготы. Его вера разлита повсюду в его "Листьях травы" (Leaves of Grass). Она особенно сосредоточена в одной большой поэме, которую "Песнь о самом себе" (Song of Myself) слишком затмила и которой нужно вновь вернуть первое место, куда ее твердо поставил сам Уитмен, поместив ее во главе окончательного издания своих стихотворений, непосредственно после "Посвящений" (Inscriptions).

Это "Отправление из Пауманок" (Starting from Paumanok)^[74].

Что провозглашает он там?

"Я основываю религию...

Я говорю, что земля вся целиком и все светила небесные существуют только для религии...

Знай, только для того, чтоб бросить в землю семена более великой религии, Я пою...

Чтобы ты разделил со мною два величия и третье, восходящее, обнимающее их все и более великолепное Величие Любви и Демократии и величие Религии".

Почему же два первых "величия", в сущности второстепенные, обыкновенно заслоняют у комментаторов Уитмена третье, которое их "обнимает" и над ними господствует?

Эта религия была так близка его сердцу, что он хотел ее распространить во всей стране путем лекций, несмотря на свою нелюбовь к публичным выступлениям^[75]. Она воплощается или концентрируется в одном слове, которое звучит чудесно, как музыка индийской души. Это слово: "Тождество". Оно наполняет его произведения. Его можно найти почти во всех поэмах^[76].

Тождество со всеми формами жизни, во все мгновения. Непосредственность осуществленного единства. И уверенность в вечности каждого мгновения, каждого мельчайшего атома Бытия.

Каким образом эта вера пришла к Уитмену? Разумеется, внезапно, как озарение, вернее всего, во время жизненного кризиса, вскоре после его тридцатилетия, после непривычных волнений путешествия в Новый Орлеан.

Совершенно неправдоподобно, чтобы он читал когда-либо индийские книги. Когда в ноябре 1856 года Торо говорит ему, что "Листья травы" (появившиеся в июле 1855 года, вторым изданием — летом 1856 года) напоминают ему великие восточные поэмы, и спрашивает, знает ли он их, Уитмен категорически отвечает: "Нет!"^[77] И нет никакой причины сомневаться в его ответе. Он читал редко и прочел мало книг; он не любил библиотек и людей, которые питаются ими. До конца своей жизни он, по-видимому, даже не поинтересовался, насколько верно мнение о близости его мысли к мысли Азии, создавшееся в маленьком кружке в Конкорде. Каждый раз, когда в своих гомерических перечислениях он вводит лик Индии, крайняя туманность выражений является для нас лучшим доказательством его незнания^[78].

Тем более интересно, каким образом он мог, не выходя из пределов своей личности — личности стопроцентного американца — сам для себя бессознательно следовать ведантической мысли (ибо это сходство не ускользнуло ни от кого из группы Эмерсона, начиная с него самого, автора мало кому известной, но замечательной остроты: "Листья травы" кажутся мне смесью Бхагавадгиты и "New York Herald'a").

Отправной точкой была для Уитмена внутренняя сущность его расы, его религиозное наследство, как бы парадоксально это ни казалось. Его семья со стороны отца принадлежала к левому крылу квакеризма, группируясь около одного атеиста, Элиаса Хикса, которому Уитмен в конце своей жизни посвятил небольшое произведение. Это были великие религиозные индивидуалисты, которые, освободившись от всякой церкви и всякого credo, считали, что вся религия состоит во внутреннем озарении, "безмолвном тайном экстазе"^[79].

Такое нравственное предрасположение должно было благоприятствовать созданию у Уитмена еще с детства привычки к мистическому сосредоточению, не направленному на определенный объект, но тем более проникающему во все его переживания. Дарование маленького Уота довершило остальное. У него от природы была какая-то жадная восприимчивость, которая заставляла его не только срывать с виноградных лоз мира ягоды удовольствия или страдания, как это делают обычные люди, но мгновенно воплощаться

во все предметы, которые он видел. Он описал это редкое свойство в своей изумительной поэме "Осенние ручьи" (Autumn Revulets):

 Был ребенок, который гулял каждый день,
 И, увидев какой-нибудь предмет, — он становился
 этим предметом,
 И этот предмет становился частью его на весь день,
 или часть дня,
 Или на многие годы, или на целые века.

По чистейшему инстинкту, без размышления, вся вселенная была для него не объектом, а субъектом — была им самим. Когда он внезапно отдал себе в этом отчет в ту эпоху своего тридцатилетия, которую он считал своим настоящим рождением (вероятно, около 1851–1852 года), это было для него ослепительной молнией, озарением экстаза:

"О счастье, — сказал он, — чувствовать равновесие души в ней самой, приемлющей тождество через материальные вещи!.. Моя душа устремится от них ко мне, вся дрожа"^[80].

Ему казалось, что он "проснулся впервые и что все до сих пор было лишь жалким сном".

Наконец некоторые лекции и беседы Эмерсона^[81] помогли ему осознать свои интуитивные чувства и превратить их в идеи, правда, еще очень неопределенные и бессвязные. Ибо у этого человека, всегда равнодушно относившегося к логике рассуждений и к метафизическим построениям^[82], вся цепь идей сводилась главным образом к настоящему мгновению и к озарению, которое сразу извлекало из него бесконечность пространства и времени. Таким путем он сразу же замечает, обнимает, вмещает каждый из различных объектов, становится сам каждым из них и их грандиозной совокупностью, и развитие и слияние всех космосов осуществляется в каждой частице жизненного атома. Разве это не то же, что вершина экстаза, самое самозабвенное самадхи "бхакти-йога" (индийского ясновидца путем любви), который сразу достигает высшего предела осуществления и, овладев им, вновь спускается вниз, чтобы применить его во всех поступках и мыслях ежедневной жизни^[83].

Мы имеем здесь типичное проявление склонности к ведантизму, которое существовало в Америке задолго до появления Вивекананды. Она действительно является предрасположением, свойственным человеческой душе, вообще во всех странах и во все время. Она никоим образом не связана, как полагают некоторые индийские ведантисты, с системой учений в какой-либо одной стране, но ему более или менее благоприятствуют или не благоприятствуют перипетии развития отдельных народов и тех *credo* и обычаев, на которых они строят свою культуру. Можно, пожалуй, сказать, что это настроение существует в скрытом виде у всех, кто носит в себе хоть искру творческого огня, в особенности у великих художников, которые не только отражают в себе (как безразличная посредственность), но и воплощают всю вселенную. Я имел случай отметить у Бетховена такие вспышки дионисийского соединения с Матерью, каким бы именем ни называть скрытое Существо, которое сердце ощущает в каждом дыхании земли. Великая европейская поэзия XIX века, особенно английская времен Вордсворта и Шелли, полна этих внезапных проблесков. Но ни один западный поэт не собрал с такой мощью и сознательностью, как Уитмен, всех этих разбросанных огней в одну жаровню и не возвысил свою интуицию до веры, — он веровал за свой народ, за мир, за все человечество.

Как странно, что эта вера не столкнулась с верой Вивекананды!

Он должен был поразиться целым рядом неожиданных совпадений — столь резкого, столь настойчивого у Уитмена, столь прочного ощущения странствий личности "через триллион" лет и ее постоянных "воплощений"^[84], в которых учитываются и прибыли, и убытки всех предшествующих существований. Atman Brahman, двойное "я", из которых ни одно не хочет склониться перед другим^[85] — сеть майи, которую он разрывает^[86], и в расширенных просветах — сияющий взгляд бога, "круг, созданный из множества кругов; о ты, кипящее начало, ты, скрытое зерно, ревностно хранимое, ты, центр"^[87], - великолепная "Песнь о Всеобщем"^[88], в которой осуществляется слияние противоположностей в гармонии, — это слияние всех религий, всех верований и отрицаний и даже сомнений, всех темпераментов мысли, эта общность всех душ мира, которая и была в Индии заветом, данным Рамакришной своим ученикам^[89], - "Все есть Истина!"^[90]

И даже некоторые черты отдельных людей — не были ли они родственны друг другу? Эта высокомерная гордость, равняющая себя с богом^[91], этот воинственный дух великого кшатрии, врага покоя, брата войны, который не боится опасности и смерти^[92], который их призывает, — этот культ Страшного, напоминающий мрачные и прекрасные исповеди Вивекананды Sister Nivedita во время мистического паломничества в Гималаи^[93].

И, однако, я столь же ясно вижу, что в Уитмене могло не нравиться Вивекананде: эта неестественная смесь "New York Herald" и Гиты, которая вызвала такую улыбку у Эмерсона, — этот метафизический журнализм, эта дешевая, собранная по словарям, эрудиция, этот немножко ярмарочный наряд бородатого Нарцисса, это огромное довольство собой и своим народом — этот демократический американизм, ребяческая суетность, вульгарность, распускающая перья перед зеркалом, — все это должно было возбудить аристократическое презрение великого индуса — особенно компрометирующая близость этого идеализма с подозрительными забавами "метапсихики", спиритизма, привидений и т. п.^[94], чего Вивекананда никогда не терпел.

Но эти столкновения не могли уничтожить притяжения, которое оказывал этот мощный магнит на металл души такой личности, как Вивекананда. Они и не уничтожили его, потому что мы имеем доказательства, что Вивекананда читал в Индии "Листья травы" и что он называл Уитмена саньяси Америки^[95], утверждая, таким образом, их общее родство. Следует ли поэтому думать, что он сделал свое открытие лишь к концу своего пребывания в Америке, ибо во время этого пребывания ни одно слово из подробного описания, опубликованного его учениками, не упоминает о нем?

Как бы то ни было, дух Уитмена был налицо, доказывая, что Америка была готова принять индийскую мысль. Она шла навстречу. И старый кэмденский пророк торжественно возвестил пришествие Индии:

К нам, о мой город,
Идет прародительница,
Гнездо языков, та, что завещала нам поэмы, народ древности,

Народ Браммы идет... [\[96\]](#)

Он открыл ей объятия. Он поручил "Храму демократии" Америки — путника во имя религии, странника Индии:

"Прошлое также покоится в тебе...
Ты имеешь великих спутников.
Почитаемая духовная Индия плывет в сей день
с тобою вместе". [\[97\]](#)

Индийские биографы Вивекананды совершили, таким образом, досадное упущение, не назвав Уитмена в первом ряду тех, чья мысль приветствовала чужеземного гостя на Новом континенте.

Но, поставив его вновь на подобающее ему место, рядом с Вивеканандой, плечо к плечу, с той же шириной плеч, остережемся все же преувеличить его влияние на Америку. Этому Гомеру "массы" [\[98\]](#) не удалось проникнуть в массу. Этот провозвестник великих судеб демократии в Америке умирал непонятым, почти незамеченным демократиями Нового света. Этот певец "Божественного среднего" [\[99\]](#) был любим и почитаем лишь избранным кругом художников, и притом, может быть, больше английских, чем американских.

Но так бывает почти со всеми предтечами. И от этого они нисколько не меньше являются истинными представителями своего народа, даже если их народ их не признает: в них освобождаются раньше срока глубинные силы, которые таит человеческая масса и которые она подавляет: они возвещают об этих силах. Рано или поздно они дадут взрыв. Личность, подобная Уитмену, была гениальным провозвестником скрытой души, которая спала (и сейчас она еще не совсем пробудилась) в океанических глубинах родного ему народа Соединенных Штатов.

V. Проповедь в Америке

Из всей этой совокупности духовных проявлений, картину которой я мог здесь лишь набросать и углубленное исследование которой я оставляю историку новой души Запада, становится понятным, что мысль Соединенных Штатов, обработанная за полвека этими ферментами, более чем какая-либо другая из всего Запада оказалась подготовленной принять Вивекананду.

Едва он начал говорить, как к нему потекли мужчины и женщины, жаждущие его услышать. Они приходили из всевозможных кругов: из гостинных и из университетов, истинные и чистые христиане, так же как агностики и искренние вольнодумцы. Что поражало Вивекананду — что и сейчас поражает нас, — это то, что на этой молодой и в то же время старой земле, которая остается загадкой, надеждой, ужасом для будущего, — всюду встречались зарождающиеся бок о бок возвышенные и мрачные силы, безмерная жажда истинного, безмерная жажда ложного, полное бескорыстие и нечестивый культ золота, детская искренность, ярмарочное шарлатанство. Несмотря на страстные порывы, которые порой вызывал его бурный характер, он был достаточно велик душою, чтобы держать в равновесии и свои симпатии и антипатии; он всегда умел отдать должное добродетели и действительным силам англосаксонской Америки.

В сущности, хотя то, что он создал на этой почве, было прочнее, чем где-либо в Европе, он никогда не ощущал ее так твердо под ногами, как в Англии, которую он узнал позднее. Но нет ничего великого в новой Америке, к чему он не приблизился бы с почтением и чего он не привел бы с восхищением в пример и подражание своим соотечественникам: экономические системы, промышленную организацию, народное просвещение, музеи и картинные галереи, успехи наук, учреждения гигиены и социальной помощи. Краска бросалась ему в лицо, когда он сравнивал замечательные достижения Соединенных Штатов в этой области, щедрость расходования общественных средств на общественное дело, с социальной апатией своей родины. И он, всегда готовый бичевать жестокую гордость

Запада, готов был еще более жестоко унижать гордость Индии, подавляя ее примером социальных достижений Запада.

"О палачи!.." — восклицает он, выйдя из образцовой женской тюрьмы, где с арестантками обращались вполне гуманно, вспоминая о жестоком равнодушии индусов к бедным и несчастным, которые не имеют никакой возможности спасения... "Ни одна религия на земле не нашла более величественных слов, чтобы проповедовать человеческое достоинство. И ни одно общество не угнетает своей пятой несчастных так безжалостно, как индусское общество. Этому виной не религия, а лицемерные фарисеи, саддукеи".

Поэтому он не перестает заклинять, пробуждать, толкать молодежь Индии:

"...Препоясайте ваши чресла, дети мои! Я призван Господом, чтобы сказать вам это... Надежда на вас, на малых, на кротких, на верных. Любите несчастных; а что до помощи, то взирайте на небо! Она явится! Я странствовал годы с этой тяжестью на сердце и этой мыслью в голове. Я стучал во все двери, к богатым и великим, с истекающим кровью сердцем. Я прошел полмира, чтобы достичь этой чужой земли, ища повсюду помощи. Господь поможет мне. Возможно, что я погибну на этой земле от голода и холода. Но я завещаю вам, юноши, мою любовь, мою борьбу за бедных, за невежественных, за угнетенных. Целуйте землю перед Господом и принесите им в жертву всю жизнь! Дайте обет посвятить все ваше существование искуплению этих трехсот миллионов, которые падают, падают все ниже с каждым днем! Слава Господу! Мы победим. Сотни погибнут в борьбе. Но сотни возобновят борьбу. Любовь и вера! Жизнь — ничто. Смерть — ничто. Слава Господу! Идем! Господь — наш вождь. Не глядите назад, на падающих. Вперед!.."

Это прекрасное письмо, вызванное картиной благородной социальной филантропии Америки, кончается криком надежды, который показывает, что Вивекананда, бичевавший Тартюфов христианской веры, чувствовал более, чем кто-либо другой, веяние Amor Caritas, оживляющей эту истинную веру:

"Я здесь среди детей сына Марии, и Господь Иисус мне поможет..."^[100]

Нет, этот человек не считался бы с преградами религий. Именно он должен был произнести^[101] могучее слово:

"Хорошо родиться в какой-нибудь церкви. Но страшно в ней умереть".

На возмущенные крики ханжей — христианских или индусских, которые считали себя призванными охранять закрытые двери своих нетерпимых религий, чтоб не допустить туда никого из неверных, он отвечал:

"Ах, да не все ли равно, индусы они, магометане или христиане! Все, кто любит Господа, могут всегда рассчитывать на мое участие... Идите в огонь, дети мои!.. Все придет к вам, если у вас есть вера... Пусть каждый из вас молится, днем и ночью, за миллионы существ, раздавленных в Индии, поработанных бедностью, жрецами и тиранами!.. Я не метафизик, не философ и не святой! Я беден и люблю бедных. Кто сочувствует в Индии двумстам миллионам мужчин и женщин, погруженных в бездну невежества и бедности? Кто покажет им выход оттуда? Кто принесет им свет?.. Пусть эти бедные станут вашим богом!.. Только того назову я махатмой, чье сердце истекает кровью за бедных... Но пока миллионы будут жить в голоде и невежестве, всякого человека, который, получая образование за их счет, не заботится о них, я считаю предателем!.."

Таким образом, он ни на один день не забывает первоначальной идеи своей миссии, идеи, когти которой терзали его, пока он странствовал через Индию, с севера на юг, с юга на север, между Гималаями и мысом Кумари: спасти свой народ, его тело и душу (прежде тело: прежде всего — хлеб!), мобилизовать на помощь ему весь мир, расширив свое дело так, чтоб оно стало делом всех народов, делом бедных, делом угнетенных всего мира. Дающему дается. Не будем говорить о руке, протягивающей милостыню с высоты жалости. Равенство! Получающий дает, и дает столько же, сколько получает, если не больше. Он получает жизнь, он дает жизнь, он дает Бога. Ибо эти несчастные, эта Индия в лохмотьях, эти умирающие, они обладают Богом. Под гнетом страдания и издевательств, под которым народы изнывают от века, течет, бродит и сгущается вино вечного Духа. Примите, пейте! Они могут повторить слово Тайной Вечери: "Ибо это моя кровь..." Они — Христос всех народов.

Поэтому перед взором Вивекананды открывается задача двоякого рода: распространить в Индии деньги и блага, приобретенные

западной культурой; распространить на западе духовные сокровища Индии. Равный обмен. Братская взаимопомощь.

Он оценил не только материальные блага Запада. Он оценил блага социальные, блага моральные. Мы точно слышим восклицание изумления, которое вырвалось у него при созерцании духа человечества, изумления, которое великая, уважающая себя нация считает себя обязанной проявить по отношению даже к тем, кого она обязана осудить. Он был полон восхищения перед кажущимся равенством при виде миллиардера и женщины из простого народа, сидящих рядом в одном трамвае. Он приписывал этому более реальное значение, чем то, что скрывается под этим обманом зрения, помогающим орудовать машине, которая крошит всех, кто падает^[102]. И тем болезненнее он чувствовал убийственное неравенство не-членов касты, стоящих вне каст в Индии:

"Судьба Индии, — писал он, — была замкнута печатью в тот день, когда было изобретено слово "mleccha" (не-индус, стоящий вне), которое закрыло дверь общения с другими".

Он заявлял, что прежде всего необходимо создать "организацию, которая научила бы Индию взаимопомощи и взаимопониманию", по примеру демократии Запада^[103].

Он преклонялся также перед высоким интеллектуальным уровнем многих женщин в Америке и благородным употреблением ими своей свободы. Он противопоставлял их эмансипацию затворничеству женщин в Индии; и воспоминание о страданиях одной из сестер, которую он потерял, заставляло его работать над их освобождением, выполняя долг любви^[104].

У него не было никакого расового самолюбия, которое мешало бы ему признать превосходство Запада по стольким пунктам^[105], и ему хотелось извлечь из него пользу для своего народа.

Но гордость его принимала что-либо лишь при условии вернуть это сторицей. Он сознавал, что несет западному миру, запутавшемуся в сетях демона деятельности и практического разума (он сказал бы: "физического" разума) освобождение через дух, ключ к божеству, которое присутствует в человеке и которым владеет последний бедняк в Индии. Вера в человека, которая так развита в молодой Америке, была для него первой ступенью, основой для надежды. Будучи далека от того, чтоб унижать эту веру, как это отчасти делает европейское

христианство, его энергия видела в ней свою младшую сестру, благородную по рождению, но ослепленную новым солнцем и идущую большими, поспешными шагами по краю бездны. Он считал себя призванным вернуть ей зрение, повести ее выше, на широкие террасы жизни, откуда можно видеть в Боге.

* * *

Он предпринял поэтому в Америке ряд апостольских путешествий, чтобы посеять на обширных пространствах нетронутых душ семена ведантического учения и пролить дождь любви Рамакришны. Эти семена были отобраны им и, согласно голосу здравого инстинкта, приспособлены для американских слушателей. Последнего же, своего учителя, он долго не называл, по стыдливости горячего чувства: он избегал называть его имя, хотя и распространял его учение; и даже когда он решился прямо заговорить о нем с некоторыми очень близкими учениками^[106], он запретил предавать гласности свои проникновенные изъявления благодарности.

Он быстро отделался от лекторских организаций "янки", которые предписывали ему проторенную дорогу, от этих managers, которые эксплуатировали его, позоря его честь своей цирковой рекламой, ради больших сборов^[107]. В Детройте, где он пробыл в 1894 году шесть недель, он сбросил иго связывавшего его договора. Он не мог больше выдержать. Он умолял своих друзей избавить его от контракта. Это не обошлось без больших убытков^[108]. В Детройте же он встретил ту, кому из всех его западных учеников предстояло стать вместе с Sister Nivedita (мисс Маргарита Нобль) наиболее близкой его духу: ту, кто впоследствии приняла имя Sister Christine (мисс Гринстайдль)^[109]. Из Детройта он вернулся в Нью-Йорк в начале зимы 1894 года. Там им сразу завладела группа богатых друзей, интересовавшихся гораздо больше им, человеком, который был в моде, чем его делом. Он не потерпел этого. Он желал быть один и быть господином у себя. Он устал от этой скачки с препятствиями, где нельзя было создать ничего прочного; он решил собрать постоянных учеников и открыть бесплатные курсы. Богатые друзья, предлагавшие его "финансировать", ставили ему неприемлемые условия: они готовы были заставить его ограничиться исключительно обществом "порядочных" людей. Им овладевали приступы бешенства. Он восклицал:

"Шива! Шива!.. Случалось ли когда-нибудь, чтобы великое дело выросло благодаря богачам? Творят сердце и мозг, а не кошелек!.." ^[110]

Несколько преданных и не особенно удачливых учеников взяли на себя финансовую ответственность за предприятие. Наняли в "нежелательном" квартале несколько неказистых комнат. Никакой мебели. Все садились где попало, он сам — на полу. Вначале — десять-двенадцать человек. Затем пришлось открыть дверь на лестницу: устраивались на ступеньках и на площадке. Вскоре пришлось думать о более просторном помещении. Эта первая серия лекций проходила с февраля по июнь 1895 года ^[111]. Он разъяснял в них Упанишады. Он побуждал каждый день несколько избранных учеников практиковать двойной метод раджа-йоги и джнана-йоги: одна — скорее специально психофизиологическая, имеющая целью интенсивное сосредоточение путем овладения жизненной энергией, путем подчинения организма разуму, путем молчания, предписанного всем внутренним, волнующимся потоком, чтоб мог слышаться единый и полный голос Существа ^[112]; другая — чисто интеллектуальная, родственная научному разуму, которая стремится к единению духа с мировым Законом, с абсолютной Действительностью: Наука — Религия.

До июня 1895 года он закончил редакцию своего знаменитого трактата о раджа-йоге, продиктованного мисс С. Е. Уолдо (позднее Sister Haridasi), которому предстояло привлечь внимание американских физиологов, поразить Вильяма Джемса и, позднее, вдохновить Толстого ^[113]. Во второй части моей книги я вернусь к этому мистическому методу, так же как и к другим главным йогам. Можно опасаться, что та, о которой идет речь, оказалась столь привлекательной для Америки лишь потому, что она ее принимала в самом практическом смысле, как сулившую материальное могущество. Этот гигантский народ с ребяческим умом чаще всего интересуется идеями лишь тогда, когда сам придает им материальный интерес. Метафизика и религия обращаются в его руках в ложные прикладные науки, цель которых — добыть тем, кто ими владеет, могущество, богатство и силу — царство мира сего. Ничего не могло быть оскорбительнее для такой личности, как Вивекананда. Для всех истинных индийских учителей духовного это духовное есть самоцель; их единственное стремление — осуществить его; они не прощают тем,

кто подчиняет свои искания приобретению каких-либо материальных преимуществ. Вивекананда был особенно суров к тому, что он клеймил как непоправимую низость. Но, может быть, лучше было, как говорят, не искушать дьявола и для начала направить американский ум по другим путям. Можно предполагать, что он это заметил, так как его лекции в следующую зиму относились уже к другим йогам. В это время он был еще в периоде исканий. Юный учитель испытывал свое владычество над людьми другой расы, и он еще не остановился на способе, которым должен был осуществлять это владычество.

План действий ясно определился у Вивекананды во время непосредственно следующего за этим периода в июне-июле 1895 года, за несколько недель, проведенных летом среди избранного круга преданных людей в Парке Тысячи островов^[114]. На холме, близ леса, над рекой св. Лаврентия, в имении, полностью предоставленном в распоряжение учителя для его ведантических занятий, собралось человек двенадцать избранных учеников. Он начал свои лекции 19 июня чтением Евангелия от Иоанна. И в течение семи недель он не только излагал священные книги Индии, но (основное обучение, в его глазах!) он прилагал усилия к тому, чтобы пробудить героические силы в душах, отдавшихся в его руки: "свобода", "мужество", "целомудрие", "грех считать себя слабым" — таковы были темы его бесед.

"Личность — мой лозунг, — писал он одному из своих тогдашних учеников^[115], - я стремлюсь формировать личности".

Он говорил также:

"Если я в моей жизни помогу хоть одному человеку достигнуть свободы, мои труды не потрачены даром".

Следуя инстинктивному методу Рамакришны, он никогда не говорил через головы своих слушателей с этим бесхребетным целым — Публикой, как делает большинство ораторов и проповедников; он, казалось, обращался к каждому в отдельности. Ибо, как он и говорил, "один человек вмещает для него в себе всю вселенную"^[116]. Ядро космоса — в каждой личности. Этот могучий основатель ордена остался, по существу, саньяси до конца^[117] и хочет породить тоже саньяси, людей свободных и принадлежащих Богу. Такова его цель в Америке, — он решительно осознал ее, — освободить избранные души и делать из них, в свою очередь, сеятелей свободы.

С лета 1895 года несколько западных учеников ответили на его призыв, и он дал посвящение некоторым из них^[118]. В дальнейшем они проявили себя весьма различно: Вивекананда, по-видимому, не обладал безошибочным зрением Рамакришны, который с первого взгляда проникал до дна души людей, раскрывая их прошлое, как их будущее, видел их обнаженными. Он собирал во время жатвы зерно и солому, предоставляя завтрашнему дню отделить солому и развеять ее по ветру. Но среди этого множества он пожал изумительные привязанности. Из учеников того времени никто не был для него так ценен, как — наряду с Sister Christine — молодой англичанин Дж. Дж. Гудвин, отдавший ему всю жизнь: с конца 1895 года он стал его секретарем, его правой рукой, как называл его Вивекананда; именно благодаря ему для нас сохранилось слово, посеянное Вивеканандой в Америке.

Его пребывание в Соединенных Штатах, прерванное с сентября по ноябрь 1895 года путешествием в Англию, к которому я еще вернусь, возобновилось зимой и продлилось до половины апреля 1896 года. Вивекананда продолжал здесь преподавание ведантизма в двух сериях лекций, и платных и на частных курсах в Нью-Йорке: одну в декабре 1895 года о карма-йоге (пути к Богу через труд), — изложение их считается его шедевром, — другую в феврале 1896 года о бхакти-йоге (пути Любви).

Он говорил для различных кругов в Нью-Йорке, в Бостоне, в Детройте, для народной аудитории, в "Метафизическом обществе" в Гартфорде, в "Этическом обществе" в Бруклине, или для студентов и профессоров философии Гарвардского университета^[119]. В Гарварде ему предложили кафедру восточной философии, в Колумбии — кафедру санскрита. В Нью-Йорке он организовал, под председательством сэра Фрэнсиса Леггетта, Vedanta Society, которое должно было стать центром ведантистского движения в Америке.

Его лозунгом было: терпимость и религиозный универсализм. Три года путешествий по Новому свету, постоянное соприкосновение с мыслью и верой Запада помогли созреть его идеалу вселенской религии. Его индусский образ мыслей получил от них, в свою очередь, толчок. Чтобы великая религиозная и философская мысль Индии могла развить свой победоносный порыв и свое движение вперед, чтоб она могла проникнуть в дух Запада и оплодотворить его, необходимо

было, как он говорил еще в Мадрасе в 1893 году^[120], перестроить ее всю целиком. Внести порядок в эти джунгли идей и переплетенных между собою форм. Классифицировать великие системы вокруг определенных, устойчивых стержней всеобщего духа. Примирить между собою по внешности противоречивые понятия индийской метафизики (абсолютное Единство адвайтизма, Единство "умеренное" или "измененное", и Двойственность), сталкивающиеся в Упанишадах. Построить мост, который связал бы их с метафизическими понятиями Запада, установив сравнительную таблицу, которая помогла бы схватить родственные черты между глубокими взглядами самой древней гималайской философии и данными современной науки. Он мечтал написать этот Maximum Testamentum, это Всеобщее Евангелие. Он побуждал своих индийских учеников помочь ему в подборе материалов, необходимых для этой перестройки. Дело шло о том, говорил он, чтобы перевести индийскую мысль на европейский язык, "сделать из сухой философии, из мифологии, из странной психологии религию легкую, простую, доступную и в то же время удовлетворяющую требованиям наиболее возвышенных умов"^[121].

Индусские ортодоксальные мыслители и европейские индианисты могли сказать, — и они это говорили, — что такое предприятие не могло не быть сопряжено с риском изменить подлинный узор древних тысячелетних ковров. Но Вивекананда не считал, что это так; он, наоборот, утверждал, что таким образом он яснее выделит их мощные линии, прикрытые искажающими их вышивками, их первоначальную и глубокую сущность. Он много раз высказывался по этому поводу^[122].

В сущности, для таких умов религия никогда не является установленной раз навсегда, в виде каких бы то ни было текстов, в каких бы то ни было формах. Она идет вперед. Если она остановится хотя на один момент, она умирает. Его универсалистский идеал всегда находится в движении. Он должен быть оплодотворен постоянным единством Востока и Запада, с тем, чтобы оба они не застыли на определенной доктрине и в определенной точке времени, а были живыми и шли вперед. Одна из задач Vedanta Society: следить за тем, чтобы путем постоянного взаимного обмена людьми и идеями кровообращение мысли было правильно и омывало все тело человечества...

VI. Встреча Индии с Европой

Под сухим и блестящим небом Нью-Йорка, в этой наэлектризованной атмосфере, на этой лихорадочно деятельной земле, дух действия Вивекананды горел подобно факелу. Он сжигал сам себя. Расход сил в мысли, в писаниях, в страстном слове серьезно отзывался на его здоровье. Когда он выходил из этой толпы, в которую вдыхал свой просветленный дух^[123], он хотел бы "забиться в дальний угол и там умереть". Его столь короткая жизнь, уже подточенная болезнью, от которой он и погиб, была отмечена с тех пор раной от этих излишеств мысли. Он никогда не мог от этого оправиться^[124]. Около этого времени он уже видел приближение смерти. Ему случалось говорить:

"Мой день кончен".

Но игра захватывала его снова, так же как героизм его миссии.

Можно было думать, что поездка в Европу развлечет его. Но куда бы он ни ехал, для него это всегда значило — расходовать себя. Он трижды побывал в Англии^[125]: с 10 сентября по конец ноября 1895-го, с апреля по июль 1896-го, с октября по 16 ноября 1896 года.

Впечатление от Англии было у него еще глубже и еще неожиданнее, чем от Америки.

Конечно, ему не приходилось жаловаться на нее. Несмотря на враждебные выпады, на которые он мог натолкнуться, и на Ярмарку Тщеславия, от которой ему приходилось себя защищать, он нашел там самые нежные симпатии^[126], самую самоотверженную помощь и землю, еще девственную, которую только и оставалось засеять.

Но с первых же шагов на Старом континенте он почувствовал совсем иное направление интеллекта. Здесь это уже не было жадное и варварское стремление молодого народа переоценить свою волю, которое заставляло его броситься на йогу, проповедовавшую энергию, — раджа-йогу, чтобы, искажая ее, требовать от нее детских, нездоровых, тайных рецептов для покорения мира. Здесь это была тысячелетняя работа ума, который, изучая Индию, шел прямо к тому, что было наиболее существенно и для адвайтиста Вивекананды, — к методам познания, к джнана-йоге, и который не нуждался в особых

объяснениях и прохождении подготовительного класса для ее понимания, а судил со знанием и уверенностью.

Хотя в Соединенных Штатах Вивекананда встречался с некоторыми высокообразованными людьми, как профессор Райт, философ Вильям Джемс^[127] и великий электрофизик Николай Тесла, проявившими к нему дружеский интерес^[128], но они были в области индусского метафизического размышления по большей части учениками, которым предстояло еще все изучить, как и дипломированным философам Гарварда^[129].

В Европе Вивекананде предстояло померяться с такими авторитетами индологии, как Макс Мюллер и Пауль Дейссен. Величие философской и филологической науки Запада открылось ему в своем терпеливом гении и своей неподкупной честности. Он был растроган ею до глубины души, и никто с такой любовью и почтением не отдал ей должное перед индийским народом, не знавшим ее, как и Вивекананда не знал до этих пор.

Открытие Англии потрясло его не только этим. Он шел сюда как враг. И он оказался покоренным. С самого возвращения в Индию он громко заявил об этом, со своей чудесной прямоотой.

"Никто никогда не высаживался на берег Англии с большей ненавистью в сердце против целого народа, чем моя ненависть против англичан... Никто из вас не любит английский народ так, как я его люблю сейчас..."

И в письме из Англии к одной из американских учениц (8 октября 1896 года):

"Мои представления об англичанах претерпели революцию"^[130]. Он открыл "нацию героев: настоящие кшатрии!.. Смелые и постоянные. Их воспитание приучает их не проявлять своих чувств. Но под этой надстройкой героической воли скрывается глубокий источник сердца. Если вы тронули это сердце, оно ваше навсегда. Если только в этот мозг внедрилась какая-нибудь мысль, ничто ее уже не вырвет; благодаря сильному практическому смыслу народа, она приносит прекрасные плоды... Они разрешили задачу повиновения без угодливости и величайшей свободы, соединенной с уважением к закону..."^[131]

Народ, достойный зависти. Он заставляет даже тех, кого притесняет, уважать себя. Даже те, кто могут быть названы пламенной

совестью своего поработанного народа, стремящиеся его поднять, — люди, подобные Рам Мохан Рою, Вивекананде, Тагору, Ганди, — вынуждены признать величие победителя, законность победы и, может быть, полезность общей с ним работы. Во всяком случае, если бы им предстояло переменить владыку, они не пожелали бы никого другого. При всех своих чудовищных злоупотреблениях, англичане все же кажутся им из всех народов Запада (я разумею под этим и всю Европу и Америку) — тем народом, который предоставляет им наиболее широкое поле будущего свободного развития из собственных идеалов.

Ибо, при всем своем восхищении, Вивекананда никогда не теряет из виду свою индийскую миссию. Он рассчитывает опереться на величие Англии, чтобы осуществить духовное владычество Индии. Он пишет^[132]:

"Эта Британская империя, со всеми ее недостатками, — самая мощная машина для распространения идей, которая когда-либо существовала. Я собираюсь поместить свои идеи в центр этой машины, и они распространятся по всему миру... Духовные идеалы всегда являлись человечеству от тех народов, которые были попраны ногами (евреи и Греция)".

В первое же свое путешествие в Лондон он мог написать одному из учеников в Мадрасе:

"Моя работа в Англии поистине великолепна".

Успех последовал сразу же. Общая пресса выражала полное восхищение. Нравственный облик Вивекананды сравнивали с величайшими религиозными явлениями — не только с его индийскими предшественниками, Рам Мохан Роем и Кешабом, но с Буддой и Христом^[133]. Он был принят с почетом в аристократических кругах, и даже главы церквей выражали ему свою симпатию.

Во время второго пребывания в Англии он открыл регулярные курсы ведантической науки; здесь, уверенный, что имеет умственно одаренную аудиторию, он начал йогой разума — джнана-йога^[134]. Далее, он прочел ряд лекций в картинной галерее в Пикадилли, в Принцесс-Холл, в клубах, в общеобразовательных обществах, в ложе Анни Безант, в частных кружках. Он видел серьезность английских слушателей, столь противоположную поверхностному увлечению американской публики. Менее блестящие, более консервативные, чем американцы, англичане долго хранили некоторую сдержанность, но,

раз открывшись, они уже открывались всецело. Вивекананда, почувствовав доверие, больше шел им навстречу. Он говорил о том, кого всегда тщательно скрывал от взоров непосвященных, — о своем дорогом учителе Рамакришне. Он говорил со страстным смирением, что всем, чем он был, он обязан ему, что ни одна бесконечно-малая мысль не принадлежит ему лично, что все его мысли исходят от учителя... И он возвещал в нем "источник новой эры для религиозной жизни человечества".

Благодаря Рамакришне он вошел в сношения с Максом Мюллером. Старый индианист, юный взор которого следил с постоянно новым интересом и великодушной симпатией за всеми движениями индийской религиозной души, уже заметил на Востоке, как один из царей-волхвов, восход звезды Рамакришны^[135].

Ему хотелось расспросить непосредственно свидетеля нового Воплощения; и по его просьбе Вивекананда должен был составить воспоминания о своем учителе, которые Макс Мюллер использовал в небольшой книжке о Рамакришне^[136].

Вивекананду также немало привлекал Оксфордский Волхв, который из далекой своей обсерватории возвестил прохождение великого Лебедя^[137] по небу Бенгалии. Он был приглашен к нему 28 мая 1896 года; и юный индийский Свами, преклонясь перед старым европейским мудрецом, поклонился в нем духу его расы, воплощению античного Риши, который помнит о своих предшествующих рожденьях в древние дни Индии Вед, — "душе, которая каждый день ощущает свое единение с Брамой..."^[138]

* * *

Англия дала ему еще больше: дружеские привязанности, может быть, самые значительные в его жизни: Дж. Дж. Гудвина, Маргарет Нобль, г. и г-жу Севье.

Я уже упоминал о первом из них. Знакомство с ним произошло в конце 1895 года, в Нью-Йорке. Нужен был хороший стенограф, чтоб в точности сохранить уроки Свами, но было очень трудно найти достаточно образованного человека. Пригласили молодого Гудвина, только что приехавшего из Англии. Еще не прошла первая пробная неделя, как, преображенный мыслями, которые ему пришлось записывать, он бросил все и посвятил себя учителю. Он отказывался от всякой оплаты, работая днем и ночью, всюду сопровождая

Вивекананду, любовно следя за ним. Он принял обет брахмачарья. Он отдал учителю всю жизнь — в полном смысле слова: ибо он умер преждевременно^[139], в Индии, последовав за тем, кто стал его семьей, его родиной, и чьей вере он пламенно служил.

Маргарет Нобль столь же всецело отдала себя всю. Будущее навсегда соединит имя, которое она приняла по посвящении — Sister Nivedita, с именем ее возлюбленного учителя, как имя святой Клары с именем св. Франциска (вдобавок властолюбивый Свами был далек от кротости Poverello и, прежде чем принять отдавшееся ему сердце, подвергал его суровым испытаниям)^[140]. Она была начальницей школы в Лондоне. Вивекананда читал в ее школе. Она сразу же подпала под его обаяние^[141]. Но она долго защищалась. Она была именно тою, кто после каждой лекции подходила к Вивекананде со словами:

— Да, свами... Но...

Она всегда возражала. Она все время сопротивлялась. Но когда она уступила, это было навеки. Одна из тех английских душ, которые трудно покорить, но которые, раз уже покорены, покорены навсегда. Вивекананда говорил о них:

"Нет душ более верных!"

Ей было двадцать восемь лет, когда она решилась. Она вручила свою судьбу в руки Свами. Он послал ее в Индию^[142], чтобы она посвятила себя воспитанию индусских женщин^[143]. И он предписал ей, чтобы завоевать их доверие, самой стать индуской, "индуизировать свои мысли, свои понятия, свои привычки, забыть даже память о своем собственном прошлом". Она приняла обет брахмачарья и была первой европейской женщиной, допущенной в монашеский орден Индии. Мы встретим ее далее рядом с Вивеканандой, Беседы^[144] которого она сохранила и сделала более, чем кто-либо другой, для популяризации его образа на Западе.

Дружба обоих Севье носила тот же характер абсолютной любви и доверия, дающих все и навсегда. Сам Севье был отставной капитан, ему было сорок девять лет. И он, и его жена интересовались религиозными вопросами. Мысли, слова, личность Вивекананды их поразили. Мисс Мак-Леод рассказывала мне:

— Выходя с одной из его лекций, Севье спросил меня: "Вы знаете этого молодого человека. Таков ли он, каким он кажется?" — "Да" —

"Тогда нужно следовать за ним и найти вслед за ним Бога..." Он сказал своей жене: "Ты позволишь мне стать учеником Свами?" Она ответила: "Да". Она спросила его: "Ты позволишь мне стать ученицей Свами?" Он ответил с добродушным юмором: "Не знаю..."

Они уехали с ним, реализовав все свои небольшие сбережения. Но Вивекананда, больше заботившийся о будущем своих старых друзей, чем они сами, не позволил им отдать все его делу и настоял, чтоб они сохранили часть для себя. Они смотрели на Свами, как на своего сына. Они посвятили себя, как увидим ниже, организации в Гималаях Адвайта Ашрам, о котором он мечтал, для размышлений о безличном Боге: ибо именно адвайтизм привлек их всего более в учении Вивекананды, и для него это было также самое насущное. Г-н Севье умер в 1901 году в построенном им монастыре. Г-жа Севье пережила его, так же как и Вивекананда. Около пятнадцати лет она оставалась, единственная из европейцев, в этом отдаленном месте, в глубине гор, недоступных на целые месяцы, занимаясь обучением индийских детей.

— И вы не скучали? — спросила ее мисс Мак-Леод.

— Я думала о нем (о Вивекананде), — просто ответила она.

Эти удивительные друзья, дарованные Англией Индии, были привилегией не только Вивекананды. Великие индусы всегда находили среди англичан наиболее постоянных, наиболее стойких учеников и помощников. Известно, чем были и остались для Тагора или Ганди такие люди, как Пирсон, Эндрыос или "Mirabhen"...^[145] Когда, позднее, освобожденная Индия захочет подвести баланс всему, что она выстрадала от Британской империи и чем она ей обязана, — эти святые дружеские привязанности, более чем какие-либо другие благодеяния, заставят поколебаться весы, отягощенные преступлениями.

И, однако, на этой земле, в которой его слово пробудило столь глубокие отклики, он не попытался ничего основать, как в Соединенных Штатах, где предстояло зародиться Ramakrishna Mission. Может быть, как мне говорила одна из его американских учениц, он отдал себе отчет, что высокий умственный уровень Англии и Европы требует и соответствующего культурного уровня от его индусских миссионеров, не так часто встречающегося у братьев Баранагора?..^[146] Нужно, я думаю, учитывать и громадную усталость, которая начинала отягощать его. Он устал от мира и от служения делам. Он стремился к

великому покою. Болезнь, которая глухо точила, как червь, его телесную оболочку, отдаляла его от жизни. В эти минуты он отказывался строить. Он говорил, что он не организатор. Он писал 23 августа 1896 года^[147]:

"Я начал дело: пусть другие завершают его! Чтобы пустить его в ход, я вынужден был замарать себя деньгами, имуществом^[148]. Теперь моя часть работы сделана. Мне не интересны более ни веданта, ни какая-либо философия, ни труд... Эта форма добра, эти дела надоели мне!.. Я готовлюсь уйти, чтобы уже не возвращаться в этот ад, в мир!"

Трагический крик души, все страдание которого понятно тем, кто испытал страшное истощение подтачивавшей его болезни! В другие минуты она, напротив, давала себя знать порывами экзальтации: вся вселенная представлялась ему беспечной игрой Бога-ребенка, лишённого рассудка^[149]. Но радость или горе, это было то же отрешение. Мир уходил от него. Нить, к которой был привязан воздушный змей, обрывалась^[150].

* * *

Преданные друзья, следившие за ним, увлекли его еще раз в путешествие для отдыха, в Швейцарию. Он провел там большую часть лета 1896 года^[151] и по-видимому поправился, наслаждаясь воздухом, снегом, потоками, горами, которые напоминали ему Гималаи^[152]. В деревушке, в глубине Альп, между Монбланом и Сен-Бернаром, у него впервые зародилась мысль основать в Гималаях монастырь, где объединились бы ученики Запада и Востока. Сопровождавшие его Севье подхватили эту мысль: она стала задачей их жизни.

В его горное убежище пришло письмо от профессора Пауля Дейссена, который приглашал его к себе в Киль. Чтоб увидеться с ним, он сократил свое пребывание в Швейцарии и отправился обычным путем студентов, через Гейдельберг, Кобленц, Кельн, Берлин: ему хотелось получить хотя бы общее впечатление от Германии, материальная мощь и большая культура которой его поразили. Я рассказал в "Jahrbuch der Schopenhauer Gesellschaft"^[153] о его посещении Киля и основателя Шопенгауэровского общества. Прием был настолько радушен и беседа настолько оживленна, как можно было ожидать со стороны страстного ведантиста — Пауля Дейссена, видевшего в веданте не только "одно из самых величественных

созданий человеческого гения, ищущего Истину", но "самую сильную поддержку самой чистой нравственности, самое большое утешение в страданиях жизни и смерти"^[154].

Но, если Дейссен и почувствовал личное обаяние, умственные дарования и обширные знания Свами, из замечаний в его Дневнике не видно, чтобы он предчувствовал значительность судьбы своего юного гостя. В особенности далек он был от представления о трагической серьезности души этого человека, крепкого и веселого по внешности, который, однако, носил в сердце боль о своем несчастном народе, а в теле — печать смерти. Он видел его в момент счастливого отдыха и признательного самозабвения, в присутствии германского ученого и мудреца, столько сделавшего для Индии. Эта благодарность не изгладилась из памяти Вивекананды, и он сберег светлое воспоминание о кильских днях, как и о днях в Гамбурге, Амстердаме и Лондоне, куда Дейссен его сопровождал^[155]. Отблеск этих дней сохранился в великолепной статье в "Brahmavadin", где Вивекананда позднее напоминает своим ученикам о долге благодарности Индии великим европейцам, сумевшим ее понять и полюбить больше, чем она сама, и в первую очередь — Максу Мюллеру и Паулю Дейссену.

Он провел еще два месяца в Англии, встречаясь вновь с Максом Мюллером, с Эдуардом Карпентером, Фредериком Миэром, читая новый цикл лекций о веданте, об индусской теории майи и об адвайте^[156]. Но его пребывание в Европе подходило к концу. Голос Индии призывал его. Его охватила тоска по родине. Человек уже обессиленный, который три месяца назад отказывался, с бурным отчаянием, наложить на себя новые цепи^[157], который хотел бежать от адского колеса жизни и деятельности, вновь бросался в него и собственными руками привязывал себя к жернову. Ибо, как он говорил, прощаясь, своим английским друзьям:

"Возможно, что мне хочется покинуть это тело, сбросить его, как обветшавшую одежду. Но я никогда не перестану помогать человечеству".

Действовать, служить, в этой жизни, в жизни будущей, возрождаться, все время возрождаться для нового служения... Нет, Вивекананде не позволено "больше не возвращаться в этот ад". Ибо его участь, смысл его существования — именно возвращаться; возвращаться без отдыха, чтобы бороться с пламенем этого ада и

вырывать у него его жертвы. Ибо его закон — сгореть в нем ради спасения других...

Он выехал из Англии 16 декабря 1896 года, проехал через Дувр, Калэ, Мон-Сени, закончил свое посещение Европы кратковременным путешествием по Италии, поклонился в Милане Тайной Вечере да Винчи: особенно взволновал его Рим, который в его представлении занимал место, подобное Дели, и где в каждый момент его поражали черты сходства между католической литургией^[158] и индусскими обрядами. Он чувствовал ее великолепие и защищал красоту ее символа и производимого ею впечатления, возражая сопровождавшим его англичанам; его глубоко трогали воспоминания о первых христианских мучениках в катакомбах; он разделял нежное поклонение итальянского народа младенцу Христу и Матери Деве^[159]. Они все время присутствовали в его мыслях. Это видно из многих его слов, которые я уже приводил. Когда он был в Швейцарии перед небольшой часовней в горах, он сорвал цветы и попросил г-жу Севье положить их к ногам Девы, сказав:

— Она тоже — Мать.

Позднее одному из его учеников пришла своеобразная мысль принести ему изображение Сикстинской Мадонны, чтобы он благословил ее; он смиренно отказался и, коснувшись благоговейно ног Младенца, сказал:

— Я омыл бы его ноги не слезами моими, а кровью моего сердца.

В самом деле, можно сказать, что во всей Европе и Америке самым близким ему существом был Христос^[160]. И в этом яснее всего чувствуется, что великий посредник между Богом и человеком призван быть также посредником между Востоком и Западом, ибо Восток по праву признает его своим.

На пароходе, на котором он возвращался из Европы в Индию, Вивекананда долго размышлял об этой божественной черте, соединявшей два мира. Эта была не единственная связь. Была связь, намеченная великими бескорыстными учеными, которые без помощи, в темноте нашли путь, ведущий к познанию самого древнего, самого чистого духа Индии. Было то нежданное пламя духовности, которое заставило подняться, по первому толчку — горячему слову Свами, все эти толпы, полные благих стремлений, и в Старом, и в Новом свете! Был этот порыв великодушного доверия; этот избыток сердца (мог ли

он ожидать этого от Запада, повелевавшего миром — или его оболочкой — посредством шпаги разума и кулака силы!) — все эти души, чистые и ясные, отдавшиеся ему. Эти благородные друзья, служители во имя любви, которые шли по его стопам (двое из них — старая чета Севье, были рядом с ним, на том же пароходе: они покидали Европу, все свое прошлое, чтоб следовать за ним...).

Конечно, когда он вспоминал свое долгое, четырехлетнее плавание и те плоды, которые он нес своему индийскому народу, это было не так мало — духовная добыча, внутренние богатства, которыми Индии предстояло воспользоваться! Но было ли это наиболее неотложное из того, что требовали нужды Индии? Та необходимая помощь, на поиски которой он отправился, эта горсть колосьев, собранных на полях гигантских богатств Запада, которая могла бы спасти от уничтожения миллионы индусов, денежная помощь, необходимая для восстановления физического и морального здоровья его народа, — принес ли он ее? Нет. В этом отношении его миссия потерпела неудачу^[161]. Ему нужно было начинать строить свое дело на новых началах, восстанавливать Индию с помощью Индии. Спасение должно было исходить от самих себя.

Но для выполнения этой геркулесовой работы, которую без колебания взял на себя юный герой, уже отмеченный печатью смерти, путешествие на Запад дало то, чего ему недоставало при отъезде: авторитет.

VII. Возвращение в Индию

Успех Вивекананды в Парламенте религий не скоро дошел до Индии. Но когда о нем сделалось известно, это вызвало взрыв радости и национальной гордости. Новость распространилась по всей стране. Монахи Баранагора узнали ее лишь через шесть месяцев. Им не приходилось сомневаться в том, что чикагский триумфатор был именно их брат: письмо Вивекананды подтвердило это; в радости они вспоминали давнишнее пророчество Рамакришны: "Нарен перевернет мир до самых его основ..." Раджи, пандиты и народ ликовали. Индия чествовала своего борца-победителя. Энтузиазм достиг своей высшей точки в Мадрасе и в Бенгалии, опьяненных тропической фантазией. Через год после Чикагского конгресса, в ратуше в Калькутте, 5 сентября 1894 года, состоялся митинг, где были представлены все классы населения, все подразделения индуизма; все соединились, чтобы чествовать Вивекананду и благодарить американский народ. Длинное приветствие, подписанное известными именами, было послано в Соединенные Штаты. Некоторые политические партии не замедлили истолковать действия Вивекананды в свою пользу. Вивекананда, уже предупрежденный, энергично протестовал. Он желал остаться в стороне от всякого движения, преследовавшего определенные политические цели^[162].

"Мне нет дела до успеха или неуспеха. Я сохраню свое движение чистым, или мне его вовсе не надо".

Но он не терял контакта со своими молодыми учениками в Мадрасе, не переставая возбуждать их и воодушевлять; он хотел сделать из них божие воинство, бедное и верное до самой смерти...

"Мы бедны, дети мои, мы — ничто; но именно те, кого считают за ничто, всегда бывают орудиями Всевышнего".

Его письма с Запада намечали им заранее план борьбы: "Единственный наш долг: возвысить народные массы Индии". И для этого "собирать и централизовать разбросанные силы отдельных лиц, воспитывать добродетель послушания, учиться общему труду для других". Он издали следил за их успехами. Он посылал им деньги, чтобы основать кафедру для пропаганды идей ведантизма; в его

отсутствие в Мадрасе "Brahmavadin" высоко держал его знамя. И по мере того, как приближался день его возвращения, несмотря на гнет усталости, послания его в Индию звучали, как фанфары:

"Впереди великие дела... Не бойтесь, дети мои! Мужайтесь... Я возвращаюсь в Индию и попытаюсь поставить на ноги то, что должно быть. Работайте, честные сердца. Господь за вами..."

Он объявил, что собирается основать два главных отделения, в Мадрасе и Калькутте, потом еще два, в Бомбее и Аллахабаде. Вокруг одного центра он собирался организовать (вместе со своими братьями в Рамакришне и своими помощниками с Запада) Миссию вселенской любви и помощи, которая, служа Индии и всему миру, должна была завоевать их.

Поэтому, возвращаясь, он рассчитывал найти свое воинство готовым встретить его, чтоб принять от него лозунг действия. Но он никогда не ожидал, чтобы вся нация, все народы Индии поднялись в ожидании парохода, который привозил обратно их героя, победителя Запада. В больших городах образовались комитеты из всех классов общества для организации его встречи. Строились триумфальные арки, украшались улицы и дома. Возбуждение было так сильно, что многие не в состоянии были ждать, они бросились на юг Индии, к Цейлонской пристани, чтобы первыми его приветствовать.

Когда он приехал, 15 января 1897 года, грандиозный шум приветствий поднялся из человеческого муравейника, покрывавшего набережные Коломбо. Множество народа бросилось, чтобы коснуться его ног. Организовалась процессия со знаменосцами во главе. Пели религиозные гимны. Перед Вивеканандой бросали цветы. Его кропили розовой водой или святой водой, взятой из Ганга. У порогов домов курился ладан. Сотни посетителей, богатых и бедных, несли ему свои дары.

И Вивекананда еще раз пересек всю Индию с юга на север^[163], как в те дни, когда он просил подаяния на дорогах, но теперь дорогой триумфатора, сопровождаемый восторженными толпами. Раджи преклонялись перед ним или впрягались в его экипаж^[164]. Гремели пушки, и в экзотических шествиях, где выступали слоны и верблюды, хоры пели победу Иуды Маккавея^[165].

Он был человеком, которому не свойственно было бы бежать от триумфа, так же как и от боя. Он приписывал всю честь не себе, а

своей идее. Он публично подчеркнул необычайный характер этого приема, оказанного нацией саньяси, лишенному состояния, титулов, собственного очага, не имеющему за собой ничего, кроме Бога. Он собрал все свои силы, чтобы вознести над головами народа свою священную ношу. Этот больной, жизнь которого нужно было бы щадить, расходовал ее сверхчеловеческим образом. Всю дорогу он расточал во все стороны свои слова, в ряде блестящих речей, самых прекрасных, самых героических, какие когда-либо слышала Индия, и вся Индия дрогнула, услыша их. Я остановлюсь на них далее, ибо они отмечают вершину его миссии. Придя к концу своего крестового похода через весь свет, он принес из него всю совокупность своего опыта. Длительное соприкосновение с Западом заставило его более глубоко почувствовать индивидуальность Индии. А последняя, по контрасту, заставляла его ценить сильную и многогранную индивидуальность Запада. И обе они казались ему необходимыми. И обе они, дополняя друг друга, провозглашали связывающее их слово, общее Евангелие, намечали ему дорогу, которую он должен был проложить.

* * *

Как бы ни волновали беседы в Коломбо ("Индия, святая страна" — "Ведантическая философия") и беседа в тени фигового дерева в Анарадапуре, когда, несмотря на присутствие толпы фанатически настроенных буддистов, он прославляет "Вселенскую Религию", и проповедь населению Рамасварама, где звучит великое слово, родственное Христу: "Поклоняйтесь Шиве в нищих, больных и слабых...", которое привело благочестивого раджу в экстаз милосердия^[166], - все же самое мощное свое усилие он приберег для Мадраса, Мадраса, который уже много недель ждет его в страстном безумии, который воздвиг ему семнадцать триумфальных арок, который подносит ему двадцать адресов на всех языках Индостана^[167], вся общественная жизнь которого замерла на время его пребывания — девять дней бурных празднеств...

На это самозабвенное ожидание народа он отвечает "Посланием к Индии", этим шумом раковины, который вещает воскресение страны Рамы, Шивы, Кришны и трубит боевой марш героического Духа, бессмертного Атмана. Он подобен полководцу, который излагает свой "план кампании"^[168] и призывает свой народ подняться целиком:

— О, моя Индия, поднимись. В чем твоя главная сила? В твоей бессмертной душе...

"У всякой нации, как и у каждого отдельного человека, есть в ее жизни одна единственная тема, которая служит центром ее существования, основная нота, вокруг которой группируются все остальные ноты гармонии... Если она ее отбросит, если она отбросит принцип своей собственной жизненности, направление, переданное ей веками, — она, эта нация, умирает. У такой нации, как Англия, этим жизненным принципом служит политическое могущество. У другой — это художественный порыв. Для Индии тоникой всего аккорда является религиозная жизнь... И поэтому, если, отбросив религию, вы дадите ей в качестве жизненного центра политику или социологию, результат будет тот, что вы погасите ее жизнь... Политические и социальные реформы должны всегда осуществляться в Индии, исходя из ее религиозной жизненности... Всякий человек, всякий народ призван сделать свой выбор. Мы сделали свой выбор уже много веков назад... И это — вера в бессмертную Душу... Я предостерегаю вас от измены ей. Вы не измените вашей природы..."^[169]

"... Не жалуйтесь. Вы избрали благую часть. Отдайте себе отчет в силах, которые в ваших руках. Они таковы, что, если вы осознаете их и будете их достойны, вы перевернете весь мир. Индия — Ганг духовности. Материальные достижения англосаксонской расы, не будучи в состоянии даже приблизительно остановить его течение, созданы, чтобы его расширить. Мощь Англии связала народы вселенной, она проложила пути по океанам, чтобы через нее изливались потоки духа Индии, пока они не прольются до краев земли". (Так, — мог бы прибавить Вивекананда, и он это знал, — Римская империя была построена ради победы Христа...)

"Каков же этот дух Индии? Какова эта новая вера? Слово, которого ждет мир?..

"То, чего сегодня ждет весь мир, и, быть может, низшие классы больше, чем высшие, невежественные больше, чем аристократия ума, угнетенные больше, чем угнетатели, — это грандиозная идея духовного Единства Вселенной... единственная и бесконечная Сущность, которая существует в вас, во мне, во всех, в моем я, в Душе... бесконечное единство Души, идея, что вы и я не только братья, но вы и я — одно... Европа нуждается в ней, как и наши

угнетенные массы; и этот великий принцип служит в настоящее время, хоть и неосознанно, основой всех новейших политических и социальных стремлений Англии, Германии, Франции, Америки..."^[170]

"А это и есть самая основа древней ведантической веры, великого адвайтизма, самого глубокого и чистого из творений тысячелетнего индийского духа..."

"Меня упрекали в том, что я слишком много проповедую адвайтизм (абсолютный монизм) и слишком мало — Дуализм. Да. Я знаю, какое величие, какой океан любви, какие благословения и какие экстатические радости изливаются дуалистическими религиями... Я это знаю. Но для нас сейчас не время плакать, даже от радости, мы довольно плакали! Для нас не время умиляться! Мы так долго умилялись, что стали кипами хлопка... То, что нужно нашей стране, это железные мускулы, стальные нервы, гигантская воля, которой ничто не может противостоять, которая для достижения своей цели спустится, если надо, на дно морское и станет лицом к лицу со смертью. Вот что нам нужно! И это может быть создано, установлено, подкреплено, только если вы поймете и осуществите идеал адвайты, всеобщего Единства. Вера, вера, вера в себя!.. Если вы будете верить во все триста миллионов ваших мифологических богов и во всех других богов, которых привезут к вам иностранцы, но не будете верить в себя, нет для вас спасения! Верьте в себя и оседлайте эту веру! Почему нами, трехсотмиллионным народом, тысячи лет управляет какая-то горсточка иностранцев? Потому что у них была вера в себя, а мы в себя не верили. Я читаю в газетах, что какой-нибудь несчастный индус убит или оскорблен англичанином; и вся страна вопит. Я читаю и плачу. Но затем я себя спрашиваю: "кто ответствен за это?" и я отвечаю: "Не англичане, а мы. Мы ответственны за свое падение. Наши предки-аристократы попирали ногами массы народа нашей страны так долго, что они стали беспомощными; так долго, что в своих мучениях эти несчастные, несчастные люди забыли, что они — человеческие существа. Они пали на самый низкий уровень, они дошли до того, что стали думать, что они рождены рабами..."^[171]

"Вы, считающие себя патриотами, вы, считающие себя реформаторами, чувствуете ли вы в биениях вашего сердца, что миллионы потомков богов и мудрецов стали близки к скотам, что миллионы сейчас умирают с голоду, что миллионы умирают с голоду в

течение веков? Чувствуете ли вы, что невежество простирается над страной, как темная туча? Переворачивает ли вас это? Теряете ли вы от этого сон? Чувствуете ли вы себя от этого на грани безумия? Забыли ли вы от этого ваше имя, ваше звание, вашу жену, ваше достояние, ваших детей, само ваше тело, охваченные этой единственной мыслью о нищете и гибели?.. Вот первый шаг, чтобы стать патриотом. В течение веков нашему народу внушают унижающие его мысли. Массам говорят на всем земном шаре, что они — ничто. Их так устрашали в течение веков, что они стали почти что подобны стадам животных. Никогда им не позволяли слушать, когда говорили об Атмане... Пусть же они услышат, как говорят об Атмане. Пусть они знают, что самые низкие среди них носят в себе Атмана, который никогда не умирает и который никогда не родился. Того, кого шпага не пронзает и огонь не сжигает... бессмертного, безначального, бесконечного, пречистого, всемогущего, вездесущего Атмана"[\[172\]](#).

"Да, пусть каждый человек, каждая женщина, каждый ребенок, без различия рождения, касты, силы или слабости, постигнет и узнает, что за слабыми и сильными, за могущественными и смиренными, за всеми и за каждым стоит эта бесконечная Душа, которая обеспечивает каждому бесконечные возможности и бесконечные способности величия и доброты! Встаньте! Пробудитесь! И не останавливайтесь, пока не достигнете цели! Пробудитесь! Пробудитесь от этого гипноза слабости! Никто на самом деле не слаб: Душа бесконечна, всемогуща, всеведуща. Встаньте! Нам нужна религия, которая бы создавала людей. Нам нужно воспитание, которое бы создавало людей. Нам нужны учения, которые бы создавали людей. Вот пробный камень истины: все, что расслабляет вас физически, умственно, духовно — все это отбросьте. Это яд. Жизнь не в этом. Истина не в этом. Истина — это сила. Истина — это чистота. Истина — это свет. Она — источник энергии... Отбросьте ваш расслабляющий мистицизм и будьте сильными! Величайшие истины в мире просты, просты, как ваше собственное бытие..."[\[173\]](#)

"...И вот почему мой план — создать в Индии учреждения, которые учили бы наших юношей проповедовать вечные истины в Индии и вне ее. Людей, людей! Все остальное найдется после. Но людей молодых, сильных, энергичных, полных веры, искренних до мозга костей, вот что мне нужно. Дайте мне сотню, и я переверну мир!

Воля сильнее, чем мир. Все должно уступить воле. Ибо она — Бог. Чистая и мощная воля может все"[\[174\]](#).

"И если мне скажут, что брамин, по своему рождению, более способен к учению, чем пария, то не надо тратить денег на воспитание брамина, а тратьте их на парию! Давайте слабому, чтобы весь дар полностью был необходим! Если брамин родился способным, он научится без помощи. Вот в чем справедливость и разум, как я их понимаю"[\[175\]](#).

"... В течение будущих пятидесяти лет все другие ложные боги должны исчезнуть из нашего ума! Единый Бог, который должен пробудиться, это наш собственный народ. Всюду его руки. Всюду его ноги, его члены, его тело. Он покрывает все. Все другие боги спят. Зачем вам искать бесполезных богов, если вы не поклоняетесь богу, которого вы видите вокруг себя, Вирату?.. Первейший из всех культов есть культ Вирата — людей, вас окружающих... Вот все наши боги: люди, живые люди! И первые боги, которым надлежит поклоняться, это наши соотечественники!..[\[176\]](#)

* * *

Представьте себе громовые раскаты этих слов! Так и хочется, подобно народным массам Индии, подобно самому Вивекананде, воскликнуть:

"Шива!.. Шива!.."

Гроза проходит; она изливает на равнину поток воды и огня. Мощный призыв к Силе духа, к Богу, сияющему в человеке, и его безграничным силам! Я вижу восставшего Мага, с поднятой рукой, подобно Иисусу перед Лазарем, над гробом, на картине Рембрандта: и струящаяся энергия его повелительного жеста, который поднимает мертвеца и вырывает его у смерти...

Поднялся ли мертвец? Индия, которую эти слова заставили задрожать, ответила ли ожиданиям взывавшего к ней? Проявился ли в действии ее бурный энтузиазм? В первый момент почти все это пламя, по-видимому, ушло в дым. Через два года Вивекананда говорил с горечью, что Индия не дала той жатвы юношей, которые были ему необходимы для его армии. Никому не дано изменить в один день привычки народа, погруженного в Мечту, подчиненного предрассудкам, пассивно идущего в сторону наименьшего сопротивления. Но суровый бич господина заставил его впервые

вздоргнуть в полудремоте; и впервые героическая труба протрубила ему во сне о выступлении Индии, осознавшей своего Бога. Он этого уже не забудет. С этого дня начинается пробуждение спящего колосса. Если последующее поколение увидело — через три года после смерти Вивекананды — восстание Бенгалии, прелюдию к великому движению Тилака и Ганди, — если Индия сегодняшнего дня окончательно присоединилась к коллективному действию организованных масс, — она обязана этим начальному толчку, могучему

Лазарь, встань!

мадрасской проповеди.

* * *

Эта проповедь силы имела двойной смысл: смысл национальный, смысл мировой. И хотя для великого монаха адвайты на первом месте стоял мировой смысл, Индия откликнулась всеми фибрами на другой — национальный. Ибо он отвечал пароксизмам лихорадки, охватывавшей мир в этот исторический момент, роковому толчку того Национализма, гигантские результаты которого мы видим сейчас. Он был, неведомо для Вивекананды, полон опасностей. Можно было опасаться, что его высокая духовность претерпит уклонение в сторону животной гордости, расовой или национальной, и всех ее диких зверей. Нам это хорошо знакомо, — нам, видевшим с тех пор, что столько идеальных стремлений — и самых чистых — поставлено на службу самым грязным национальным страстям. Но как, с другой стороны, внедрить в эти неорганизованные массы Индии смысл Единства человечества, если не дать им почувствовать это единство в рамках своего собственного народа? Одно есть путь к другому. И все же лично я предпочитаю другой путь, более кремнистый, но более прямой. Ибо я знаю слишком хорошо, что огромное большинство проходящих через этот этап наций на нем и остается. Они растратили в пути силы веры и любви... Не такова была идея Вивекананды, который, будучи в этом подобен Ганди, мыслил пробуждение Индии лишь для служения человечеству, которому она должна быть освобождающей совестью, светом вечности. Вдобавок Вивекананда, более недоверчивый, чем Ганди, отверг отчаянную попытку последнего проникнуть религиозным духом политическое действие: ибо во всех случаях (мы это видели из его писем из Америки) он клал между политикой и собою обнаженный меч... "Noli me tangere!"^[177] "Я

не желаю иметь ничего общего с политическими глупостями..." Однако личность, подобная Вивекананде, всегда должна считаться не только со своим разумом, но и со своим темпераментом. И этот гордый индус, которому столько раз приходилось сталкиваться с вымогательствами и нелепыми оскорблениями со стороны англосаксонских завоевателей, реагировал на них с горячностью, которая заставляла его против воли проникаться опасными страстями национализма, им осуждаемого. Эта внутренняя борьба продолжалась до кризиса первых дней октября 1898 года, когда удалившись один в окрестности святилища Кали в Кашмире (он был тогда во власти наплыва чувств, вызванных страданиями и бедствиями Индии)^[178], он возвратился преображенным и сказал Ниведите:

— Весь мой патриотизм исчез. Я был глубоко неправ. Мать (Кали) сказала мне: "Даже если неверующие входят в мои храмы и оскорбляют мои изображения, что тебе за дело до этого? Ты ли защищаешь меня, или я тебя?.." — Итак, нет более патриотизма; и я — только малый ребенок...

Но в шуме потоков мадрасских проповедей народ не в состоянии расслышать презрительный и ясный голос Кали, взнуздывающий человеческую гордость. Он охвачен опьянением и бешенством течения.

VIII. Основание Ramakrishna Mission

Истинный вождь человечества сознает себя вождем. Вивекананда знал, что, для того чтобы вести народы к завоеванию идеала, мало воодушевить их; нужно еще создать вокруг них духовное воинство. Кто хочет воспитать народ, должен сначала воспитать избранных! Типы нового человека. Предшественников, которые не только опережают, но и готовят будущее. Ибо самое их существование является предвосхищением грядущего строя.

Вот почему Вивекананда, как только освободился после триумфов в Мадрасе и Калькутте^[179], поспешил снова заняться своим монастырем в Алумбазаре^[180].

Ему предстояло много дела, чтобы его "гуру-бхай"^[181] могли подняться до уровня его мысли. Могуущественный странник обошел весь свет, и взгляд его охватывал обширные горизонты, в то время как они благочестиво сидели у очага и охраняли устарелые традиции. Они любили своего великого брата, но не узнавали его. Они не могли уяснить себе новый идеал социального и национального служения, захватывавший его. Им было трудно принести ему в жертву свои правоверные предрассудки, свою свободную и тихую жизнь в уединенном размышлении; и, по совести, им не так трудно было обосновать свой набожный эгоизм самыми святыми принципами. Они приводили даже в пример своего учителя Рамакришну и его отрешение от мира. Но Вивекананда намерен был оставаться истинным преемником глубокой мысли Рамакришны. В своих получивших громкую известность речах в Мадрасе и Калькутте^[182] он не переставал говорить от имени Рамакришны: "мой учитель, мой идеал, мой герой, мое божество в этой жизни..." Он считал себя самого голосом Парамхамсы, он даже доходил до того, что не признавал за собой заслуги какой бы то ни было инициативы или новой мысли, приписывая себе лишь роль верного слуги, который в точности исполняет приказы господина: "Если я когда-либо выполнил что-либо мыслью, словом или делом, если когда-либо с моих уст слетело слово, которое было полезно кому бы то ни было в этом мире, я не имею на него никаких прав: все принадлежит ему одному... От меня — только

слабость. Все, что во мне сильного, здорового, живительного, все это его вдохновение, его слово, это — он сам!"

Два Рамакришны — тот, которого пестовали ученики, остававшиеся в голубятне, и тот, что, несомый своим великим учеником, осенил весь мир широко развернутыми крыльями, — роковым образом должны были столкнуться. Но кто будет победителем — было ясно заранее: за него говорила не только громадная власть юного триумфатора, не только превосходство его таланта и шум приветствий Индии, но и любовь, которую к нему питали друзья и которую проявлял к нему Рамакришна. Он был помазанник Учителя.

Поэтому они приняли, не разделяя их, однако, в глубине души, предписания, установленные для них Вивеканандой. Он принудил их принять в свою общину европейских учеников. Он наложил на них обязанности социального служения и помощи. Он строго запретил им продолжать думать о себе, о своем спасении. Он пришел, объявил он, создать новый орден саньяси, которые, если нужно, пошли бы в ад для избавления других^[183]. Довольно бесплодного бога уединенных молитв! Пусть они поклоняются богу-жизни, ближнему Вирату, который присутствует во всех живых душах! И пусть проснется от их голоса "лев Брахмана", спящий в сердцах всех!^[184]

Так повелительно звучали предписания юного учителя, что послушные братья, из которых, однако, многие были старше его, повиновались — может быть, даже прежде, чем поверили^[185]. И первый, кто подал пример и оторвался от монашеского очага, был тот, кому как раз было всего труднее оторваться, ибо он не покидал его ни разу за все двенадцать лет: Рамакришнананда. Он отправился в Мадрас и основал там отделение, чтобы распространять в южной Индии основы веданты. Затем ушли Сарадананда и Абхедананда. И наиболее горячо проникнутый духом "служения" Акхандананда (Гангадхар) отправился в Муршидабад, где свирепствовал голод, и посвятил себя несчастным^[186].

Так испытывали себя, пока без системы и без плана, очаги служения (Севашрамы) для великой индийской общины.

Но Вивекананда лихорадочно стремился к тому, чтобы система и план были установлены как можно скорее и навсегда. Ему нельзя было терять ни одного дня. Сверхчеловеческое расходование сил, которое

понадобилось ему в первые месяцы возвращения в Индию, чтобы привести в движение массы, вызвало резкий рецидив его болезни. Он был вынужден уже с весны этого года дважды удалиться в горы, в Дарджилинг, в Альмору, чтобы отдохнуть — в первый раз несколько недель, во второй (с 6 мая до конца июля) на два с половиной месяца.

В промежутке у него хватило сил основать новый орден: Ramakrishna Mission, который живет и продолжает его дело и сейчас.

* * *

Первого мая 1897 года все монахи и светские ученики Вивекананды были созваны в Калькутте в жилище одного из них, Баларама. Вивекананда говорил там, как учитель. Он сказал, что без твердой организации нельзя установить ничего прочного. В такой стране, как Индия, было бы неосторожно основывать для начала такую организацию по республиканской системе, где каждый имеет одинаковый голос и решения принимаются большинством. К этому своевременно будет перейти, когда все члены научатся подчинять свои интересы и свои личные желания общему благу. В настоящее время необходим был диктатор. В конце концов, он, как и другие, действовал лишь в качестве служителя общего хозяина — "In nomine et in signo Ramakrishna".

Он заставил их принять следующие положения^[187]:

I. Основывается Ассоциация под именем Ramakrishna Mission.

II. Ее цель — проповедовать истины, которые Рамакришна, для блага человечества, высказывал и осуществил в действительности примером своей собственной жизни, а также помогать другим следовать им в своей жизни для их мирского, умственного и духовного усовершенствования.

III. Ее обязанность — направлять в соответствующем духе активные силы этого движения, начатого Рамакришной, "для установления братства между приверженцами различных религий, помня, что все они — лишь различные формы единой вечной религии".

IV. Ее методы действия: 1) "приготавливать людей к преподаванию знаний и наук, могущих служить к увеличению материального и духовного благосостояния масс"; 2) "поощрять искусства и ремесла и оказывать поддержку"; 3) внедрять и распространять в массах

ведантические и иные религиозные идеи в том виде, как они были разъяснены в жизни Рамакришны.

V. У нее будут две отрасли деятельности: 1) одна индийская — она будет иметь целью основывать матхи (монастыри) и ашрамы (обитатели, приюты) в различных местностях Индии, для воспитания саньяси и светских лиц (глав семьи), "желающих посвятить свою жизнь воспитанию народа", переходя из провинции в провинцию; 2) другая — заграничная: она будет посылать членов ордена за пределы Индии, чтобы основывать там духовные центры и чтоб "создать атмосферу взаимопомощи и взаимного расположения между Индией и другими странами".

VI. Так как цели и идеалы Миссии чисто духовные и гуманитарные, она не будет и не должна иметь никакой связи с политикой.

Читатель отметит чисто социальный, гуманитарный и "всечеловеческий" — аполитичный характер ордена, основанного Вивеканандой. Вместо того чтобы противопоставить, как в большинстве религий, веру разуму и стремлениям современной жизни, он первое место отводит науке: он имеет в виду участвовать в прогрессе как духовном, так и материальном, поощрять искусства и ремесла. Но его настоящая цель — благо масс. Что касается до его веры, то он утверждает, что сущность ее — стремление установить братство между различными религиями, синтез которых составляет вечную религию. Все это — под эгидой человека с великим сердцем, который охватывал в своей любви все человечество: Рамакришны.

"Священный лебедь" пускается в свой полет. Первым взмахом крыльев он осеняет весь мир. Если кто желает видеть мечту о полете в ее полном осуществлении, такой, какой она жила в мысли основателя, пусть прочтет в большой "Жизни Вивекананды" пророческую беседу Вивекананды "Сарат Чандра Чакраварти"^[188].

Пока что приступили к избранию руководящих лиц. Вивекананда, главный председатель, назначил Брахма-нанду и Йогананду председателем и вице-председателем центра в Калькутте. Собирались по воскресеньям после полудня у Баларама^[189]. Вивекананда немедля принялся за двойное дело — общественного служения и преподавания веданты^[190].

* * *

Повинуясь ему, монахи, однако, с трудом ему следовали, и между ними возникали довольно бурные, хотя и всегда дружеские споры. Вивекананда не всегда мог сдерживать свою страстность и резкость, усугублявшуюся его скрытой болезнью; возражавшие ему подчас чувствовали остроту его когтей. Но они принимали это благодушно; это — царственное развлечение. Они — как и он — были уверены во взаимной привязанности.

Временами их еще охватывала тоска по созерцательной жизни и по Рамакришне, владыке экстаза. Как сладко им было бы свести деятельность Ramakrishna Mission к церковному культу, располагающему к мечтательному бездействию. Но Вивекананда сурово одергивал их.

"Разве вы хотите замкнуть Рамакришну в ваших собственных границах? Я разрушу эти границы!.. Рамакришна гораздо выше, чем думают его ученики!^[191] Он воплощение бесконечных духовных идей, способных к бесконечному развитию. Один его взгляд мог бы создать тысячу Вивекананд... Я буду распространять его идеи во всем мире..."

Как бы ни был ему дорог Рамакришна-человек, его слово было ему еще дороже. Он не собирался воздвигать алтарь новому богу^[192], но хотел пролить над людьми манну его мысли. И эта мысль была прежде всего действием. "Религия должна быть практической, чтобы быть религией"^[193]. "Наилучшей же религией" было в его глазах — "видеть Шиву во всех живых людях и особенно в бедных". Он желал бы, "чтобы каждый человек брал к себе каждый день одного, шесть, двенадцать слепых, больных, голодных, чтобы кормить их, ухаживать за ними, воздавать им то же поклонение, как Шиве и Вишну в храмах"^[194].

Однако он остерегался внести сюда в каком бы то ни было замаскированном виде сентиментальность, которую он преследовал всюду. Эта тенденция находила себе слишком благодарную почву в Бенгалии. Она под конец задушила всякие остатки мужественной силы, и Вивекананда восставал против нее с тем большей яростью, что (нижеследующая сцена показывает это в трогательной форме) ему приходилось вырывать ее даже из самого себя, чтобы действовать.

Однажды один из братьев-монахов шутливо упрекнул его в том, что он вводит в чисто экстатическое учение Рамакришны западные идеи: всю эту организацию, деятельность, служение, которых

Рамакришна не допустил бы. Вивекананда сначала возражал иронически, с несколько резким юмором, своему собеседнику, и косвенно — остальным слушателям, ибо он чувствовал, что они заодно с ним.

— Что знаете вы обо всем этом? Вы, невежды!.. Ваше обучение остановилось, как у того глупца, на первой букве бенгальского алфавита "К", потому что она напоминала ему Кришну и он не мог продолжать из-за слез, которые текли у него по щекам... Вы сентиментальны до глупости. Что вы понимаете в религии? Вы годитесь лишь на то, чтобы говорить со сложенными руками: "О Господь! Как прекрасен твой нос! Как великолепны твои глаза!" и прочие глупости... И вы думаете, что ваше спасение обеспечено и что Шри Рамакришна придет в ваш последний час, чтобы взять вас за руку и отвести на самые высокие небеса. Учение, публичная проповедь — это, по-вашему, майя, потому что он сказал однажды: ищите и найдите Бога прежде всего! Делать добро миру — это самонадеянность!.. Как будто достигнуть Бога — такая простая вещь! Как будто сам он настолько глуп, чтоб стать игрушкой в руках какого-то идиота!..

Затем внезапно он загремел:

— Вы воображаете, что постигли Шри Рамакришну лучше, чем я? Вы воображаете, что джнана — это сухое знание, к которому проходят через пустыню, умертвив сердце? Ваша бхакти^[195] — сентиментальная глупость, которая делает вас бессильными. Вы хотите проповедовать Рамакришну так, как вы его поняли? Это — крайне мало!.. Руки прочь! Кому нужен ваш Рамакришна? Кому нужны ваши бхакти и мукти? Кому нужно то, что говорят ваши писания? Я с радостью готов пойти в тысячу преисподних, если я смогу разбудить моих соотечественников, погруженных в бездействие, заставить их стать на собственные ноги, сделать их людьми, как требует дух карма-йоги...^[196] Я не прислужник Рамакришны или кого бы то ни было другого! Я служитель того, кто служит и помогает другим, не заботясь о своих собственных бхакти и мукти!..^[197]

Лицо его пылало, — говорит один из очевидцев, — глаза сверкали, голос прерывался, тело сотрясалось. Внезапно он скрылся в свою комнату... Остальные, пораженные, молчали. Через несколько минут один из них пошел в комнату посмотреть. Вивекананда был погружен в размышления. Они ждали в безмолвии... Через час

Вивекананда вернулся. Лицо его еще хранило следы великой бури. Но он вновь обрел спокойствие. Он сказал им кратко:

— У того, кто достиг бхакти, нервы и сердце так тонки и нежны, что не могут вынести даже прикосновения цветка. Знаете ли вы, что сейчас я даже не в состоянии читать роман? Я не могу думать о Шри Рамакришне без того, чтобы моя душа не переворачивалась. Я стараюсь поэтому сдерживать кипение бхакти внутри себя. Я непрестанно стараюсь связать себя железными цепями джнана. Ибо дело мое для моей родины-матери еще не завершено, и мое Откровение миру еще не сообщено полностью. Поэтому, как только я вижу, что чувства бхакти вновь грозят ворваться, я их сурово бичую, я делаюсь твердым, как камень, призываю строгую джнану... О, мне нужно завершить великое дело! Я раб Рамакришны, который оставил меня, чтобы довершить его дело, и не дает мне покоя, пока я его не кончу... О, его любовь ко мне!..

Он задышался от волнения. Тогда Йогананда постарался отвлечь его, ибо они боялись нового взрыва^[198].

Начиная с этого дня, ни одного слова протеста не поднималось против методов, принятых Вивеканандой. Что могли бы они возразить, чего бы он сам уже не думал? Они читали в глубинах великой, измученной души.

* * *

Всякая миссия — драма. Она осуществляется за счет того, кто ее принимает, за счет части его природы, его покоя, его здоровья, часто — за счет его природенных стремлений. Природа Вивекананды была близка природе людей его расы, их мечтаниям о Боге, их потребности бежать от жизни и мира, путем ли размышления и познания, путем ли экстаза любви, или, как у странствующего монаха, — вечного полета, свободного от уз духа, который не задерживается нигде, чтобы не утратить соприкосновения с Универсальным Единым. Кто близко присматривается к нему, часто слышит вырывающийся из его груди вздох усталости и сожаления^[199].

Но не он избрал для себя свою жизнь. Его миссия сделала за него выбор.

— Для меня нет отдыха. То, что Рамакришна называл Кали, овладело моей душой и моим телом за три или четыре дня до того, как

он покинул землю^[200]. И эта Сила принуждает меня трудиться, трудиться и никогда не дает мне думать о моих личных потребностях.

Ему нужно забыть себя, забыть свои желания, свое благо, самое свое спасение ради блага других^[201].

И ему нужно внушить эту веру своему апостольскому воинству. Но это возможно сделать, лишь возбуждая их энергию и активность. Ему приходится иметь дело с народом "диспептиков", которые опьяняются своей собственной сентиментальностью^[202], поэтому он делается с ними суровым, желая закалить их. Он хочет "на всяком поле деятельности воздвигнуть строгое величие духа, возжигающее героизм". Путем труда, физического и духовного, путем научных исследований, путем служения людям. Если он придает такое значение преподаванию веданты, то потому, что в ней он видит наилучшее стимулирующее средство.

Оживить страну гремящими звуками ведической музыки.

Он насилует сердце — сердце других — свое собственное. Однако он хорошо знает, что и сердце — также источник божественного. Он не хочет задушить его. Но вождь людей хочет отвести ему подобающее место. Там, где сердце хочет господствовать, он унижает его. Где оно унижено, он возвышает его^[203]. Он хочет, чтобы везде царило равновесие внутренних сил^[204], имея в виду основную цель — цель служения человечеству, ибо она не ждет: не ждут темнота, страдания, нищета народных масс.

Конечно, равновесие никогда не бывает устойчиво, его трудно достигнуть, еще труднее поддержать, особенно у этих народов, живущих крайностями, которые в один миг могут перейти от пламени экзальтации к пеплу смерти желаний. Это достигается в двадцать раз труднее у такого человека, разрываемого двадцатью противоположными демонами, верой, наукой, искусством, действием, всеми страстями победы и движения. И прекрасно, что он мог сохранить до конца в своих руках, горящих от лихорадки, весы, не склонявшиеся ни к одному из полюсов: жгучему магниту Абсолютного (адвайты) и непреодолимому призыву страдающего человечества. И он так близок нам потому, что в моменты, когда равновесие более невозможно, когда необходим выбор, тогда верх берет последнее: он жертвует всем жалости^[205], - как говорит

Бетховен, его великий европейский брат: "Der armen leidenden Menschheit".

Прекрасным доказательством этого является трогательный эпизод с Гиришем.

Напомним, что этот друг Рамакришны — знаменитый бенгальский драматург, писатель и артист, который вел жизнь "свободную"^[206] в двояком смысле нашего классического века до той минуты, когда снисходительный и проницательный рыбак на Ганге уловил на удочку его душу, — с тех пор стал (не покидая мира) самым искренним, самым пламенным из обращенных; он жил теперь в непрестанном восхищении "верой через любовь" — бхакти-йогой. Но он сохранил свою свободу выражения; и все ученики Рамакришны относились к нему с большим почтением в память Учителя.

Однажды он вошел в тот момент, когда Вивекананда беседовал со своими учениками на тему весьма отвлеченной философии. Вивекананда, прервав свою речь, сказал ему тоном дружеской насмешки:

— Однако, Гириш, вы никогда не давали себе труда изучить эти вещи, вы всё проводили дни с вашими Кришной и Вишну?

Гириш ответил:

— Однако, Нарен, вы всё читали и перечитывали ваши Веды и Веданты?.. А скажите мне, нашли ли вы в них средства, прописанные против стонов и криков голодных ртов, против отвратительных грехов, против бесчисленных страданий и болезней, с которыми встречаешься каждый день? В таком-то доме мать, которая недавно кормила пятьдесят ртов, теперь вот уже три дня не имеет чем накормить себя и своих детей. Жену такого-то изнасиловали и замучили до смерти негодяи. Молодая вдова такого-то погибла от попыток аборта, чтоб скрыть свой позор... Скажите, Нарен, какие предупредительные лекарства против этих болезней вы нашли в Ведах?..

И Гириш, продолжая говорить в том же тоне горькой иронии, рисовал мрачную картину общества. Вивекананда молчал, охваченный волнением, и слезы выступили у него на глазах. Он не мог больше, он задышался; внезапно он вышел из комнаты. Тогда Гириш сказал ученикам:

— Вы видели обширное сердце вашего гуру? Я почитаю его не столько за его познания и его мощный ум, сколько за его сердце,

оплакивающее несчастья человечества. Как только он услышал о них (заметьте это хорошенько!), все его Веды и Веданты исчезли; все его знания, все образование, которые он проявлял только что, были брошены за борт; и все его существо наполнилось до краев молоком участия к человечеству. Ваш Свамиджи в такой же мере джнани и пандит (то есть ученый), как и возлюбленный бога и человечества...

Вивекананда вернулся. Он сказал Сарадананде — и его голос проникал в душу, — что страдание грызет его сердце, когда он думает о страданиях своих соотечественников, и что нужно немедленно основать очаг для этих несчастных. И, обращаясь к Гиришу, добавил:

— Ах, Гириш! Даже если бы я должен был испытать тысячу рождений, чтобы облегчить страдания мира, — что я говорю? — чтоб отвратить страдание хотя бы от одного человека, — с какой радостью я пошел бы на это!.. [\[207\]](#)

* * *

Великодушная страсть этого великого растерзанного сердца передалась и его братьям и ученикам. Все посвятили себя многообразным формам служения человечеству, которые он им указывал.

В течение четырех или пяти летних месяцев 1897 года Акхандананда с помощью двух учеников, посланных ему Вивеканандой, кормил и лечил от малярии сотни бедняков в округе Муршидабад, в Бенгалии; он собирал покинутых детей и основал в Могуле приют, затем ряд других. С чисто францисканским терпением и любовью Акхандананда посвятил себя воспитанию этих малышей, без различия каст и религий. В 1899 г. он, наряду с ремеслами: тканьем, шитьем, плотничьим делом, шелководством, — обучал их чтению, письму, арифметике и английскому языку.

В том же 1897 году Триганутита открывает в Динаджпаре пункт помощи голодающим; за два месяца он оказывает помощь 84 деревням. Другие подобные центры открываются в Дакшинесваре и Калькутте.

В следующем году, в апреле-мае 1898 года, можно было видеть мобилизацию Миссии Рамакришны, всей целиком, на борьбу с чумой, разразившейся в Калькутте. Вивекананда, больной, поспешно вернулся с Гималаев, чтобы руководить помощью. Денег не хватало. Все имевшиеся средства только что были истрачены на покупку участка

земли для постройки нового монастыря. Вивекананда не колебался ни минуты.

"Продавайте все, если нужно, — приказал он. — Мы саньяси, мы всегда должны быть готовы спать под деревом и кормиться дневным подаянием".

Был нанят обширный участок, на нем были устроены санитарные бараки, в которых соблюдались одновременно и правила гигиены, и индусские религиозные предписания. Появились в большом числе добровольные помощники. Вивекананда принял начальство над ними и велел чистить улицы и дома. Помощь, оказанная Миссией, сделала ее имя популярным в Калькутте.

В 1899 году чума возобновилась, и работа Миссии шла энергично. Вивекананда ходил в лачуги, чтобы ободрить работавших. Во главе этого дела была поставлена Sister Nivedita (Маргарет Нобль), недавно приехавшая из Европы, и Свами Садананда и Шивананда с помощью нескольких других. Они следили за дезинфекцией и чистотой в четырех главнейших бедных кварталах Калькутты. Вивекананда созвал студентов на митинг (апрель 1899 года); он напомнил им их обязанности во время стихийных бедствий. Они организовались в отряды, чтоб инспектировать беднейшие дома, раздавать брошюры по гигиене и подавать пример работой на свалках. Каждое воскресенье они приходили на собрания Ramakrishna Mission давать отчет Sister Nivedita.

Миссия приняла также священный обычай справлять в годовщину рождения Рамакришны праздник бедных, тысячи которых и сейчас кормятся в этот день во всех центрах Ордена.

Так возник в Индии новый дух солидарности и братского общения между всеми классами народа.

Параллельно этому делу общественной взаимопомощи, организовалось дело ведантического воспитания и проповеди. Вивекананда желал, чтобы Индия имела "исламское тело и ведантический дух". С 1897 года Рамакришнананда, который продолжал свои чтения в Мадрасе и окрестностях, открыл одиннадцать школ в предместьях Мадраса; он одновременно вел дело просвещения и помощи голодающим. В середине того же года Вивекананда послал Шивананду на Цейлон для ведантической проповеди. Священная страсть овладевала воспитателями.

Вивекананда с радостью слышал, как одна начальница женской школы, которую он посетил, говорила ему:

"Я поклоняюсь этим девушкам, как Богу (Bhagavad), я не знаю иного культа".

Менее чем через два месяца после основания Ramakrishna Mission Вивекананда, вынужденный прервать свою собственную работу и заняться на несколько недель лечением в Альморе, мог уже написать:

"Движение начато. Оно уже не остановится" (9 июля 1897 года).

"...Одна мысль горела в моем мозгу: пустить в ход машину, чтоб поднять массы в Индии, и я до известной степени достиг этого. Ваше сердце радовалось бы, видя, как работают мои мальчики среди голода, нищеты, болезни, ухаживая за парией, больным холерой, валяющимся на рогожной постели или кормя умирающего от голода чандалу^[208]. Господь посылает им всем помощь... Он со мной, Возлюбленный, как был со мной, когда я жил в Америке и Англии или странствовал по Индии!.. Я чувствую, что моя задача выполнена. Мне остается самое большее три или четыре года жизни^[209]. Я потерял всякое желание спастись сам. Я никогда не искал земных наслаждений. Мне необходимо как следует привести машину в ход, и тогда, уверившись, что я в Индии, ради блага человечества, привел в действие рычаг, который никакая сила не сможет сбросить, я засну, не заботясь о том, что случится дальше. И пусть я рождаюсь вновь и вновь и терплю тысячи мучений ради поклонения единому существующему Богу, единому Богу, в которого я верю, — Общей Совокупности всех живущих!.."^[210]

Он использовал всякое облегчение от болезни, чтоб удешевить свои усилия. С августа по декабрь 1897 года он как вихрь пролетает по северной Индии, по Пенджабу и Кашмиру, оплодотворяя их своим словом, изучая с магараджей организацию большого адвайтистского монастыря в Кашмире, проповедуя студентам четырех колледжей в Лагоре силу и веру в человека, как подготовку к вере в бога, объединяя их в независимое от всяких сект общество помощи, гигиены и воспитания народа, неустанно переделывая характер людей, помогая человеку рожать Бога. Все время он испытывает веру — действием. Он пытается смягчить социальные несправедливости, сближая браками касты и подразделения каст, улучшая условия находящихся вне каст, заботясь об участи незамужних женщин и индусских вдов,

борясь повсюду с сектантством, с пустым формализмом, с "неприкасаемостью", как он выражается. И в то же время (оба дела дополняют одно другое) он работает над перестройкой индусского ума, распространяя подлинное санскритское знание, стараясь слить его с наукой Запада, преобразуя индийские университеты, которые должны давать не дипломированных чиновников, а людей.

Никакой мысли о Hind Swaraj, политической независимости Индии, направленной против Англии. Он рассчитывает на сотрудничество Англии, как и всего мира. И действительно, Англия сотрудничала: не государство, но англо-саксонские ученики несли Свами из Лондона и из Нью-Йорка свою личную преданность и денежные суммы, достаточные для приобретения земли и постройки большого монастыря в Белуре^[211].

1898 год был большей частью посвящен налаживанию новых ячеек Ramakrishna Math, основанию газет или журналов, которые являлись интеллектуальными органами Ордена и его орудием воспитания Индии^[212].

Но главное значение этого года (1898) было в том, что в этом году были приняты Вивеканандой его западные ученики.

Они прибыли на его зов: мисс Маргарет Нобль в конце января, чтобы образовать вместе с мисс Мюллер образцовые институты для воспитания индийских женщин, мистрисс Оле Буль и мисс Жозефина Мак-Леод — в феврале^[213]. В марте Маргарет Нобль приняла обет брахмачарья и имя Ниведиты ("посвященная"). Вивекананда горячо приветствовал ее перед публикой в Калькутте, как дар Англии Индии^[214]. И, чтобы прочнее искоренить в ней всю власть воспоминаний, предрассудков и привычек ее страны^[215], он взял ее вместе с группой учеников в путешествие на несколько месяцев в Индию прошлого^[216].

Но любопытно, что, желая погрузить в религиозную бездну своего народа души своих спутников, он сам погрузился в нее так глубоко, что она, казалось, поглотила его. Великий адвайтист, поборник Абсолютного без образа и без лика, на глазах у всех прошел через кризис пожирающей страсти к легендарным богам, к царственной чете — Шиве и Матери. Без сомнения, он при этом лишь следовал примеру своего учителя Рамакришны, который также целые годы переживал экстаз любви к прекрасной богине. Но здесь поражает

то, что Вивекананда приходит к нему после того, как овладел Абсолютным, а не до этого; и в свою страсть к ним он вносит трагическую пылкость своей природы, которая окрашивает его богов, в особенности Кали, совсем иной атмосферой, чем та, которой окружала их любовная нежность Рамакришны.

После пребывания в Альморе, где поселились Севье и где должен был быть воздвигнут Адвайта Ашрам, затем после путешествия в Кашмир на трех маленьких пароходах, которые поднимались по реке в Сринагарской долине, — Вивекананда предпринял в конце июля 1898 года, вместе с Ниведитой, большое паломничество в Амарнатскую пещеру, в ледяное ущелье западных Гималаев. Они присоединились к толпе из двух-трех тысяч паломников, разбивавшей на каждой остановке целый город палаток. И Ниведита была свидетельницей внезапной перемены, происходившей в ее учителе. Он стал одним из тысяч, соблюдая обряды самым тщательным образом, наряду с наиболее смиренными. Чтобы достигнуть цели, приходилось карабкаться целые дни по крутым склонам, совершать опасные переходы, идти несколько километров по ледникам, погружаться, несмотря на холод, в священные потоки... Второго августа, в день годового праздника, они подошли к огромной пещере, которая могла бы вместить целый собор: в глубине возвышался большой, изваянный изо льда Шива, в форме lingam. Каждый должен был войти в пещеру нагим, с телом, посыпанным пеплом. Оставшись позади всех и дрожа от волнения, Вивекананда вошел, близкий к обмороку; и там ему, простертому в темноте перед этой белизной, среди сотен поющих голосов, было видение... Ему явился Шива...

Он никогда не хотел рассказать о том, что он видел и слышал... Но впечатление, произведенное видением на его перенапряженные нервы, было таково, что он едва не умер. Когда он вышел из грота, у него оказалось кровоизлияние в левом глазу и расширение сердца, от которого ему не суждено было оправиться. С тех пор целые недели он говорит лишь о Шиве, он видит Шиву везде, он проникнут им: Гималаи в снегу — это Шива на своем троне.

Месяцем позднее им, в свою очередь, овладевает Мать — Кали. Она присутствует всюду, Божественное Материнство. Он поклоняется ей даже в лице четырехлетней девочки. Но она проявляется перед ним не только в этом умиротворенном виде. Его интенсивное размышление

приводит его к постижению темного лика символа. Ему является могучее видение Кали, сила разрушения, скрытая за завесой жизни, — страшное Единое, покрытое прахом живых, уходящее в небытие, пылью всех явлений, поднятой его ногами. Ночью, в лихорадке, он ощупью пишет свою знаменитую поэму "Кали-Мать" и падает в изнеможении:

...Звезды бледнеют,
Тучи покрывают тучи,
Тьма трепещет и перекликается
Среди рева бури,
Души миллионов безумцев,
Вырвавшихся из тюрьмы,
Вырывают с корнем деревья,
Сметают весь мир на своем пути.
Мятежное море
Вздымает волны горами,
На приступ неба, черного, как смола.
Мертвенная молния
Открывает повсюду
Тысячи и тысячи теней
Зловещей, черной смерти,
Они сеют бедствия, страдания,
И пляшут в безумном весельи.
Приди, о, приди. Мать!
Ужас — твое имя.
Смерть — твое дыхание.
Каждый твой шаг разрушает
И уничтожает целый мир, навсегда.
О Время, уничтожающее все!
Приди, о, приди, Мать!..
Кто дерзает любить страдание,
Обнимать тело Смерти
И плясать в хороводе Разрушения, —
К тому приходит Мать... [\[217\]](#)

Он говорил Ниведите:

— Учитесь познавать Мать в Зле, Ужасе, Страдании, в Небытии, так же как в Кротости и Радости!.. О Мать! Глупцы обвивают твою шею гирляндами цветов, затем отступают, пораженные ужасом, и называют тебя именем Милосердной... Размышляйте о Смерти! Поклоняйтесь Ужасному! Лишь через культ Ужасного может быть побеждено Ужасное и достигнуто бессмертие... Есть счастье даже в мучении. Мать — тоже Брахман. Даже и проклятие — благословение. Сердце должно стать местом сожжения. Гордость, эгоизм, желанья, — пусть все обратится в пепел! Тогда, только тогда придет Мать!..

И англичанка, захваченная ураганом, с ужасом видела в вихре Космоса, вызванном индийским провидцем, крушение незыблемого порядка и опоры ее западной веры. Она пишет:

"Когда он говорил, я с изумлением открывала эгоизм, лежащий в основе веры в Бога-Провидение, благоволящего, утешающего, отстраняющего Бога, живущего в вулкане. Я открыла, что этот культ, в сущности (как говорит индус) — простая сделка (двойной счет) с Богом. И я постигла смелую Истину, бесконечно более высокую, того учения, которое показывает нам Бога, проявляющегося во зле, как и в добре. Я увидела, что истинное отношение, подобающее человеческому духу, это, согласно суровому слову Вивекананды, — искать не Жизни, а Смерти, броситься на острие меча, сделаться Единым с Ужасным и навсегда..."

Мы узнаем здесь ту, доведенную до пароксизма, героическую волю, которая является душой всех действий Вивекананды. Бесстрашная Истина, не признающая никакого смягчения, требующая, чтоб ее видели в ее грозной наготе. Вера, не ждущая ничего взамен своего бескорыстного дара — презиращая барышничество всяких "обоюдных деяний", обещающих вам рай, — вера, неразрушимая энергия которой подобна стали на наковальне под ударами кующего молота^[218].

Наши великие христианские аскеты также знали — знают и сейчас — это мужественное наслаждение. Сам Паскаль изведал его. Но, тогда как их оно приводило к отрешению от действия, Вивекананда ощущал от него как бы ожог каленым железом, который заставлял волю вздыбиться и с удесятеренной силой ринуться в сражение.

"Он сливался со всеми страданиями мира. Было впечатление, — пишет Ниведита, — что никто из живущих не мог быть затронут так, чтоб он не ощущал удара Вивекананды. И никакой удар, даже смерть, не мог исторгнуть у него ничего, кроме любви и благословения"^[219].

"Я поцеловал, — говорил он, — лицо смерти!"

Он был одержим ею несколько месяцев. Он не слышал иного голоса, кроме голоса Матери. Это отозвалось на его здоровье. Когда он вернулся, его монахи были испуганы происшедшей с ним переменой. Он оставался погруженным в сосредоточение, из которого его нельзя было вывести, даже повторив десять раз один и тот же вопрос. Он признавал, что причиной этого было "интенсивное tapasya" (пламя аскезы):

"С тех пор Шива вошел в мой мозг и не хочет более покинуть его..."^[220]

Рационалистическим европейским умам, которым претят эти наваждения отдельных богов, полезно напомнить объяснение, данное Вивеканандой в следующем году его товарищам:

"Совокупность всех живых (не только людей) — есть личный бог. — Воле целого ничто не может противостоять. Это мы и знаем под именем Закона. И это — то же, что мы называем Шива, Кали и т. д.

В своем презрении к трусости души он шел так далеко, что готов был предпочесть ей силу преступления^[221]. И более, чем когда-либо, он был убежден в необходимости сочетать Восток с Западом. Он видел и в том и в другом, и в Индии и в Европе "два организма в расцвете юности... двух великанов жизненного опыта, ни один из которых еще не достиг зрелости и полноты". Они должны помогать друг другу, уважая друг друга в своем свободном развитии. Он запрещает себе критиковать их недостатки, которые у обоих происходят от неблагодарного возраста. Пусть они растут рука об руку!^[222]

Но мощная эмоциональность великого индуса рисовала огненными образами то, что для европейских умов остается лишь в виде рассуждений. Ни на один момент это не поколебало его глубокой веры в адвайту. Но, идя путем, противоположным пути Рамакришны, он пришел к той ступени всеобщего понимания — той вершине мысли, в которой он был одновременно окружностью и центром: вся совокупность душ и каждая из них — и А. У. М.^[223], который их

объединяет и разрешается сам в вечные Нада — начальную точку и конец двойного движения, не имеющего конца.

Его братья монахи с этого времени сохранили глубокое убеждение в его тождественности с Рамакришной. Премананда спрашивает его:

— Разве вы и Рамакришна — различны?

* * *

Он возвратился в монастырь, в новый матх Белура, который он освящает 9 декабря 1898 года. На несколько дней ранее, в Калькутте, 12 ноября, в день праздника Матери, открылась школа для девочек, под руководством Ниведиты. Несмотря на болезнь, на удушающие приступы астмы, после которых он выходил с лицом синим, как у утопленника, он энергично организует Миссию с помощью Сарадананды. В улье кипит работа. Там обучают санскриту, восточной и западной философии, ручному труду и размышлению. Он сам подает пример; после уроков метафизики копает сад, роет колодец, месит хлеб^[224]. Он — живой гимн Труду.

"Только великий монах (в широком смысле: человек, посвятивший себя служению Абсолютному) может быть великим работником: ибо он не имеет привязи... Нет более великих работников, чем Будда и Христос. Нет мирского труда. Всякий труд — поклонение и культ..."

И никакой иерархии между формами труда. Всякий труд, полезный людям, — благороден.

"Если мои гуру-бхай ((мои братья-монахи) скажут мне, что я должен провести остаток жизни, очищая стоки матха, будьте уверены, я это выполню. Только тот может быть великим начальником, кто умеет повиноваться ради общего блага..."

Первая обязанность — "отречение".

"Без отречения никакая религия (он мог бы сказать: никакое глубокое становление духа) не может быть прочна..."

И человек, который "отрекся", саньяси, "утверждается на голове Вед", говорят сами Веды, "ибо он освободился от сект, церквей и пророков". Он в Боге. Бог в нем. Да имеет он веру!

"История мира — это история нескольких людей, имевших веру в себя. Эта вера вызывает божество, скрытое в глубине. Вы можете все. Вы потерпите неудачу лишь в том случае, если не будете делать достаточно усилий, чтоб проявить бесконечное могущество. Как

только человек или народ теряет веру в себя, приходит смерть. Верьте сначала в себя, затем в Бога! Горсточка сильных людей сдвинет мир".

Будьте же храбрыми! Храбрость — высшая добродетель. Дерзайте говорить правду, всю целиком, во всех случаях, "всем без различия, без двусмысленности, без страха, без компромисса!.. И не заботьтесь о богатых, о великих! Вам нечего делать с богатыми. Услуживать им, заискивать перед ними — это поведение публичной женщины. Ваш долг — быть с бедными. Любите их, служите им радостно. Жертвуйте собою!"

"Если вы будете искать своего спасения, вы пойдете в ад. Нужно искать спасения других. И даже если вы должны будете пойти в ад, трудясь для других, это лучше, чем достигнуть неба, ища своего спасения... Рамакришна пришел принести свою жизнь миру. Я тоже хочу пожертвовать своею жизнью. И вы, все вы, должны делать то же. И все наши жертвы — лишь начало. Из пролитой нами крови вырастут гиганты, героические работники, которые перевернут мир..."

Все та же великая музыка, фразы, близкие Бетховену, вдохновляющие ритмы, которые заставляют народы идти вперед, как хоры Генделя! Эти слова, погребенные под саваном книг, тридцать лет назад — я не могу прикоснуться к ним, не ощущая электрического удара. Какие потрясения, какие порывы они должны были породить, когда выходили, пламенные, из уст героя!

Он чувствовал, что умирает. Но...

"...Жизнь — битва. Пусть же я умру в битве! Два года физических страданий унесли у меня двадцать лет жизни. Но душа не изменяется. Он по-прежнему здесь, тот же безумец, безумец, полный единой мыслью: Атман!.."

IX. Второе путешествие на Запад

Он предпринял второе путешествие на Запад, чтобы ознакомиться с учреждениями, которые были им основаны, и чтобы оживить их пламя. В этот раз он взял с собой самого ученого из своих братьев, Турьянанду^[225], из высокой касты, добродетельной жизни и погруженного в изучение санскрита.

— Последний раз, — сказал он, — они видели воина. Теперь я хочу показать им брамина.

Он отправился^[226] в совсем ином настроении, чем то, в котором ему предстояло вернуться: в своем исхудалом теле он нес огонь энергии, от него веяло духом действия и борьбы, и ему так противно было отсутствие силы в этом лишенном мужества народе, что на пароходе, в виду Корсики, он прославлял "Господа войны"^[227].

Когда через полтора года он вернулся в Индию, он казался почти отрешенным от жизни и разочарованным в силе: на этот раз он под маской увидел жестокое лицо западного империализма и полные ненависти глаза его хищных птиц. Ему пришлось признать, что при первом своем путешествии он видел единственную мощь, организованность и внешнюю демократичность Америки и Европы. Теперь он видел дух наживы, алчность, божество — деньги, и его грандиозные ухищрения, его бешеную борьбу за господство. Он был способен отдать должное величию мощного сообщества...

"Но какое величие может быть у стаи волков?.."

"Жизнь Запада, — говорит один из свидетелей, — представлялась ему теперь адом..." Внешний блеск не обманывал его более. Он проник в скрытую трагедию, усталость под насильственной тратой энергии, глубокое страдание под гримом легкомыслия. Он скажет Ниведите:

"...Социальная жизнь Запада напоминает взрывы смеха: но под ними скрывается стон. Взрыв смеха переходит в рыдание. Живость, легкомыслие — лишь на поверхности. На деле душа Запада полна величайшего трагизма. Здесь (в Индии) внешность грустна и меланхолична, но под нею — беззаботность и веселье".

Каким образом ему явилось это пророческое прозрение? Когда и как, в то время как взор его падал лишь на кору дерева, он обнаружил червя, точившего сердцевину Запада в его полном блеске, приближающееся чудовище дней ненависти и агонии, лет войны и революции?^[228] — Мы этого не знаем.

Дневник его путешествия велся очень поверхностно: с ним не было более Гудвина. За исключением одного-двух интимных писем, из которых самое лучшее — к мисс Мак-Леод из Аламеда, до нас, к сожалению, дошли только сведения о его передвижениях и об успехах его миссии.

Лишь ненадолго посетив Лондон, он отправляется в Соединенные Штаты, где проводит почти год. Там он встречается с Абхеданандой и находит в полном разгаре его работу в области ведантизма. Туда, в Кембридж, он назначает Турьянанду. Сам он задерживается в Калифорнии, климат которой дает ему несколько месяцев здоровья. Он читает там многочисленные лекции^[229]. Он основывает новые ведические центры в Сан-Франциско, в Окленде, в Аламеде. Он получает в дар имение в полтораста арпанов среди лесов, в округе Санта-Клара, и создает там Ашрам, куда Турьянанда привлекает для монашеской жизни избранных учеников. Ниведита, которая к нему там присоединилась, говорит также в Нью-Йорке об идеалах индусских женщин и о древнем искусстве Индии. Маленькая группа последователей Рамакришны, хорошо подобранная, проявляет большую деятельность. Дело процветает. Идея распространяется.

Но вождь на три четверти уже не принадлежит этому миру. Тьма начинает окутывать дуб... Тьма ли это, или иной свет? Но это — уже не свет нашего солнца...

"Молитесь за меня, чтоб моя работа остановилась навсегда и чтоб моя душа вся целиком была поглощена Матерью! Нравственно мне очень, очень хорошо. Я чувствую отдых души, более чем тела. Битвы проиграны и выиграны. Я собрал в одно свои дела и жду великого Освободителя. Шива! Шива! Приведи мою Индию к другому берегу!.. Я опять тот юноша, который пил, очарованный, волшебные слова Рамакришны под баньяном Дакшинесвара. Вот моя истинная природа! Дела, деятельность, благотворительность — все это только приводящее... Теперь я слышу вновь его голос, этот давнишний голос, от которого трепещет моя душа. Узы порываются, любовь

умирает, работа становится бесцветной. Волшебный блеск жизни ("glamour") ушел. Теперь только голос учителя призывает: "Пусть мертвые хоронят мертвых! Иди! Следуй за мною!.."

— "Я иду, Господь, мой возлюбленный, я иду!.." Нирвана передо мною... Этот Океан мира, без единой волны, без дуновения... Я счастлив, что родился, счастлив, что страдал, счастлив, что заблуждался, счастлив, что возвращаюсь к покою... Я не оставил никого, кто был бы привязан ко мне, я сам ни к кому не привязался. Прежний человек ушел навсегда. Руководитель, гуру, вождь исчез..."

В этом чудесном климате, под золотым солнцем Калифорнии, среди тропической растительности, его атлетическая воля сдает, его усталое существо растворяется в мечте, тело и душа разрешают себе плыть по воле волн...

"Я не смею даже оставить какой-нибудь след своими ногами или руками, чтоб не оскорбить дивное молчание, — признак полной иллюзии. За моей работой скрывалось честолюбие. За моей любовью — индивидуализм. За моей чистотой — страх. За моим призванием вождя — жажда повелевать. Теперь они исчезают, и я отдаюсь течению... Я иду, Мать, иду в тепло твоего лона, я иду, я поплыву повсюду, куда ты увлечешь меня, в Безмолвие, в страну чудесного. Я иду как зритель, не как действующее лицо. О! Это спокойствие!.. Мои мысли как бы исходят из бесконечных далей, из глубины моего сердца. Они кажутся далеким шепотом, и над всем господствует мир. Мир, кроткий мир, подобный тому, которым наслаждаешься перед тем, как засыпаешь, когда все, что видишь, все, что слышишь, похоже на тени, — без страха, без любви, без волнения... Я иду, Господь! Мир есть. Ни прекрасный, ни безобразный. Чувства — без волнений. О! Это блаженство!.. Все вещи благи и прекрасны, ибо они утратили свою относительность. И мое тело — прежде всего... О.М... О, это существование..."^[230]

Стрела еще летит, уносимая приобретенным движением, но она близится к мертвой точке, где, как она знает, ей суждено упасть... Сладость этого мгновения — "предшествующего сну" — падению — когда тиранический порыв толкающей его судьбы исчерпан; и она парит в воздухе, освобожденная сразу и от лука и от цели...

Стрела Вивекананды заканчивает свой путь. Она перелетает океан 20 июля 1900 года. Он отправляется в Париж, куда его пригласили на

конгресс истории религии, собравшийся по случаю Всемирной выставки. Здесь уже дело идет не о Парламенте религий, как в Чикаго. Католическая церковь наложила на него свой запрет. Это — конгресс чисто исторический и научный. На той стадии освобождения, к которой пришла жизнь Вивекананды, его интеллектуальный интерес может найти себе здесь пищу, — но не его истинная страсть, не его существо в его целом. Комитет Конгресса поручает ему осветить вопрос, исходит ли ведическая религия из культа Природы. Он спорит с Оппертом. Он говорит о "Ведах, общей основе индуизма и буддизма". Он поддерживает приоритет Кришны и Гиты над буддизмом и отвергает положение об эллинистическом влиянии на драму, литературу и науки Индии.

Но бóльшая часть его времени отдана французской культуре. Он поражен социальным и интеллектуальным значением Парижа. В статье, предназначенной для Индии^[231], он говорит, что "Париж — центр и исток европейской культуры", что здесь сложились этика и общественность Запада, что его университет — образец всех других университетов, что "Париж — очаг свободы, и он влил новую жизнь в Европу".

Он проводит некоторое время в Ланнионе, у своего друга, г-жи Оле Буль, встречается там вновь с Sister Nivedita^[232]. В день св. Михаила он поднимается на Гору св. Михаила. Его все время поражают черты сходства между индуизмом и римско-католической религией^[233].

Он и вообще находит в расах Европы в различной степени примесь азиатской крови. Не находя коренной разницы между Европой и Азией, он убежден, что всякий более глубокий контакт Европы с Азией должен роковым образом привести к возрождению Европы, которая возобновляет свои жизненные запасы, черпая в духовных источниках Востока.

Можно пожалеть, что такому пронизательному наблюдателю моральной жизни Запада достались в Париже, в качестве спутников и ежедневных истолкователей французского духа, по-видимому, только отец Гиацинт и Жюль Буа^[234].

24 октября он возвращается на Восток через Вену и Константинополь^[235]. Но после Парижа ни один город не интересует его более. Относительно Австрии он мимоходом обронил следующие

замечательные слова: он сказал, что "если Турция — больной человек, то она — больная женщина Европы". Европа его отталкивает и утомляет. Он чутьем предвидит войну. Слышен особый запах: "Европа, — говорит он, — обширный военный лагерь".

Хотя он несколько задержался на берегах Босфора, в беседах с монахами суфиями, затем в Греции среди воспоминаний Афин и Элевзина, наконец, в каирском музее, — он все более и более отрывается от внешних вещей. Он уходит в размышление. Ниведита говорит, что последние месяцы на Западе он подчас производил впечатление человека равнодушного ко всему окружающему. В Египте он говорит, "что ему кажется, будто он переворачивает последнюю страницу опыта...".

Внезапно он слышит повелительный призыв вернуться. Не медля более ни одного дня, он садится на первый пароход и один возвращается в Индию^[236]. Он несет свое тело на костер.

Х. Уход

Старый верный друг опередил его. Севье умер 28 октября в Гималаях, в Ашраме, им построенном. Вивекананда узнал об этом по возвращении. Он предчувствовал это на обратном пути. Не тратя времени на отдых в Белуре, он телеграфирует в Майявати, что отправляется в Ашрам. В это время года доступ на Гималаи был труден, опасен, особенно для человека в том состоянии, в котором находился Вивекананда. Необходимо было четыре дня идти по снегам, а зима в этот год выдалась особенно суровая. Не дожидаясь даже, чтобы собрались кули, необходимые носильщики, он отправляется с двумя своими монахами, и посланная из Ашрама охрана застаёт его в пути; но среди падающего снега, туманов и облаков он едва идет, он задыхается, его спутники в тревоге, с трудом переносят его в монастырь Майявати. Он прибывает сюда 3 января 1901 года и, несмотря на радость и волнение, которые он испытал от свидания с г-жой Севье, от сознания, что сделано порученное им дело, от созерцания прекрасного Ашрама, высящегося на снежных горах, он не может оставаться здесь более пятнадцати дней; его душит астма; малейшее физическое усилие приводит его в изнеможение. "Мое тело кончено", — говорит он. А ведь 13 января отпраздновано всего только тридцать восемь лет со дня его рождения!.. Но дух его по-прежнему силен!^[237] В этом ашраме адвайты, посвященном, согласно его желанию, лишь созерцанию Абсолютного, он находит залу, предназначенную для культа Рамакришны. И он, страстный ученик Рамакришны, который никогда не проявлял по отношению к своему учителю более полного поклонения, чем в эти последние годы, — он негодует на этот культ, кощунственный в подобном месте. Он с горячностью напоминает, что никакая дуалистическая религиозная слабость не должна иметь доступа в это святилище, посвященное высочайшему духовному монизму.^[238]

Лихорадка, гнавшая его сюда, вновь гонит его обратно. Ничто не может удержать его. Он покидает Майявати 18 января, четыре дня едет верхом по снегам, по скользким обрывам и возвращается в свой монастырь в Белуре 24 января.^[239]

Если не считать последнего паломничества, в обществе матери, к святым местам восточной Бенгалии и Ассама — в Дакку, в Шиллонг^[240], - откуда он возвращается в изнеможении, ему предстоит выехать из Белура еще лишь для короткого путешествия в Бенарес в начале 1902 года. Великое странствие его жизни закончено...

— Не все ли равно, — говорит он гордо. — Я дал достаточно на полторы тысячи лет.

* * *

Он занимает в монастыре большую комнату во втором этаже — там много воздуха, три двери, четыре окна...^[241]

"Передо мной широкая река (Ганг) играет в ослепительных лучах солнца. Проплывает лодка, нарушает молчание, весла бороздят воду... Все — зелень и золото, трава — как бархат...^[242]

Он ведет деревенскую свято-буколическую жизнь францисканского монаха. Он работает в саду, в конюшне. Его, как и аскета Сакунталы, окружают любимые животные: собака Багха, коза Ганзи, маленький козленок Матру, с ошейником из колокольчиков, с которым он бегаёт и играет, словно ребенок; антилопа, журавль, утки и гуси, коровы и овцы^[243]. Он идет, как в экстазе, напевая своим прекрасным голосом, нежным и глубоким, или твердя отдельные слова, заполонившие его мысль, не замечая, как идут часы.

Но он может быть также великим настоятелем, с твердой рукой, который, несмотря на свои страдания, почти ежедневно до самой смерти руководит в монастыре занятиями по ведантизму, учит послушников приемам размышления; внушает работникам дух мужественной веры в себя; он строго следит за дисциплиной и за чистотой, вырабатывает распорядок на каждую неделю, каждый день вплотную наблюдает за всеми текущими делами; и ни одна небрежность не ускользает от взгляда хозяина^[244].

Он поддерживает вокруг себя героическую атмосферу, Неопалимую купину духа, где всегда присутствует Господь. Видя, как монахи идут на молитву, он говорит им, посреди двора, под деревом:

"Куда вы идёте искать Брахмана?.. Брахман никогда не пробуждается в том, кто не имеет уважения к себе... Он во всех, ощущимо. Здесь, именно здесь, видимый Брахман. Позор тем, кто, пренебрегая видимым Брахманом, направляет свой дух на другие

предметы. Брахман здесь, перед вами, столь же ощутимый, как плод в руке. Разве вы не можете его видеть? Здесь, здесь, здесь Брахман!.."

И голос его так повелителен, что все они испытывают как бы удар. Более четверти часа они остаются пригвожденными к месту, точно оглушенные. И нужно, чтоб Вивекананда сказал им наконец:

— А теперь возвращайтесь к вашей молитве. Идите!^[245]

Однако болезнь его прогрессирует. Диабет переходит в водянку: ноги больного пухнут, и некоторые части тела получают повышенную чувствительность. Сон почти исчез. Врач хочет запретить ему всякое усилие. Его заставляют следовать тяжелому режиму: ему нельзя выпить ни одной капли воды. Он подчиняется этому со стоическим терпением. В течение двадцати одного дня он не выпьет более ни капли воды, даже когда будет полоскать рот. Он дал обет...

"Тело — только маска духа. Дух повелевает, тело повинуется. Сейчас я даже не думаю о воде, не ощущаю в ней недостатка... Я вижу, нет ничего такого, чего бы я не мог выполнить".

Болезнь руководителя не должна, однако, мешать не только работе монастыря, но и его праздникам. Он хочет, чтоб они справлялись пышно, согласно ритуалу. Ибо этот свободный дух, не боящийся поднять шум, когда дело идет о социальных реформах, оскорбляющих бесчеловечную правоверность ханжей^[246], питает нежное почтение к легендарной поэзии красивых обрядов, которые поддерживают в простых сердцах верующих источник живой веры^[247].

Таким образом были великолепно ознаменованы: в октябре 1901 года великий праздник Дурджа Пуйя — поклонения Матери^[248], национальный праздник Бенгалии, соответствующий нашему Рождеству, полный радости благоуханной осени, когда все мирятся, обмениваются подарками, и монастырь в течение трех дней кормил сотни бедных; в феврале 1902 года праздник Рамакришны, собравший в Белур более трех тысяч паломников. Но Свами, вынужденный оставаться в комнате из-за опухоли ног и лихорадки, из окна смотрел на пляски — самкиртаны, утешал ученика, который ухаживал за ним и плакал; и один со своими воспоминаниями, он вновь переживал прошедшие дни у ног учителя, в Дакшинесваре.

Ему была еще суждена большая радость. Его посетил знаменитый гость: Окакура^[249]. Он приехал с японским настоятелем буддийского

монастыря Ода и пригласил его на будущий Конгресс религий. Встреча их была трогательной. Оба почувствовали свое родство.

— Мы, — сказал Вивекананда, — два брата, которые обретают друг друга, придя из самых противоположных далей^[250].

Оакура попросил Вивекананду сопровождать его к развалинам Бходгаи, с которыми связаны священные воспоминания. И Вивекананда, пользуясь несколькими неделями облегчения от своей болезни, согласился, чтоб в последний раз увидеть Бенарес^[251].

Его беседы, его планы и пожелания, относящиеся к этому последнему году, были тщательно собраны его учениками. Он был все время занят вопросами возрождения Индии. И два проекта, наиболее близких его сердцу, были — основание в Калькутте ведической школы, где видные профессора преподавали бы древнюю арийскую культуру и санскритскую науку, и женский монастырь, аналогичный монастырю в Белуре на берегах Ганга, под руководством "Святой Матери" (вдовы Рамакришны).

Но его истинное духовное завещание — в его сокровенных мыслях, которые он от избытка сердца высказал однажды в беседах с сантальскими рабочими^[252]. Это были бедняки, которые работали в матхе, копая землю. Вивекананда любил их; он присоединялся к их группе, говорил, вызывая их на разговор, плакал, слушая, как просто они рассказывали о своей нищете. Однажды он устроил для них целый пир и сказал им:

— Вы — Нарайяна. Сегодня я накормил Нарайяну...

Затем, вернувшись к своим ученикам, он сказал им:

— Посмотрите, какое простое сердце у этих неграмотных бедняков. Сумели бы вы помочь им в их нищете? А если нет, для чего носите вы гарруа (платье цвета охры саньяси)?.. Иногда я говорю себе: для чего строить монастыри? Почему бы не продать их и не раздать деньги бедным, нуждающимся Нарайянам? Какой нам нужен очаг, нам, кому должна служить приютом древесная сень? Увы! Как у нас может хватать духу подносить кусок ко рту, когда у наших соотечественников не хватает на пищу и одежду? Неужели никогда для них не будет воздаяния?.. Вы знаете, что одной из моих целей, когда я отправился проповедовать на Запад, было — прийти на помощь несчастным нашей страны. Когда я вижу их нужду, я думаю: бросим все эти сказки религии, раковины, в которые трубят, колокола, в которые звонят,

факелы, которыми размахивают перед изображением божества. Бросим всю ученую гордость Шастры, и все эти садханы, чтобы достигнуть самого мукти! Будем ходить из деревни в деревню и посвятим нашу жизнь служению бедным! Силою нашего характера, нашего разума и нашей суровой жизни убедим богатых в их обязанностях по отношению к массам!.. Увы, никто в нашей стране не думает о смиренных, о бедных, о несчастных! Те, кто являются хребтом нации, те, чей труд дает пищу всем, те, кому достаточно было бы перестать работать на один только день, чтобы в городе поднялся вопль отчаяния, — где человек, в котором они вызывали бы сочувствие, который разделял бы их радости и их страдания?.. Посмотрите, как из-за отсутствия сочувствия со стороны индусов тысячи париев принимают христианство в президентстве Мадрас! Их толкает не одно только мучение голода, но и отсутствие внимания с вашей стороны. Вы только и твердите им все время: "Не трогайте меня!.. Не трогайте того, другого!" Разве в этой стране не сохранилось ни унции братского чувства, дхарма? Осталась только одна "неприкасаемость...": "Не трогайте меня!.." Прогоните прочь, одним ударом ноги, все эти унижительные обычаи! О! как я хотел бы разрушить границы "неприкасаемости" и, соединив всех, идти, восклицая: "Придите все бедные и обездоленные, придите все, кого попирают ногами! Мы — едины, во имя Рамакришны". Если их не удастся поднять, Великая Мать (Индия) никогда не пробудится!.. На что мы годимся, если не можем им помочь, накормить и одеть их? Увы! Они не знают путей этого мира, и они не могут заработать себе на жизнь, хотя трудятся день и ночь. Соедините все ваши силы, чтоб снять пелену с их глаз! Что я вижу ясно, как день, это — что и во мне, и в них — один и тот же Брахман, один Шакти. Есть лишь разница в степени, в их проявлении... Видели ли вы когда-либо во всей истории мира, чтоб страна могла расти и развиваться, если ее кровообращение не совершается равномерно по всему телу? Знайте: никакое великое действие не может быть выполнено телом, у которого парализован хотя бы один член...

Когда один из учеников-мирян указывал на трудность установления в Индии единства и гармонии, Вивекананда с раздражением ответил ему:

"Не приходите сюда, если какое-либо дело кажется вам слишком трудным! Милостью Господа все становится легко выполнимым. Ваш долг — служить несчастным и бедным, без различия каст и верований. Для чего вам задумываться о плодах ваших деяний? Ваш долг — продолжать работать; и все устроится со временем... Вы все — просвещенные юноши, вы считаете себя моими учениками... Скажите же мне: что вы сделали? Неужели вы не можете отрешиться от одной только жизни ради любви к ближнему? Отложите на будущую жизнь чтение Веданты и размышление! Пусть тело, находящееся здесь, служит другим! И тогда я буду знать, что вы не напрасно приходили ко мне!"

И немного позднее он говорит:

"После такого долгого tapasya (аскезы) я узнал, что высочайшая истина следующая: Он присутствует во всех существах. Все являются лишь его многообразными формами. Бесполезно искать другого Бога. Богу поклоняется лишь тот, кто служит всем существам!"

Великая мысль показывается в своей наготе. Как заходящее солнце, она выходит из-за облаков, прежде чем исчезнуть. Она сияет: Равенство всех людей. Равенство всех существ, всех детей одного Бога, всех, носящих в себе одного Бога. И другого Бога нет! Кто хочет служить Богу, пусть служит людям! И в первую очередь — самым смиренным, самым бедным, самым покинутым! Разбейте все преграды! На эту бесчеловечную "неприкасаемость", которая проявлялась в более жестоких внешних формах в Индии, но присуща не одной только Индии (ибо лицемерие Европы создало своих париев, соприкосновения с которыми оно избегает) — ответьте простертыми руками и восклицанием из "Оды к Радости":

"Братья!.."

Ученики Вивекананды повиновались призыву. Миссия Рамакришны не переставала с тех пор приходить на помощь бедным, людям, стоящим вне каст^[253], и в особенности она берет под свое покровительство Санталов, которых ее Свами, умирая, поручил ей.

Другой принял факел из рук того, кто восклицал: "Придите вы все, бедные и обездоленные! Придите те, кого попирают ногами! Мы — едины!"

И он возобновил святую борьбу, чтоб вернуть тем, до кого даже нельзя дотрагиваться, их права и их достоинства — М. К. Ганди!

* * *

Его великая гордость признала тщету гордости. Умиравший познал теперь истинное величие — величие малых: "героическая смиренная жизнь"^[254].

"По мере того как я старею, — сказал он Ниведите, — я все более и более ищу величия в малых вещах. В высоком положении кто угодно может быть великим. Даже трус станет храбрым, если он на виду: мир на него смотрит! Все более и более истинное величие представляется мне в образе червячка, который делает свое дело молча и постоянно, из часа в час, из минуты в минуту!"

Он видел приближение смерти взглядом верным и точным. Он призвал всех своих учеников, даже тех, которые находились за морями. Его спокойствие вводило их в заблуждение: они полагали, что он проживет еще года три или четыре, тогда как он знал, что это — канун ухода. Он не высказывал никаких сожалений о том, что должен передать свое дело в другие руки:

"Как часто, — говорил он, — человек губил своих учеников тем, что постоянно оставался с ними!"

Ему казалось необходимым уйти, чтоб они могли сами свободно развиваться. С тех пор он уже не соглашался высказывать какое-либо мнение о современных вопросах:

"Я не могу больше, — говорил он, — входить в эти дела. Я уже в пути".

В последний день, в пятницу 4 июля 1902 года, он был более бодр и весел, чем когда-либо за много лет. Он встал очень рано. Он пошел в часовню и, вопреки своему обыкновению все открывать, закрыл все окна и запер на задвижки двери. Он размышлял один, от восьми до одиннадцати часов утра. Когда он вышел во двор, лицо его преобразилось, он говорил сам с собою и пел свой прекрасный гимн Кали. Он с аппетитом принимал пищу в кругу учеников. Почти сразу после этого он три часа занимался с послушниками санскритом и был полон жизни и одушевления. Затем он пошел с Преманандой гулять по дороге к Белуру и прошел более двух миль; он говорил о своем проекте ведической школы и говорил об изучении Вед:

— Это убьет суеверия.

Пришел вечер. Он вел последнюю дружескую беседу со своими монахами. Он говорил о величии и падении народов. Он сказал:

— Индия бессмертна, если она будет настойчиво искать Бога. Но, если она займется политикой и социальной борьбой, — она умрет^[255].

Семь часов... Монастырский колокол прозвонил к Арати (молитве). Он вернулся в свою комнату, некоторое время созерцал Ганг и отослал бывшего с ним послушника, прося, чтоб его не тревожили в его размышлении. Через сорок пять минут он призвал своих монахов, попросил открыть все окна, спокойно растянулся на полу и остался неподвижным, лежа на левом боку. Все думали, что он размышляет. Через час он повернулся, глубоко вздохнул — молчание на несколько секунд — глаза закатились, взгляд обращен внутрь себя, — новый глубокий вздох... И молчание навеки.

"У него, — сказал послушник, — было немного крови в ноздрях, на губах и на глазах".

Похоже на то, что он отошел в добровольном Кундалини Шакти^[256], великом последнем экстазе, который Рамакришна разрешил ему лишь тогда, когда его дело будет завершено^[257].

Ему было тридцать девять лет^[258].

На другой день его, как и Рамакришну, отнесли на костер на плечах его братьев-саньяси, среди победных кликов.

И я мысленно слышу, как бы на триумфе Рамнада, хоры из Иуды Маккавея, приветствующие мощного атлета и его последнюю битву.

notes

Примечания

1

1891 год. К своим ученикам в Альваре, в Раджпутане.

Он весит 170 фунтов. В Нью-Йоркском френологическом журнале (выдержка приведена в т. II "Жизни Вивекананды") можно найти измерения его тела, произведенные во время его первых поездок по Америке.

Челюсти скорее татарские, чем индусские. Вивекананда гордился тем, что его предки были татары, и любил говорить, что в Индии "татары — лучшие люди народа".

У него был красивый голос, напоминающий, как говорила мне мисс Жозефина Мак-Леод, звук виолончели. Низкий (в отличие от голоса Рабиндраната Тагора, в котором звучат высокие ноты) и ровный, он наполнял своими глубокими звуками зал и все сердца. Овладев слушателями, Вивекананда понижал его до самого тихого рiано, глубоко захватывая аудиторию. Эмма Кальве, которая его знала, говорит: "Чудесный баритон, вибрирующий, как китайский гонг".

5

Он принадлежал к разряду кайяста, подкаста воинов.

Ramakrishna Mission, которую он основал, распространила по всей Америке свои отделения, и многие из наиболее преданных его учеников были американцами.

Свидетельство Дана Гопала Мукерджи.

Впрочем, уже с юности пораженное первыми приступами болезни (диабет), от которой ему было суждено умереть. Смерть всегда невидимо сидела у очага этого Геркулеса.

Он определил жизнь как "стремление существа к развитию в обстоятельствах, стремящихся его раздавить" (апрель 1891 года, Беседы с махараджей Кетри).

Напоминаю, что его настоящее имя было Нарендранат Датт. Он принял имя Вивекананды лишь в момент отъезда в Америку, в 1893 году.

Я запрашивал по этому поводу Ramakrishna Mission. Свами Ашокананда любезно собрал для меня данные тщательного опроса. Согласно решающему свидетельству одного из наиболее близких учеников Вивекананды, монаха Свами Суддхананды, в настоящее время секретаря Ramakrishna Mission, Рамакришна всегда называл его по имени "Нарендра", или, короче, "Нарен". Хотя он сделал некоторых своих учеников "саньяси", это никогда не происходило в ритуальной форме, и монашеских имен он им не давал. Правда, он дал Нарену прозвище "Камалакша" (с глазами лотоса), но Нарен впоследствии его забыл. Во время своих первых путешествий по Индии он принимал различные имена, чтобы не обнаруживать своей личности. Иногда он называл себя Свами Вивидишананда, иногда Сатчидананда. Еще накануне отъезда в Америку, когда он отправился к полковнику Олькотту, в то время председателю Теософского общества, чтобы получить рекомендательные письма в Америку, Олькотт знал его под именем Сатчидананды и — вместо всяких рекомендаций — предостерег против него ("warned") своих американских корреспондентов (письмо Олькотта к Джармапала, в Америку). Его большой друг, магараджа Кхетри, предложил ему имя Вивекананды, когда он садился на пароход, отплывая в Америку. Выбор имени был подсказан намеком на "способность различения" Свами. Нарен принял это имя как временное. Но он бы уже не мог изменить его, даже если бы пожелал: в несколько месяцев оно стало знаменитым и в Индии, и в Америке.

11

То есть божественного Единства (выдержки из труда Сарадананды).

"Жизнь Вивекананды", т. II, гл. LXXIII. Беседы, состоявшиеся до 1893 г. NB. "Жизнь Вивекананды", на которую я постоянно ссылаюсь в моей книге, это четырехтомный, считающийся в Индии классическим труд, опубликованный Advaita Ashram в Майявати, под заглавием The Life of the Swami Vivekananda, by his Eastern and Western disciples, 1914–1918.

Воспоминания ученика Рамакришнананды о последних минутах Рамакришны, недавно опубликованные в "Messenger de l'Orient" в Соединенных штатах (см. последнюю главу предыдущей части).

Мы должны еще раз отметить предпочтение, которое оказывается в этой панораме героических и божественных идей человечества Христу и Евангелию. Эти индусские монахи празднуют страстную пятницу и поют псалмы святого Франциска. Нарен, который не может без слез читать бессмертный рассказ о распятии, говорит им о христианских святых, об основателях западных орденов. "Подражание Христу" — их настольная книга вместе с "Бхагавадгитой". И все же не может быть и речи о том, чтоб причислить их к последователям церкви Христовой. Они были и остаются индуистами-ведантистами, во всем, без уступок. Но они объемлют в своей вере все верования земного шара. Воды Иордана примешиваются к водам их Ганга. Тех из приверженцев Запада, которых возмущает эта преступная аннексия, мы спросим, чем же законнее слияние палестинской реки с водами Тибра?

Я сказал выше, что свобододобивый Рамакришна, в отличие от других гуру, не совершал над своими учениками (и это позднее ставилось в упрек Вивекананде) обряда посвящения в монахи в его обычной форме. Нарен и его товарищи сделали это сами, приступая в 1888-м или 1889 году к Viraja Нота, традиционной церемонии Саньясы, в монастыре Баранагора. Свами Ашокананда пишет мне, впрочем, что в Индии существует и другая форма Саньясы, считающаяся более высокой, чем Саньяса ритуальная, и освященная обычаем. Кто чувствует сильное отвращение к жизни "века" и жажду бога, может принять Саньясу сам, без всякого формального посвящения. Это, без сомнения, и было сделано свободными монахами Баранагора.

За исключением одного святого человека, чтимого всеми мудрецами Индии, — Павхвари Баба из Гхазипура. Этот великий отшельник, родители которого были браминами в Бенаресе, широко образованный, знавший все религии Индии, все философии, дравидские языки и древнебенгальский, изъездивший всю страну, — удалился в уединении и соблюдал строжайший аскетизм. Спокойствие его бесстрастной души, его героическое смирение, учившее с ясной улыбкой смотреть в лицо самым страшным событиям и заставлявшее его говорить среди жестоких страданий, причиненных укусами кобры, что это "посланец его Возлюбленного", подчинили его обаянию величайшие умы Индии. Его посетил Кешаб Чандер Сен, и Нарен был у него еще при жизни Рамакришны, святость которого Павхари признавал. Нарен виделся с ним снова, в период колебаний, после смерти Рамакришны, он посещал его ежедневно и был недалек от того, чтобы последовать за ним и просить у него посвящения. Это были мучения духа, длившиеся несколько недель: он терзался, влекомый двумя мистическими призывами — Рамакришны и Павхари Баба. Последний больше отвечал его странному желанию погрузиться в божественную бездну, в которой душа отрывается от личного и поглощается вся целиком, без мысли о возвращении. Он смягчал не покидавшие сердце Нарена угрызения в том, что он отворачивается от мира и от служения обществу: ибо Павхари исповедовал веру, что дух может помогать другим даже без помощи тела и что наиболее сильное действие заключается в наиболее полном созерцании. Какой религиозно настроенный ум не знал смертельного обаяния этого голоса? Двадцать один день Нарен был на волосок от того, чтобы подчиниться ему. И двадцать одну ночь образ Рамакришны, являвшийся ему, увлекал его обратно. Наконец после непрестанной внутренней борьбы, обо всех перипетиях которой он отказывался говорить, Вивекананда сделал окончательный выбор. Он избрал Служение богу в человеке.

Сарадананда, Брахмананда, Премананда, Йогананда, Турьянанда, в особенности Ахандананда, который дольше всех пробыл с ним.

В своих неизданных мемуарах, с которыми я ознакомился, Sister Christine (сестра Христина), великая американская ученица Вивекананды, основываясь на рассказах последнего, оставила следующее ценное свидетельство об этом эпизоде и о привлекательной личности Садананды.

Садананда был молодой начальник станции в Гатрасе... Он видел, как пришел на вокзал Нарен, умиравший от голода. Он был сразу поработен его взглядом... "Я встретил два глаза дьявола", — говорил он позднее. Он позвал его к себе в дом, и, когда его гость ушел, он последовал за ним — на всю жизнь.

Оба они, молодые, были художественно одаренными людьми и поэтами. Но, в отличие от своего учителя, у Садананды разум отходил на второй план, хотя он и был образован (он изучал персидский язык и подвергся влиянию суфизма). Как и у Нарена, у него было живейшее чувство красоты, и он с восторгом наслаждался природой, ее картинами. Никто не был более предан Вивекананде. Он весь проникся существом учителя: стоило ему закрыть глаза и подумать об его образе, его жестах, как он возникал немедленно в глубине его мысли. "Он — дитя моего духа", — говорил о нем Вивекананда. Не видав Рамакришны, он по своей природе был к нему ближе, чем кто-либо другой. Иные эпизоды его жизни напоминают случаи из жизни Парамахамсы, а также некоторые черты наших святых в "Золотой легенде". Он видит, что избивают буйвола; тотчас следы бича запечатлеваются на его теле. Он ухаживает за прокаженными, поклоняясь им, как богу; целую ночь напролет он держит в своих объятиях человека, горящего в оспе, чтобы умерить его лихорадку. Более чем у кого-либо из будущих учеников, у него было чувство демократизма, по мнению сестры Христины, обусловленное отчасти мусульманскими влияниями. Он первый из Миссии организовал отряд метельщиков во время чумы. Он любил отверженных и разделял их жизнь. Молодежь его боготворила. Во время его последней болезни преданная ему группа людей, называвших себя "собаками Садананды", с горячностью ухаживала за ним: они все оставили ради него, как он

оставил все ради Вивекананды. Он не допускал между собой и ими обычных отношений учеников и гуру; он всегда был товарищем. "Я могу сделать для вас лишь одно, — говорил он, — привести вас к Свамиджи" (ласкательное от Свами — Вивекананда). И хотя иногда он мог быть строг с ними, он всегда был полон радости, как говорило само избранное им имя; и эту радость он им передал. Они с любовью хранят память о нем.

Читатели простят мне эту длинную выноску, нарушающую ход рассказа. Но, пренебрегая требованиями литературной стройности, я стремился сохранить для верующих душ Запада этот "цветок" Индии, полный францисканской прелести, который сорвала нам сестра Христина.

Проявление величия моголов в Агре взволновало его до слез. В Дайдодии он пережил "Рамайяну". В Бриндабане — детство Кришны. В тайниках Гималайских гор он размышлял о Ведах.

Сарададеви, эта простая и добрая женщина, которая пережила примерно на сорок лет Рамакришну и более чем на двадцать лет — Вивекананду, любимая и почитаемая всеми, сохранила те чувства, которые питал учитель к великому ученику. Однажды мисс Мак-Леод (она мне об этом и рассказывала) сказала Сарададеви: "Вашему мужу выпал благой удел: он оставался в Индии, среди своих, это было для него сплошной радостью. Миссия Свами (Вивекананды) была гораздо тяжелей: он избрал долю героя". "Да, — просто отвечала Сарададеви, — Свами Вивекананда был выше. Рамакришна говорил, что он только тело, тогда как Вивекананда — голова". Я привожу эти слова не потому, что я согласен с ними, но для того, чтобы показать скромность Рамакришны.

Ахандананда сопровождал его в Гималаи; там он заболел. В Альморе Нарен нашел Сарадананду и Трипананду, немного позднее — Турьянанду. Они присоединились к нему. Он покинул их в Мируте в конце января 1891 года; их беспокойная привязанность преследовала его до Дели. Он рассердился и приказал им оставить его.

В Кхетри он становится учеником лучшего в то время знатока санскритской грамматики. В Ахмадабаде он пополняет свои сведения о магометанстве и джайнизме. В Порбандаре, несмотря на данный им обет странствующего монаха, он задержался на девять месяцев, чтобы усовершенствовать под руководством ученых пандитов свои знания в области философии санскрита; он работает с Тригунакитой, который переводит Веды.

Но он не щадил нетерпимости миссионеров. Впоследствии они не простили ему этого. Христос, учение которого он проповедовал, открывал свои объятия всем.

В самом начале своего великого путешествия, в Альваре, в Раджпутане (февраль — март 1891 года). Его огорчало отсутствие духа точности, определенности и научной критики в истории Индии. И он указывал, противопоставляя, на пример Запада. Ему хотелось, чтобы, овладев его методами, молодая школа индийских историков посвятила себя воскрешению прошлого Индии: "Это будет подлинное национальное воспитание; и таким образом пробудится подлинный национальный дух".

Письмо от 7 июля 1896 года. Он прибавляет: "В тридцать три года я живу в одном доме с проститутками".

В точном переводе: Имя твое, Господин, есть: Same Sightedness
(способность тождественного видения).

Поэма святого Вайшnavы: Сурадас.

Он встретил вора, который обобрал своего святого гуру, Павхари Бабу, и впоследствии, терзаясь раскаянием, стал монахом.

См. выше.

Эти слова записаны в позднейшее время. Но чувство, вызвавшее их, возникло уже тогда.

Так описывает его Абхедананда, который встретился с ним в октябре 1892 года в провинции Барода.

"Я чувствую могучие силы. Они как будто разрывают меня. Во мне столько возможностей! Я, кажется, мог бы революционизировать весь мир..."

Таково было заглавие лекции, которую он прочел в Хайдерабаде в феврале 1893 года: "Моя миссия на Западе".

Однако баранагорские монахи, по-видимому, не были склонны подражать ему. Мы увидим, что даже после его триумфального возвращения из Америки они не без колебания вняли его доводам о необходимости подчинить созерцательную жизнь общественному служению и даже, если нужно, совсем отказаться от нее. Лишь один из них, Ахандананда (Гангадхар), тронутый словами, переданными Брахманандой и Турьянандой, уже в 1894 году открыл школы в Кхетри и стал работать на поприще народного образования.

Эти слова, приведенные в замечательной "Жизни Вивекананды", дополняются воспоминаниями Турьянанда, которые Свами Джнанесварананда записал и опубликовал в газете "Morning Star" от 31 января 1926 года:

"Брахмананда и Турьянанда удалились на гору Абу и проводили там очень строгий "tapasya" (упражнения в созерцании и аскетизме). Они никак не ожидали встретить Нарена. Они увидели его на станции Абу за несколько недель до его отъезда. Нарен поделился с ними своими планами, своими колебаниями, своим убеждением, что Парламент религий был предназначен богом для подготовки его успеха. Турьянанда запомнил каждое его слово, все его интонации:

— Хари бхай, — воскликнул Нарен, которому кровь бросилась в лицо, — я ничего не могу понять в вашей мнимой религии!

С выражением глубокого страдания и волнения он приложил к сердцу дрожащую руку и прибавил:

— Но мое сердце очень, очень расширилось, и я научился чувствовать страдания других. Верьте мне, я его ощущаю очень болезненно!

Голос его пресекся от волнения. Он замолчал. Слезы струились по его щекам".

Рассказывая это, Турьянанда сам очень взволновался, глаза его были полны слез:

"— Вы можете представить себе, — сказал он, — что мелькнуло у меня в мыслях, когда я услышал эти проникновенные слова и увидел величавую грусть Сваמידжи. "Ведь это, — думал я, — слова, чувства самого Будды". И я вспомнил, как задолго до этого, когда он отправился в Будда-Гайя, чтобы размышлять под деревом Боддхи, ему явилось видение Будды, который вошел в его тело. Ясно я видел, что все страдание человечества проникало в его трепещущее сердце... Никто, — продолжал Турьянанда страстно, — никто не может понять Вивекананду, если в нем самом не живет хоть малая частица тех вулканических чувств, которые обуревают его".

Турьянанда рассказывал о другой такой же сцене, при которой он присутствовал после возвращения Вивекананды из Америки, — вероятно, в доме Баларама, в Багбазаре (Калькутта).

"Я пришел к нему и нашел его шагающим взад и вперед на веранде, точно лев. Он был погружен в думы и не заметил моего присутствия... Он начал напевать вполголоса знаменитую вдохновенную песнь Мирабхай. Слезы потекли у него из глаз. Он остановился, прислонился к балюстраде и закрыл лицо ладонями. Голос его стал более явственным, и он пропел несколько раз:

— О! Никто не понимал моих страданий!..

И еще:

— Лишь тот, кто страдает, знает муки страдания!

Его голос пронзил меня точно стрелой. Но я не мог понять причины этого горя... И вдруг, внезапно, я понял! Это было все то же мучительное страдание, которое часто заставляло его лить жгучие кровавые слезы... И никогда мир не будет знать о нем..."

Вдруг, повернувшись к слушателям, Турьянанда сказал:

"— Вы думаете, что эти кровавые слезы были пролиты напрасно? Нет! Каждая слеза, упавшая на родную землю, каждое пламенное дыхание его могучего сердца родит легионы героев. Своими мыслями и делами они перевернут мир!"

Я сказал, что во время путешествия по Индии он принимал столько различных имен, что оставался большей частью неузнанным. Многие из встречавших его не подозревали, кто он такой. В Пуне, в октябре 1892 года, Тилак, знаменитый индусский ученый и политический деятель, принял его сначала за обыкновенного странствующего монаха и начал слегка иронизировать над ним; потом, пораженный проявившимися в его возражениях умом и знаниями, он дал ему у себя приют на десять дней, но так и не узнал его настоящего имени. Лишь позднее, когда газеты принесли из Америки отголоски триумфа Вивекананды и описание наружности триумфатора, он узнал неведомого гостя, который пребывал под его крышей.

При посещении китайских храмов, освященных первым буддийским императором, он был поражен, увидев там санскритские рукописи, написанные бенгальским алфавитом. В Японии он видел также в храмах мантры (священные формулы), написанные по-санскритски, древне бенгальскими буквами.

Вивекананда непосредственно входит в связь с некоторыми членами Теософского общества (ср. "Мой план кампании", Мадрас, 1897). Журнал "Vedanta Kesari" дает подробности на эту тему (январь — февраль, 1923).

Мистрис Гэль.

См. нашу книгу "Жизнь Рамакришны".

Это, конечно, не был наш М. К. Ганди, который в это время приближался к южной Африке. Но его семья поддерживала тесные связи с джайнами, и возможно, что Ганди из Парламента религий был с ним в родстве.

Об этом свидетельствует американская пресса.

Красный халат, перехваченный у пояса оранжевым шнурком, и большой желтый тюрбан оттеняли черноту его волос, оливковый цвет кожи, темные глаза, лиловые губы (из газетных описаний).

Прибавим, что непредусмотрительный юноша ничего не приготовил, тогда как другие читали по написанному тексту.

И в пленарных заседаниях Парламента, и в работавших при нем научных секциях. Вот темы его главных речей:

1) "Почему между нами нет согласия?" Он говорил об "изолированности" основных положений различных религий, являющейся источником фанатизма.

2) "То, что больше всего нужно Индии — не религия" (а хлеб. Призыв о помощи своему гибнущему народу).

3) 22 сентября. О философии Веданты.

4) 23 сентября. Об ортодоксальном индуизме и современных религиях Индии.

5) 25 сентября. О сущности индусской религии.

6) 26 сентября. Буддизм как необходимое дополнение индуизма.

И еще четыре доклада. Но самыми замечательными его речами были:

11) 19 сентября. Знаменитый "Опыт изложения индуизма", единственным общим представителем которого, без различия сект, на конгрессе являлся он. Мы вернемся к этой речи позднее, при разборе учения Вивекананды.

12) 27 сентября. Обращение к заключительному заседанию конгресса.

Но, поскольку "Monsieur Josse" тоже универсален, юный индуист, говоря об индуизме как об универсальной религии, добросовестно подразумевал индуизм в его первоначальной сущности, омоложенный, очищенный от элементов вырождения, свойственных сектам.

Собор в Паталипуре, на который император Ашока, как говорят, созвал буддистов около 253 года до нашей эры.

Великий могольский повелитель XVI века (1556–1605), который, упразднив ислам, пытался основать с помощью индусов, джайнов, мусульман, парсов и даже христиан эклектико-рационалистическое учение, ставшее государственной религией.

"Опыт изложения индуизма" (19 сентября).

"Вступительная речь к заключительному заседанию" (27 сентября).

"New-York Herald — Boston Evening Transcript" констатирует, что он — "главный фаворит" в Парламенте. Стоило ему взойти на кафедру, как его бурно приветствовали. Единственным способом удержать публику на заседаниях, часто утомлявших ее, было — объявить, что в конце будет говорить Вивекананда.

В одной из речей в Мадрасе, произнесенной по возвращении из Америки — "Мой план кампании" — Вивекананда изобличал всех, кто на него нападал, и резко высказал свое мнение о Теософском обществе. Европейскому читателю интересно будет прочесть в "Путевом дневнике философа" гр. Кейзерлинга (т. I французского перевода) главу об Адьяре, основном штабе Теософского общества в Индии, где дух этого общества схвачен на редкость острым взглядом.

Рамакришна.

Я слышал о подобном же случае с одним большим индусским поэтом, которого мы все уважаем. Приглашенный в Соединенных штатах на собрание, где он должен был говорить об одном своем труде, очень близком его сердцу, перед теми, кто будет участниками подписки, он был так возмущен их видом, что стал говорить против них, против той грубой цивилизации, от которой он задыхался. Он собственными руками разрушил дело, успех которого был заранее обеспечен.

Разумеется, его обвиняли (обвинение, классическое для англосаксонских стран) в обольщении. Чтоб положить конец слуху, пущенному одним клерджименом низкого разбора, будто он совратил служанку, которой отказал от места мичиганский губернатор, понадобились печатные опровержения жены губернатора (март 1895 года), удостоверяющие моральную высоту Вивекананды. Но какие опровержения могли когда-нибудь уничтожить клевету ханжей?

Члены Брахмо-Самаджа считали кощунственными некоторые толкования ведантизма, данные Вивеканандой: его "притязания на божественность" (т. е. божественность человеческой души), его "отрицание греха" заимствованное им от Рамакришны), его "эволюционизм", его "идеи Запада, внесенные в индуизм", и т. п. (ср. памфлет Б. Мазумдара "Вивекананда, осведомитель Макса Мюллера"). Против него образовалось курьезное соглашение, объединившее протестантских миссионеров, теософов и "брахмосов".

А именно, ел говядину. Он и не скрывал этого. Он презирал ханжество, которое считает, что будет в расчете и с нравственностью, и с богом, если выполнит некоторые религиозные предписания, и которому несоблюдение их кажется смертным грехом. Он считал ненарушаемыми лишь два обета: бедности и целомудрия. В остальном он полагал, следуя здравому смыслу, что нужно по возможности подчиняться обычаям страны, в которой приходится жить.

Крипананда — религиозное имя Льва Лансберга, по происхождению — русского еврея, натурализовавшегося в Америке, сотрудника большой нью-йоркской газеты, который был одним из первых западных учеников, принятых Вивеканандой. Письмо, цитируемое мною, было написано в 1895 году в мадрасскую газету "Brahmavadin".

Мне указали на статью одного индуса, Герамбачандра Майтра: "Эмерсон с точки зрения индуса", в "Harvard Theological Review", 1911. Я не имел возможности с ней ознакомиться.

Уже после того, как вышла в свет настоящая книга, Фредерик Айв Карпентер опубликовал работу "Эмерсон и Азия" (Кембридж, Harvard University Press, 1930), которая полностью освещает этот вопрос.

"Поскольку человек справедлив в своем сердце, постольку этот человек — Бог... Бессмертие, божественное величие вошли со справедливостью в его сердце... Все существа исходят от одного духа, носящего в своих различных проявлениях разные названия: любви, справедливости или мудрости, как океан получает другие имена, омывая другие побережья... Знание этого закона пробуждает в душе религиозное чувство, являющееся для нас источником высшего счастья. Чудесное могущество, чарующее и увлекающее! Это — воздух высоких вершин, это — красота неба, это — безмолвное пение звезд, это — счастье человека..." (речь в Гарвардском университете, 1838 год, *Miscellanies*, 1868, стр. 120). "Эмерсон, — говорит Вильям Джемс, — верит в божественную вселенскую душу, нравственную по существу". Перед божественной справедливостью все должно склониться, насекомые, и люди, и светила". Эта справедливость, эта нравственная сущность не должны быть сужены до того ограниченного смысла, в каком мы их понимаем в обыденной жизни; они имеют трансцендентальный характер. "Могущество в природе есть мера права". Эмерсону всегда присуще глубокое космическое чувство, эта имманентность оживляет его морализм и сообщает ему величие.

Торо цитирует источники: французский перевод Гиты, автора которого он не называет, по-видимому перевод Бюрнуфа, вышедший в 1840 г., и чаще всего — английский перевод Чарльза Уилькинса, который издан в 1846 г. с предисловием Уоррена Гастингса. Я упоминал о том, что этот великий человек, этот завоеватель (Гастингс), покорив Индию, почувствовал и публично признал духовное первенство страны Вед. Еще в 1786 году он рекомендовал председателю Ост-Индской компании перевести Бхагавадгиту и написал к переводу предисловие. В моей "Жизни Рамакришны" я цитировал по Торо прекрасные слова, в которых Уоррен Гастингс свидетельствует, что "создатели индийской философии будут жить, когда британское владычество в Индии давно прекратится". Торо цитирует и другие индусские сочинения, например "Сакунталу" Калидасы и восторгается Ману, известным ему по переводам Вильяма Джонса. Его "Путешествие в течение недели", которое он писал начиная с 1839 года, было напечатано в 1849 году.

Я обязан этими сведениями мисс Этель Сиджвик, которая любезно подобрала их для меня с просвещенной помощью Master of Balliord College и проф. Годдарда в Gwarthmore College (Пенсильвания). Приношу им за это благодарность.

Читателю будет интересно найти здесь его перевод:

"Если красный убийца думает, что он убивает,
Или убитый думает, что он убит,
Они не знают моих тайных путей.
Они проходят и вновь возвращаются.
Далекое и забытое — для меня близко.
Тень и солнце — одно и то же.
Мне являются исчезнувшие боги.
И слава и позор — для меня одно.
Плохо рассчитывают те, кто не считается со мною,
Когда они убегают от меня; я — их крылья;
Я — сомневающийся и сомнение,
Я — тот, кого воспевают Брахманы.
Сильные боги тоскуют по моему обиталищу,
И напрасно жаждут этого Семь священных,
Но ты, смиренный искатель добра,
Найди меня и повернись спиной к небу!"

Мои друзья Уолдо Франк и Ван Вик Брукс сообщили мне весьма важные сведения. В 1854 году англичанин Чольмондлей, племянник великого епископа Реджинальда Гебера, посетил Конкорд и подружился со всем интеллигентным населением имения. Возвратившись в Англию, он преподнес Торо целую коллекцию восточных классиков в 44 томах. Торо говорит, что почти ни одного из этих произведений нельзя было найти в Америке. Позволительно думать, что стихотворение "Брама" Эмерсона явилось цветком дерева, только что жадно впитавшего воды этого ливня из Индии.

Один из бесчисленных примеров синхронизма человеческой души в ее самых различных этнических выражениях, который часто заставлял меня думать, изучая историю, о разных ветвях одного и того же дерева, вместе переживающих смены времен года.

Джон Морлей, в своем критическом этюде об Эмерсоне, прекрасно изобразил этот период интеллектуального опьянения, эту "болезнь энтузиазма", как говорил Шефтсбери, которая с 1820-го по 1848 год кружила головы обитателям Новой Англии.

Гарольд Д. Карей в недавней статье в *The Bookman* (февраль 1929 года), посвященной главным образом загадочному Brookfarm, установил революционный характер этого духовного и социального движения, которое произвело на правящие классы и общественное мнение среднего обывателя впечатление "большевизма". Поднялось смятение и беспокойное бешенство. Они обратились прежде всего против Эмерсона, которого считали более всего ответственным за этот дух восстания. В нашу эпоху смелая роль Эмерсона незаслуженно забыта. Его современники и друзья — Торо и Теодор Паркер дерзали публично клеймить лживость закона и мужественно боролись против нарождающегося чудовища делового империализма (по случаю войны с Мексикой, затеянной американским правительством в 1847 году).

Вильям Джемс сказал о Mind Cure: "Там можно найти в качестве основных элементов: четыре Евангелия, идеализм Беркли и Эмерсона, спиритизм с его законом прогрессивной эволюции душ и их странствований через последовательный ряд жизней, оптимистический и вульгарный эволюционизм и религию Индии".

Шарль Бодуэн прибавляет к этому с 1875 года влияние французской школы гипноза (Рише, Шарко, Бернгейм) и отмечает, что Куэ в свою очередь использовал Mind Cure, специально изучив английский язык, чтобы познакомиться с этой вульгаризованной американской мистикой и затем свести ее к наипростейшему выражению, рационалистическому и позитивистическому.

Но тут следовало бы подняться до их общего источника — магнетизма Месмера, в конце XVIII века и дальше, дойдя до элементов, из которых сложилась эта сильная загадочная личность (ср. Пьер Жане, "Психологические методы лечения", т. I, 1919).

Что касается Christian Science, то достаточно перелистать маленький словарь философских и религиозных терминов, который мс-с Эдди приложила к своей Библии: "Science and Health", чтобы заметить родство некоторых существеннейших ее понятий с понятиями индуистского ведантизма:

"Я или это — Божественный принцип (Spirit), Душа, Eternel Mind. Есть только один Я или Мы, только один Принцип или Mind, управляющий всем... Все вещи отражают в Творении Бога единый Mind, и все, что не отражает этот единый Mind, лживо и обманчиво..."

"Бог — Великое I am (Я есмь)... Начало, Дух и Душа, Жизнь, Истина, Любовь, всякая сущность, разум..."

По-видимому, мс-с Эдди не стремилась признать это родство. Она умалчивает о нем в последних изданиях своей книги. Но в первых изданиях она цитировала ведантическую философию. Свами Абхедананда, ученик Вивекананды, сообщил нам, что 24-е издание "Science and Health" содержало главу, теперь выпущенную, которая начиналась четырьмя ведантическими цитатами. В той же главе мс-с Эдди цитировала Бхагавадгиту, по переводу Ч. Уилькинса, вышедшему

в Лондоне в 1785 году и в Нью-Йорке в 1867 году. В дальнейшем эти цитаты исчезли из книги: в ней можно найти лишь несколько туманных намеков на индийскую мысль. Для всякого непредубежденного читателя эта неловкая попытка скрыть свои заимствования является лишь признанием их значительности (ср. статью Мадлены Гардинг в Обзрении "Prabuddha Bharata", март 1928 г.).

Наконец, еще более поразительные аналогии с мыслью Индии находим в главнейших трактатах по Mind Cure Горація В. Дрессера, Генри Вуда и Р. В. Трайна. Но так как они относятся к концу столетия, т. е. появились уже после пребывания Вивекананды в Америке, то возможно, что они воспользовались учением последнего. Они вполне согласуются с правилами сосредоточения, преподаваемыми йогой, и с верой, на которой последние основаны. Французский читатель найдет несколько характерных выдержек в "Религиозном опыте" Вильяма Джемса (французский перевод Франка Абози, 1906, стр. 80-102).

Нужно заметить, что название Christian Science употреблялось уже предшественником мс-с Эдди, д-ром Квимби, который за несколько лет до нее (до 1862 года) изложил аналогичное учение под именем Christ Science, Christian Science, Divine Science, Science of Health. Рукописи Квимби, изданные недавно, устанавливают, что мс-с Эдди обязана ему всем наиболее существенным в своем методе и своих идеях. В недавно вышедшей работе Франден Даки "Мс-с Эдди" (Лондон, Charles Scribner's sons, 1929) можно найти наиболее полные документальные сведения об этой любопытной личности, больной, мучимой гордостью, одержимой иногда опасными навязчивыми идеями, но одаренной необыкновенной энергией.

В Европе, ослабевшей после войны, к сожалению, стремятся укорениться те же нравственные черты; хуже всего то, что эта умственная трусость сопровождается лживым бахвальством, которое кичится реализмом и мужественностью.

Во время его первого пребывания в Соединенных штатах Metaphysical College Массачусетса, открытый мс-с Эдди в Бостоне, где она за семь лет обучила более четырех тысяч учеников, был временно закрыт (в октябре 1889 года), чтобы дать возможность его основательнице, Pastor Emeritus первой церкви Христа "Scientit'ов", написать свою новую Science and Health, изданную в 1891 г. Школа открылась под ее руководством в 1899 году.

Mind Cure было в полном расцвете и породило New Thought, которое относится к Christian Science примерно так же, как рационалистический протестантизм к ортодоксальному католицизму.

Теософское общество, одним из основателей которого (1875 год) был полковник Олькотт, энергично действовало как в Индии, так и вне ее. Его деятельность, как я уже упоминал от времени до времени, сталкивалась с деятельностью Вивекананды.

Я говорю здесь лишь о трех главнейших течениях, волновавших в то время религиозное подсознание Америки, с ревивализмом (религией "пробуждений"), который восхвалял отдавание себя во власть подсознательным силам, пока Майерс не создал (между 1886-м и 1905 годом) своей научно-спиритической теории совести и сублиминальной жизни.

Кратер во время извержения. Грязь и пламя.

Рядом с умершим Уитменом был еще другой, столь же великий, имевший не меньше черт сходства с духом Индии: Эдгар По. Его "Eureka", изданная в 1848 году, обнаруживает мысль, близкую к мысли Упанишад. Некоторые, как, например, Уолдо Франк, полагают, что в своих путешествиях (почти несомненно, что в ранней молодости он посетил Россию) Эдгар По познакомился с индийской мистикой. Но "Eureka" не имела никакого влияния на современную мысль. И хотя Уитмен одно время сотрудничал с По (в "Broadway Journal" и в "Democratic Review"), он, несомненно, никогда не был близок с По, никогда не проникался его мыслью, даже чувствовал к нему инстинктивную антипатию, и должен был сделать усилие, чтобы во имя справедливости, уже впоследствии, признать его значение (в 1875 году, 56 лет от роду, он отправился в Балтимору на открытие памятника По). При жизни По был совершенно одинок.

После каждой речи там читали слова из великой Библии человечества: "Вот слова Конфуция, Гаутамы Будды, Иисуса Христа, Корана, Исаии, Иоанна, Зенд-Авесты, Платона..."

В этой похоронной речи Ингерсоль прославляет поэта, который пел великолепный "Псалом жизни" и песни благодарности "Матери за ее поцелуй и ее объятие" — для Ингерсоля.

"Мать" здесь — Природа. В поэмах Уитмена, где она присутствует постоянно, это иногда Природа, "великая, безмолвная, дикая, все приемлющая Мать", иногда Америка, "страшная Мать, великая Мать, Мать, дети которой все равны". Но какова бы ни была мощная сущность, к которой применяется это слово, оно всегда обозначает представление о верховном Существо, глубокие созвучия которого приводят на память индийские учения: это видимый бог, от которого зависят все живые.

В большой "Жизни Вивекананды", изданной его учениками, весьма недостаточно отмечены некоторые из этих разговоров с Ингерсолем, причем просто говорится, что Вивекананда вращался в кругах наиболее свободомыслящих и передовых американцев. Ингерсоль во время одного спора дружески предупредил Вивекананду, что ему необходимо быть осторожным. "Сорок лет тому назад, — сказал он, — вы рисковали быть сожженным, а еще совсем недавно — побитым камнями".

Леон Базальгетт, Уот Уитмен, человек и его дело. 1908.

"Раушанок" не фигурирует в трех первых изданиях (1855, 1856, 1860–1861), оно появляется лишь в четвертом, где оказывается во главе тома.

Зато в первом издании "Листьев травы", как на это обратил мое внимание Люсьен Прайс, "Песнь о самом себе" открывала первую страницу, в своей первоначальной форме, более краткой, более обнаженной, более мужественной, она производила захватывающее впечатление, все существенное, все героическое в великой миссии было в ней сосредоточено и сверкало как молния (ср. William Sloane Kennedy, *The Fight of a Book in the World*).

William Sleane Kennedy, *The Fight of a Book in the World*, стр. 140–171. Он думал об этом до и после написания поэм.

"Отправление из Пауманока", "Песнь о самом себе", "Calamus", "На Бруклинском пароме", "Песнь Радостей", "Обломки на берегу моря", "Удары барабана", "Мысль о времени" и др.

Слово принимает два значения, не совсем одинаковых: первое — наиболее постоянное: непосредственное восприятие Единства; второе — неизменность я в течение вечного путешествия с его превращениями. Мне кажется, что это второе значение начинает преобладать в годы болезни и старости.

Если бы здесь имелось в виду дать полное исследование об Уитмене, было бы необходимо отметить эволюцию, происшедшую в его мысли, — причем не изменилось ее единство по существу, — под влиянием жизненных испытаний, от которых он страдал гораздо больше, чем хотел признать его показной оптимизм (ср. в сборнике "Шепчет Божественная Смерть" — "Часы подавленности"). Тогда непобедимая надежда, недостаточно питаемая жизнью, переносится на смерть. Тогда жизнь "ведомая" дополняется жизнью "неведомой". Тогда "день" должен заимствовать новый блеск от "не-дня" (ср. "Мысли о времени", "Вечер в прериях"). И слух его открывается другой "музыке", которой его "неведение" не слышало. Наконец, мертвые более живы, чем живущие, "может быть, единственно живые", единственно реальные ("Мечтатель и колеблющийся").

"Я не думаю, чтобы Жизнь позаботилась обо всем... Но я думаю, что Божественная Смерть позаботится обо всем" ("Уверенности").

"Я считал, что нет ничего великолепнее дня, до того мгновения, когда увидел, что таит в себе не-день... О! Сейчас я вижу, что жизнь не может мне дать всего, как и день, — я вижу, что я должен ждать, что даст смерть" ("Вечер в прериях").

Но основа веры: "тождество", единственно существующая вечность, не изменяется.

Cp. Bucke, Walt Whitman.

Раз или два он упоминает майю ("Calamus", "Основание всякой метафизики"), аватар ("Прощальные песни"), нирвану ("Часы моих семидесяти лет: Сумерки"), но так, как это сделал бы человек необразованный: "мгла, нирвана, покой и ночь, забвеньё".

"Дорога в Индию", заглавие которой имеет символический смысл, весьма далекий от того, чего можно было бы ждать, не дает никаких более точных представлений о мысли Индии, чем следующий убогий стих:

"Древний и таинственный Брама, бесконечно далекий; юный и нежный Будда..."

Еще более убого то, что он говорит об индусе и Индии в "Приветствии миру".

Единственное стихотворение, навеянное, по-видимому, азиатским источником, это — в последнем сборнике, написанном уже в семидесятидвухлетнем возрасте, "Прощай, моя фантазия" (1891) — "Персидский урок", где он выводит суфия. Но не нужно было ездить в Персию, чтоб слышать эти весьма избитые истины.

В небольшой речи 31 мая 1889 года престарелый Уитмен говорит еще: "Следуя импульсу разума, — ибо я, по крайней мере наполовину, квакерского рода..."

Песнь радостей.

Ср. у Базальгетта, *op. cit.*, стр. 190 и след., резюме дискуссий о влиянии Эмерсона перед появлением "Листьев травы". Уитмен в 1887 году отрицал, что он до 1855 года читал Эмерсона. Но в 1856 году он великодушно писал Эмерсону, что последний был Колумбом того "Нового континента" души, вдохновенным исследователем которого он явился: "Это вы открыли эти берега". Одно не исключает другого. Можно сказать, что это открытие было для Эмерсона, как для Колумба, продуманным исследованием нового мира, к которому в сущности давно причалили норманнские корабли, но, как маленький Уитмен, он не заботился определить его место на карте.

Volubilis (вьюнок) у моего окна удовлетворяет меня больше, чем метафизика книг ("Песнь о самом себе").

Или прекрасное стихотворение из "Calamus": "О страшном недоверии к внешним признакам". В этом "страшном недоверии", когда все колеблется, когда никакая мысль, никакое рассуждение не приносит ни малейшей помощи, ничего не доказывает, простое прикосновение руки друга дает ему абсолютную уверенность:

"Тот, кто держит мою руку, вполне удовлетворил меня".

Ср. Базальгетт, *op. cit.*, стр. 177. Воспоминания мисс Эллен Прайс (цитируемые Бэком: "Whitman", стр. 26–31) свидетельствуют, в какой экстаз он впадал, создавая некоторые свои стихотворения.

Реальное тело не может умереть. Всякое реальное тело переходит в соответствующие сферы, унося опыт, который оно приобрело от самого момента рождения до момента смерти ("Отправление из Пауманока").

"Переход души, не только жизнь,
Смерть, много смертей, я воспеваю..."

("Обломки на берегу")

"Песнь о самом себе" разворачивает великолепную панораму "с вершины вершин лестницы", — "очень далеко в глубине, огромное первоначальное Небытие", затем путь "я", "циклы годов", которые несут его "с одного берега на другой, гребя, гребя, как веселые лодочники" с уверенностью, что, что бы ни случилось, цель будет достигнута.

"...И что я приду к моим целям сегодня, или через сто тысяч лет, или через десять миллионов лет".

В поэме "Мысль о времени":

"Что-то, что уже давно готовилось, безликое,
пришло и оформилось в вас.
Пусть, кто хочет, уходит или приходит, вы отныне под
защитой
Закона движения вперед, или метаморфозы нельзя
избежать".

"Песнь осторожности" (в "Осенних ручьях") устанавливает, согласно закону индусских Карм, что "всякое движение влияет на будущие рождения", но Уитмен неудачно применяет здесь выражение из делового языка: "помещение капитала на будущее" ("Единственно хорошие помещения капитала — это милосердие и личная сила").

Самая, может быть, захватывающая из этих песен, "Лица" (в сборнике "От полудня к звездной ночи") рассматривает самые отвратительные лица как "намордники", надетые на время, и которые, будучи сняты позже, петля за петлей, откроют прекрасный лик:

"Вы думаете, что они меня удовлетворили бы, если бы я считал их самоцелью?"

"...Я вернусь (посмотреть на них) через двадцать или сорок веков".

Незадолго до смерти, наконец, он сказал: "Сейчас я вновь приемлю одно из моих многочисленных странствий, я поднимаюсь по ступеням моих аватаров, в то время как меня без сомнения ожидают и другие" ("Прости" в "Прощальных песнях").

"Я, которое есмь я сам... Я верю в тебя, моя душа, другой, который есмь я, не должен склониться перед тобою, и ты не должна склониться перед другим..." ("Песнь о самом себе").

Его преданный друг О'Коннор говорил о нем: "Человек, который разорвал личины и иллюзии и вернул самым обыкновенным вещам их божественное значение" (ср. Бэк, Walt Whitman, стр. 124–125, и Базальгетт, указ. соч., стр. 258).

"Посвящения". Разве это не звучит как ведический гимн?

"Перелетные птицы".

Я не презираю вас, жрецы всех времен на всей земле.
Моя вера — самая большая и самая малая из вер,
Она обнимает все культы, древние и новые, и остальные,
Какие были между древними и новыми...
Пребывайте в мире, скептики, мрачно отчаявшиеся,
Среди вас я найду место, как и среди всяких других...

("Песнь о самом себе")

"Я думаю, что материализм истинен и что спиритуализм истинен..."

("С предшественниками" в "Перелетных птицах")

В том же сборнике он поднимает тот же протест, что и Рамакришна, против всяких попыток основать на нем лишнюю теорию или школу:

"Я заклинаю, чтоб на мне не строили ни теории, ни школы,
Я заклинаю вас оставить все свободным, как я сам оставлял
все свободным!"

("Я сам и мои близкие")

Наконец, как Рамакришна и Вивекананда, он высказывает абсолютный отказ от участия в политике, он проявляет отвращение к каждому социальному акту, действующему внешними способами (ср. Базальгетт, указ, соч., стр. 425, и беседу с Г. Траубелем: "С Уотом Уитменом в Кэмдене", стр. 193–216). Единственная реформа, к которой он стремился, была реформа чисто внутренняя: "Пусть всякий человек, независимо от класса и положения, культивирует и обогащает свою человечность".

В сборнике: "От полудня к звездной ночи".

"Ничто, даже Бог, не значит для кого бы то ни было больше, чем он сам... Я, любознательный ко всему, нисколько не любознателен относительно Бога...

Я не представляю себе, чтобы могло быть что-либо более чудесное, чем я сам.

Почему бы мне хотеть видеть бога лучше, чем я его вижу в свете его дня?..

Я вижу бога на лицах мужчин и женщин и на моем собственном лице, в зеркале".

("Песнь о самом себе")

"Не земля велика и не Америка велика.

Велик я, или предназначен быть великим!..

Всякая теория вселенной неизбежно приходит к одной личности,

Именно к Тебе".

("На берегу голубого Онтарио")

"Я враг покоя и делаю других такими же.
Мои слова — оружие, полное опасности, полное смерти,
Я возник из тех же элементов, что и война..."

("Удары барабана")

"Я вас считаю особенно своими, вы, страшные, угрожающие образы.

Мать, склони, склони ко мне свой лик. Я не знаю, для какой цели все эти заговоры, и войны, и преступления.

Я не знаю, удастся ли триумф, но я знаю, что через войны и преступления дело твое продолжается..."

("На берегу голубого Онтарио")

Одна из последних поэм "Непрерывности" (в сборнике "Часы моих семидесяти лет") навеяна (он сам это говорит) разговором с одним спиритом. Он питает твердую уверенность, подтвержденную много раз, в реальном возвращении мертвых в среду живых:

"Живые взирают на покойника взглядом своих зрачков,
Но есть другой живой без зрачков, который медлит, с
любопытством рассматривая покойника".

("Мысль о времени")

"Живые существа, тождества, безусловно находящиеся среди
нас в воздухе в эту минуту, хотя мы не знаем этого..."

("Отправление из Пауманока")

Он убежден в различии между "реальным телом" и "телом сброшенным": "Труп, который ты покинешь, будет лишь сброшенными останками... (Но твое) духовно-телесное я, которое вечно... безусловно сохранится". (Ср. "Тому, кто скоро умрет" в сборнике "Шепчет Божественная Смерть").

"Мое я избавляется от своего сбрасываемого тела, которое
будет сожжено, развеяно в прах или похоронено,
Мое реальное тело остается, мне несомненно, для других
сфер".

("Песнь радостей")

Ср. "Жизнь Вивекананды", написанную его учениками, т. III, стр. 199. В Лагоре, в конце 1897 года, вскоре по возвращении из Америки, Вивекананда, найдя в библиотеке одного из своих индийских друзей, Тиртхи Рама Госвами (который позднее поехал в Америку под именем Свами Рамтиртхи и который тогда был преподавателем математики в одном из колледжей Лагора), экземпляр "Листьев травы", попросил его на время, чтобы прочесть или перечесть (трудно сказать, что именно, по тексту биографии, которая добавляет: "Он имел обыкновение называть Уитмена саньяси Америки", причем остается неизвестным, составил ли он это суждение после или еще до этого дня).

"Кортеж на Бродвее" (A Broadway Pageant).

Ты, Мать, с твоими равными детьми" (Thou Mother with Thy Equal Brood).

"Я пою себя, одиночную, единичную личность.

И все же произнеси Демократическое слово, слово "Массою".

Это — первое слово "Посвящений", во главе книги

И мое (мое слово), слово современного века, слово "Массою".

Слово, означающее веру, которая никогда не обманывает..."

("Песнь о самом себе")

"О эти темы равенства, о божественная середина..."

("Отправление из Пауманока")

Он возвещает в будущем "Свободу и божественную середину".
("Пробегая эти дни мира" в сборнике "От полудня к звездной ночи").

И его последнее слово — его поэма "Прощай, моя фантазия!" — провозглашает слова:

"Я пою обыкновенную массу, вселенскую армию средних".

"Жизнь Вивекананды", гл. LXXVII. Письмо, написанное в начале его пребывания в Америке, до Парламента религий. Впоследствии он переводит на бенгали "Подражание Христу" и пишет к нему предисловие.

В Лондоне, в 1895 году.

Позднее его глаза открылись. При втором путешествии в Америку он сорвал маску: он увидел социальные пороки, гордость расы, верований, цвета кожи. Это подавляло его. Он, который сказал в своей прекрасной речи 19 сентября 1893 года в Парламенте религий: "О, Колумбия, приветствую тебя, мать свободы. Тебе было дано никогда не обогреть рук в крови своего соседа..." — он испытывал раздраженное разочарование, обнаруживая пожирающий империализм доллара. Мисс Мак-Леод (которая мне об этом рассказала) он говорил:

— Значит, и Америка тоже... Значит, не она, а Китай или Россия выполняют эту миссию... (Он подразумевал осуществление двойной, объединенной миссии Запада и Востока.)

Цитированное письмо (1894 или 1895 года).

С первого своего путешествия он распорядился послать часть денег, полученных им за лекции, учреждению для вдов-индусок в Бараногоре. В его уме очень быстро создался план привезти в Индию западных воспитательниц, которые посвятили бы себя формированию в умственном отношении нового поколения индусских женщин.

"В отношении духовности американцы значительно ниже нас. Но их общество значительно выше нашего" (Письмо к ученикам в Мадрас).

В июне 1895 года, в Парке Тысячи островов, на реке св. Лаврентия, он, впервые в Америке, открыл группе самых избранных слушателей существование Рамакришны. А 24 февраля 1896 года, в Нью-Йорке, он закончил цикл лекций своей прекрасной речью "Мой учитель". Он все же отказывался ее напечатать; и когда, после его возвращения в Индию, по этому поводу выражали удивление, он отвечал с пламенным смирением:

"Я не позволил этого, потому что я совершил несправедливость по отношению к моему учителю. Мой учитель никогда-никогда не осуждал. Я же, когда говорил о нем, осудил американцев за культ доллара. В этот день я получил урок — я понял, что еще недостойн говорить о нем" (Воспоминания одного из учеников, напечатанные в "Vedanta Kesari" в январе-феврале 1923 года).

У меня в руках был один проспект рекламы, где Вивекананда изображается перед праздною аудиторией как "Один из гигантов трибуны" (One of the Giants of the Platform). Портрет его помещен в рамке из четырех надписей, объявляющих на весь мир, что он: "An Orator by Divine Right; — A Model Representative of his Race; — A Perfect Master of the English Language; — The Sensation of the World's Fair Parliament".

"Announcement" перечисляет все его моральные и физические достоинства, особенно физические, его манеру держаться, рост, цвет волос и одежды, — с отзывами тех, кто его видел, слышал, имел с ним дело; так можно рекламировать слона или какое-нибудь патентованное средство.

С тех пор он путешествовал один из города в город по приглашению того или иного общества, читая по двенадцати или даже четырнадцать лекций в неделю. В течение года он посетил все важнейшие города атлантического побережья до самого Миссисипи.

Sister Christine (скончавшаяся в марте 1930 года) любезно разрешила нам ознакомиться с "Неизданными воспоминаниями", которые ее индийские друзья в последнее время убедили ее написать. Мы почтительно благодарим ее за это.

Sister Christine, Неизданные воспоминания.

Параллельно он читал в Этической ассоциации в Бруклине другой ряд публичных лекций об индусской религии. Получаемый гонорар шел на уплату расходов по частным курсам.

Индия никогда не была монополистом этой внутренней дисциплины. Великие христианские мистики Запада знали и практиковали ее. Вивекананде это было известно, и он часто приводил их в качестве примера. Но одна только Индия сделала из этой практики точную науку, покоящуюся на целых веках экспериментирования и открытую для всех вне всяческой церкви.

Ср. в позднейших изданиях моей "Жизни Толстого" дополнительную главу: "Ответ Азии Толстому": "Толстой читал Раджайогу Вивекананды, в нью-йоркском издании 1896 года, так же как и труд, посвященный Вивеканандой Рамакришне в посмертном издании 1905 года, Мадрас".

Об этом важном периоде Парка Тысячи островов Неизданные воспоминания Sister Christine дают сведения первостепенного значения.

Абхайянанде (осень 1895 года).

В начале его путешествий по Индии, в 1890 году, под бананом, на берегу ручья, он впал в экстаз, в котором ему в одном атоме открылась вся вселенная.

Им непрестанно вновь овладевало пламенное устремление к жизни на свободе:

"Я стремлюсь одеться в лохмотья, обрить голову и спать под деревьями, питаться выпрошенной пищей..." (январь 1895 года).

Sister Christine набросала нам не без юмора портреты этих первых американских учеников, из которых многие в изрядной мере не оправдали ожиданий. Нужно особенно отметить шумную Марию-Луизу (которая приняла имя Абхайянанды), натурализованную француженку, хорошо известную в социалистических кругах Нью-Йорка; очень сложного и беспокойного Льва Лансберга (Крипананду), русского еврея по рождению, нью-йоркского журналиста, горячего и патетического; Стеллу, прежде артистку, которая чаяла найти в Раджа-йоге источник молодости; славного старого маленького доктора Уайта со своей кроткой и скромной Антигоной, мисс Рут Эллис. Оба они жаждали духовности. Затем ученики и друзья, наиболее близкие: мисс С. Е. Уолдо из Бруклина (позднее Sister Haridasi), которая сохранила нам в своей записи первые циклы лекций Вивекананды и которой он разрешил (весной 1896 года) учить теории и практике раджа-йоги; м-м Оле Буль, жена знаменитого норвежского артиста, друга Андерсена, который был одним из самых щедрых жертвователей на дело Вивекананды; мисс Жозефина Мак-Леод, воспоминаниям которой я многим обязан; м-р и мс-с Фрэнсис Легgett, из Нью-Йорка; профессор Райт из Гарварда, который был другом, посланным ему судьбою при первом приезде Вивекананды в Америку.

Наконец, наиболее близкая его сердцу, молчаливая Мария у ног своего Мессии — мисс Гринстайдль (Sister Christine), которая сосредоточивалась и хранила в себе дух учителя, когда он громко говорил сам с собою...

В Гринекере, на берегу Мэна, в течение нескольких дней он, казалось, точно забывая о присутствии Христины, говорил один, ища свой путь, разбирал все проблемы жизни по очереди с разных точек зрения. И когда она робко выражала свое удивление по поводу противоречий в высказанных суждениях, он говорил:

— Разве вы не видите? Я думаю вслух.

Ибо внутренняя борьба, происходившая в Вивекананде, должна была быть излита им в словах, для себя одного.

Особенно важное значение имела лекция, прочтенная им в Гарварде, о философии Веданты и последовавшие за ней прения (25 марта 1896 года).

"Пришло время для пропаганды веры. Вера Риши должна быть динамической... После того, как она сосредоточивалась целые века, ей нужно выйти за свои пределы".

Отвлеченная адвайта должна стать живой и примешать свою поэзию к повседневной жизни. Нужно, чтобы из непроходимой чащи мифологии определились возможные, конкретные моральные очертания, а из сумасшедшего йогизма — научная и практическая психология...

Я могу прибавить, что, возвратившись в Индию, он вновь слишком живо почувствовал живую красоту мифов своего народа, чтобы пожертвовать ими ради заранее составленного плана крайнего упрощения, как он был, может быть, склонен в Америке, при соприкосновении с духом Запада. Задача с этого момента заключалась в том, чтобы, ни от чего не отказываясь, все примирить в гармонии.

Все свидетельства сходятся, говоря о чрезмерном напряжении Вивеканандой своих сил, которое на этих собраниях сообщалось публике, как электрический разряд. Некоторые слушатели уходили с них изнеможенными и были вынуждены отдыхать после них несколько дней, как от нервного потрясения. (Sister Christine говорит: "Его мощь подавляла многих"). Его называли "оратор-молния". Во время последнего пребывания в Америке он читал до семнадцати лекций в неделю и вел два раза в день частный курс. И притом здесь дело шло не об отвлеченных, приготовленных заранее чтениях. Каждая мысль была страстью, каждое слово было верой, каждая речь была бурной, как поток импровизаций.

Первые симптомы диабета, от которого он умер, не дожив до сорока лет, появились в годы его юности, когда ему было лет семнадцать — восемнадцать. В Индии он также страдал от многочисленных и сильных припадков малярии. Он чуть не умер от дифтерита, заразившись во время одного из странствий. В течение своего большого двухлетнего путешествия по Индии он злоупотреблял своими силами, совершал чрезмерно долгие переходы полунагой, плохо питаясь; несколько раз он падал в обморок от истощения. Ко всему этому прибавилось переутомление в Америке.

Он проехал через Париж в августе 1895 года, перед поездкой в Лондон. Но он бросил на него лишь беглый взгляд (посетил музеи, соборы, могилу Наполеона); и его преобладающим впечатлением было, что французы — народ изумительно одаренный в художественном отношении. Он увидел вновь Францию на более продолжительное время через пять лет, пробыв там с июля по декабрь 1900 года. Мы еще к этому вернемся.

Одним из наиболее тронувших его знаков внимания было то, что после одной его лекции в конце 1894 года об идеалах индийских женщин, где он благоговейно почтил свою мать, бостонские дамы, по случаю Рождества, послали его матери письмо.

Вивекананда познакомился с Вильямом Джемсом через м-м Оле Буль. Джемс пригласил к себе молодого Свами и близко следил за его курсом раджа-йоги. Утверждают даже, что он сам занимался ею.

Ученики Вивекананды склонны думать, что их учитель оказал влияние на Вильяма Джемса. Они цитируют некоторые места из сочинений американского философа ("Прагматизм"), где он признает ведантизм наиболее логической и наиболее крайней из всех монистических систем, а Вивекананду — наиболее ярким представителем ведантических миссионеров. Но это вовсе не значит, что Джемс полностью разделял эти учения. Он был и остается лишь наблюдателем. Слабо одаренный для "религиозного опыта" (он чистосердечно в этом признается), он, однако, посвятил ему свою знаменитую книгу.* [* "Религиозный опыт, попытка описательной психологии", перев. Франка Абози, предисловие Э. Бутру, 1906. Оригинальный труд "The varieties of religious experience" вышел в Нью-Йорке, в июне 1902 года. Джемс воспроизвел там две серии лекций, прочитанные в 1901-м и 1902 году в Эдинбурге.] И нельзя сомневаться в том, что Вивекананда косвенно способствовал появлению этой книги. Но лишь в виде примера, как и многих других. Джемс цитирует его в своей главе X о мистицизме, затем раза два среди индийских мистиков (на стр. 339 французского перевода цитата из Раджа-йоги), наконец, в заключение всех проявлений мистицизма во всех странах во все времена (стр. 356–357, *Practical Vedanta* и *The Real and the Apparent Man*). Это — справедливая дань уважения.

Однако, по-видимому, Джемс не извлек всего, что было возможно, из опыта Свами, и еще менее вероятно, чтобы последний открыл ему источник своей мысли — Рамакришну (Джемс цитирует его мимоходом, на стр. 311, после маленькой книжки Макса Мюллера). Значение книги Джемса в том, что она появляется на распутье, когда в научном позитивизме XIX века, наивно уверенном в себе, мощными наскоками проделывали одну брешь за другой; Подсознательность, едва намечавшаяся Относительность, *Christian Science*, Ведантизм Вивекананды. То было время поворота западной мысли, канун

открытия новых материков. Вивекананда сыграл несомненную роль в великом нашествии. Но ему положили начало другие, тут же на Западе. И я думаю, что идея его книги о религиозном опыте была внушена В. Джемсу не столько знакомством с индийским Свами, сколько предшествовавшими исследованиями профессора Старбука из Калифорнии ("The Psychology of Religion") и рядом имеющихся в его распоряжении свидетельств религиозного опыта.

Николай Тесла был в особенности поражен в учении Вивекананды космогонической теорией Самхия и ее отношением к современным теориям и энергии. Мы еще вернемся к этому пункту.

Вивекананда встречал также в Нью-Йорке наиболее видных представителей западной науки: сэра Вильяма Томсона (позднее лорда Кельвина) и профессора Гельмгольца. Но это были европейцы, которых лишь случайно привел в Америку электротехнический конгресс.

Он говорил также с оттенком иронии:

"Я начинаю, мне кажется, видеть божественное начало в высокомерных англо-индийцах. Я приближаюсь к состоянию, в котором я любил бы дьявола, если б он существовал" (6 июля 1896 года).

Я соединяю в этой цитате выдержки из письма 1896 года и из знаменитой речи в Калькутте.

Сэру Фрэнсису Леггетту, 6 июля 1896 года.

"Standart London Daily Chronicle" (ср. также интервью, помещенное в "Westminster Gazette").

Пять уроков в, неделю, затем по пятницам вечером часы свободного обсуждения.

В статье "Nineteenth Century" — "Рамакришна, истинный махатма".

Вивекананда просил Сарадананду собрать записанные беседы Рамакришны.

Парамахамса — имя, которым всегда обозначается Рамакришна.

Полный энтузиазма, он пишет сразу же, 6 июня 1896 года, для своей индийской газеты "Brahmavadin":

"Мне бы хотелось иметь хоть сотую часть его любви к Индии... Биения его сердца уловили ритм Упанишад... Целые полвека он живет этой мыслью. Его душа окрашена ею... Он проникся истинным мелодическим веянием Веданты... Один ювелир может знать достоинство драгоценностей..."

139

2 июня 1898 года.

Но, по-видимому, полная любви Ниведита не сохранила памяти об этой суровости, от которой страдала до тоски. Она сохранила лишь образ кротости. Мисс Мак-Леод передавала нам:

— Я говорила Ниведите: "Он был весь — энергия". Она мне отвечала: "Он был весь — нежность". "Но, — возражала я, — я никогда этого не чувствовала" — "Потому что это было не для вас. Он был для каждого таков, какова была его личная природа и его путь к божественному".

Она задушевно передает воспоминание о их первой встрече:

"Это было однажды... в прохладный воскресный вечер, в ноябре, в одной из гостиных Вест-Энда... Он сидел перед полукругом слушателей. Позади него — огонь в очаге. Спускалась ночь... Он отвечал с простотою, он нес вести из далекой страны. Его взгляд был полон кротости и гордости... (Ниведита сравнивала этот взгляд со взглядом Bambino Сикстинской Мадонны.) От времени до времени он произносил: "Шива... Шива..." Он пел санскритские стихи..." И Ниведита, слушая его, думала о прекрасных грегорианских напевах.

В конце января 1898 года.

Вместе с мс-с Генриеттой. Мюллер.

"Notes of the Wanderings with the Swami Vivekananda" by Sister Nivedita of Ramakrishna Vivekananda, Калькутта, Udbodhan Office.

Главный труд, посвященный Ниведитой своему учителю, это: "The Master as I saw him, being pages from the Life of Swami Vivekananda, by his Disciple Nivedita", Longmans, Green & Co, Лондон и Нью-Йорк, 1910. Ниведита написала много работ, чтоб ознакомить Запад с религиозной мыслью, мифами, легендами и социальной жизнью Индии. Многие из них получили заслуженную известность: "The Web of Indian Life", "Kâli the Mother", "Cradle Tales of Hindouism" (очаровательная индусская мифология в поэтической и популярной форме), "Myths of the Indo-Aryan Race" и т. д. В первой тетради "Feuilles de l'Inde" (L'Inde et son âme, 1928, С. А. Högman, Boul. sur Seine) можно найти ряд удачных выдержек из книг Ниведиты и ее краткий биографический очерк. Верная ученица Вивекананды умерла в Индии через девять лет после смерти своего учителя, в октябре 1911 года.

Мисс Маделена Слэд.

Однако Сарадананда, которого он вызвал в Лондон (апрель 1896 года) и послал в Америку, был солидным философским умом, который мог бы стоять на равной ноге с европейскими метафизиками. Абхедананда, сменивший его в Лондоне (октябрь 1896 года), был также принят очень хорошо.

Из Люцерна.

Ибо он разделял по отношению к деньгам физическое отвращение, которое проявлял Рамакришна.

Ср. письмо от 6 июля 1896 года сэру Фрэнсису Леггетту, которое кончается порывом восторженной радости:

"Я благословляю день, когда я родился... Мой Возлюбленный — мой товарищ по играм. Во вселенной нет ни ритма, ни разума. Радостный! Он играет и в слезы и в смех, играет все роли пьесы. А! Развлечения мира!.. Стая выпущенных на волю школьников, веселое товарищество играющих, которые братаются между собой!.. Кого хвалить?.. Кого бранить?.. У него нет разума. У него нет мозга, и он обманывает нас, с этим малым разумом и малым мозгом. Но на этот раз он меня не поймает!.. Я знаю пароль игры: по ту сторону разума и науки и всяческих слов есть Любовь, есть Возлюбленный... Наполним чашу, и мы будем безумны!.."

Ср. притчу Рамакришны, цитированную в первой части.

В Женеве, Монтре, Шильоне, Шамуни, Сен-Бернаре, Люцерне, Риги, Церматте, Шаффгаузене.

Он утверждал также, что находит в крестьянской жизни Швейцарии, в обычаях и костюмах сходство с горцами северной Индии.

1927 год. Согласно воспоминаниям г-на Севье и замечаниям, собранным в большой "Жизни Вивекананды".

Лекция, прочитанная в Бомбее 25 февраля 1893 года, в индийском отделении Royal Atlantic Society. Он напомнил эти слова Вивекананде.

Севье рассказывает, что Дейссен нашел Вивекананду в Гамбурге, что они вместе совершили путешествие через Голландию, провели три дня в Амстердаме, затем отправились в Лондон, где в течение двух недель ежедневно беседовали. В то же время Вивекананда вновь встречал в Оксфорде Макса Мюллера. "Таким образом три великих ума беседовали вместе".

Нужно заметить, что последняя лекция, заключительное слово, посвящено адвайта веданте (10 декабря 1896 года), его заветной идее.

"Я отрекся от железного ярма, от семейных уз; я не хочу надевать золотой цепи религиозного братства, я свободен, я должен всегда быть свободен. Я хочу, чтоб весь мир был тоже свободен, как воздух. Я же сыграл свою роль в мире, я удаляюсь..."

Это было написано 23 августа 1896 года в Люцерне, в момент, когда его вырвали из вихря деятельности и он остался без дыхания, готовый упасть. Воздух Швейцарии еще не укрепил его.

Все напоминает ему Индию: тонзура священников, крестное знамение, ладан, музыка. В Таинстве причастия он видит видоизмененный ведический прасада — предложение богам трапезы, которая затем съедается.

Он находится в Риме во время празднования Рождества и принимает в нем участие. Накануне, в Santa Maria d'Ara Coeli, он видел наивное поклонение, оказываемое детьми Bambino.

Нельзя сказать, чтобы Вивекананда был уверен в его исторической реальности в большей мере, чем в существовании Кришны. Один очень странный сон, приснившийся ему на пароходе в последнюю ночь года, может быть, заинтересует современных ниспровергателей исторического Христа. Ему явился старик: "Обрати внимание на это место, — сказал он. — Это земля, где началось христианство. Я — один из ессенианских врачей, живших здесь. Истины и идеалы, которые проповедовались нами, были выданы за учение Иисуса. Но личность, названная Иисусом, никогда не существовала. Различные доказательства, которые подтверждают этот факт, будут извлечены на свет, когда начнут копать здесь". В этот момент (была полночь) Вивекананда, проснувшись, спросил у одного из матросов, где находится судно: ответ был, что пароход проходит в пятидесяти милях от острова Крита. Никогда до этого дня он не думал об историческом существовании Иисуса. Но для ума такой религиозной силы, какую обладал его ум, историческая реальность Бога была наименьшей из реальностей. Бог, который является плодом души целого народа, реальнее, чем тот, который является плодом чрева Девы. Еще вернее, он является огненным семенем, исходящим от Божественного.

Двумя годами позднее, в 1899 году, у него бывали еще приступы отчаяния, потому что весь его успех, вся его слава не могли дать ему трех миллионов рупий, необходимых для осуществления его мечты о материальном возрождении Индии. Но он узнал к этому времени, что нам никогда не суждено видеть успех:

"Никакого отдыха! Я умру под ярмом. Жизнь — это битва. Пусть же я и проживу и умру, сражаясь!"

"Ни к чему, что я пишу или говорю, не нужно присоединять какого-либо политического толкования. Какая нелепость!" (сентябрь 1894 года).

"Я не хочу иметь никакого дела с политическими глупостями, я не верю ни в какую политику. Бог и Истина — единственная политика на свете. Все прочее — ничто" (9 сентября 1895 года).

Его предшественник Кешаб Чандер Сен установил ту же демаркационную линию между политикой и своей деятельностью. "Он готов был присоединиться ко всякому общественному движению, которое не имело политического характера, но целью которого было улучшение участи индийского народа" (статья, напечатанная в "Hindu Patriot" по случаю его смерти, в 1884 году).

Через Коломбо, Канди, Анарадапуру, Джафну, южную Индию, Памбан, Ремесварам, Рамнад, Мадуру, Трихинополис — где простой народ сотнями ложился посреди пути на рельсы железной дороги, чтобы остановить поезд и увидеть его, — Мадрас — и оттуда морем в Калькутту.

Раджа Рамнада.

Хоры Генделя (на празднествах в Рамнаде).

На другой день он накормил тысячи бедных и воздвиг памятник свободы.

К этим адресам из Индии — среди которых был адрес от крестного отца Вивекананды, магараджи Кхетри, — присоединены были адреса Англии и Америки, подписанные Вильямом Джемсом и университетскими властями Гарварда и Кембриджа. Адрес Бруклинского общества был озаглавлен: "Нашим индийским братьям из Великой Арийской семьи".

"Мой план кампании" — заглавие его первой лекции в Мадрасе.

Выдержки из лекции в Мадрасе: "Мой план кампании". Строки, напечатанные курсивом, представляют текстуальные цитаты. Остальные дают в виде сжатого резюме основные положения речи.

Выдержки из лекции в Мадрасе: "Веданта и ее приложения к жизни Индии".

Выдержки из "Веданта и ее приложение к жизни Индии".

Выдержки из "Мой план кампании".

"Веданта и ее приложение к жизни Индии".

"Мой план кампании".

Там же.

"Будущее Индии".

Не тронь меня! (лат.) — Прим. пер.

Видом развалин, причиненных войной. Он подумал: "Как могли допустить это! Если б я был там, я отдал бы жизнь, чтоб защитить Мать!" За несколько дней до этого его национальная гордость была оскорблена грубым злоупотреблением властью со стороны Англии.

В Калькутте прием был не менее грандиозен, чем в Мадрасе. Триумфальные арки, распряженный экипаж, который везли восторженные студенты среди процессии самкиртанов, с пением и плясками, княжеская резиденция в его распоряжении. 28 февраля 1897 года поднесение триумфатору в присутствии пяти тысяч зрителей адреса от города с поздравлением с благополучным прибытием. Патриотические речи Вивекананды: новое прославление силы, во имя Упанишад, отвержение всех ослабляющих учений и обрядов.

Монахи Рамакришны перешли в 1892 году из Баранагора в Алумбазар, близ Дакшинесвара, святилище Рамакришны. Некоторые из них встречали Вивекананду в Коломбо. Садананда, первый из его учеников, пересек всю Индию, чтоб первым его приветствовать.

Его братья-монахи.

Беседы об "Индийских мудрецах" (Мадрас) и о "Веданте во всех фазах" (Калькутта).

Он добавлял следующий богословский довод: "Думать о своем освобождении недостойно учеников аватара" (Божественного Воплощения, каким был в их глазах Рамакришна), ибо их освобождение обеспечено одним этим фактом. (Но подобный довод, может и действительный для слабых, уменьшил бы, с нашей точки зрения, цену акта самоотвержения.)

Слова, произнесенные Вивеканандой на церемонии посвящения четырех молодых учеников.

Мы увидим дальше, в полной драматизма сцене, какие возражения они продолжали ему делать.

Именно он, с 1894 года, потрясенный речами Вивекананды, предвосхитил дело служения, занявшись в Кхетри воспитанием народных масс.

Я лишь резюмирую их. Я подчеркнул места, представляющие наибольший интерес для западной мысли.

В ноябре 1898 года в Белуре.

Это положение вещей длилось два года. В апреле 1898 года началась постройка центрального матха ордена в Белуре, близ Калькутты. Освящение состоялось 9 декабря того же года, и окончательная организация — 2 января 1899 года. Ассоциация разделилась на два параллельных учреждения, различие которых важно отметить, ибо первое, Ramakrishna Math, является чисто монашеским установлением со своими матхами и ашрамами; его официальный устав был выработан в 1899 году: он говорит об охране и распространении вселенской религии. Второе учреждение — Ramakrishna Mission, которая имеет юридическую власть над всеми общественно полезными установлениями, филантропическими и благотворительными: она открыта для всех, для лиц светских и духовных, но стоит под началом руководителей и председателя матха. Она была официально утверждена лишь в апреле 1909 года, после смерти Вивекананды. Обе организации являются родственными, связанными, но раздельными. В следующем томе нашей книги мы посвятим главу Миссии и Матху Рамакришны и их развитию, не прекращающемуся до сих пор.

Он сам учил своих братьев; он устраивал дискуссии о Веданте. Здесь также, несмотря на свое пристрастие как ученого к древним учениям, он проявлял свой широкий ум; он считал разделение между арийцами и язычниками результатом невежества. Он любил говорить, что люди вроде Макса Мюллера являются воплощением какого-либо древнего индийского комментатора Вед.

Вивекананда был прав, когда не позволил благочестивому эгоизму и созерцательной лени основываться на примере Рамакришны. Рамакришна сам часто боролся со своими экстатическими склонностями, мешавшими ему действительно помогать другим (см. в I ч. этого труда, стр. 174). Одной из его молитв было: "Пусть я должен буду родиться снова и снова, хотя бы в образе собаки, если я только смогу оказать хоть какую-нибудь помощь хотя бы одной душе!.."

"Я родился не для того, чтоб создавать какую-либо новую секту в этом мире, и без того полною сект". Это собственные слова Рамакришны (ср. "Жизнь Рамакришны", стр. 194).

Это будет темой его лекций в Пенджабе, в октябре-ноябре 1897 года.

Публичная лекция в Лагоре. Здесь не идет речь о милостыне в европейском смысле: "Возьми и иди прочь!.." Неправильное понятие, вредное для того, кто дает, как и для того, кто получает!.. Вивекананда ее отвергает. В религии Служения, как он ее понимает, "получающий выше, чем дающий: ибо тот, кто получает, в этот момент, в этом акте, является Богом".

Я напоминаю читателю, который, может быть, забыл объяснения в первой части, что джнана и бхакти представляют два пути для достижения Бога: первый — разумом, второй — сердцем.

Третий путь — действием.

Мукти, или мокса, — "освобождение".

"Жизнь Вивекананды", т. III, стр. 158.

"Я рожден был для жизни ученого, уединенной, мирной, склоненной над книгами. Но Мать решила иначе. Тем не менее желание остается..." (3 июня 1897 года, Альмора).

У него бывают часы интенсивного религиозного видения, "когда работа кажется ему лишь иллюзией" (октябрь 1898 года).

Однажды, с раздражением споря с одним из своих монахов, Вирадхнандой, чтобы оторвать его от размышлений и принудить к полезной деятельности, он сказал:

"Чего ради нужно вам размышлять, предаваться медитации целыми часами? Достаточно, если вы можете сосредоточить свой ум на пять минут, даже на одну минуту в день. Остальное же время вы должны работать для общего блага".

Вирадхнанда не сдается и удаляется в молчании. Вивекананда, оставшись один на один с другим монахом, говорит, что он слишком хорошо его понимает. "Дни, когда он был странствующим монахом, остались для него самыми счастливыми в его жизни. Он отдал бы все, чтоб вернуть их, освободившись от общественной деятельности" (13 января 1901 года).

Уже незадолго до своей смерти Вивекананда, беседуя с одним из учеников, Саратчандрой Чакраварти, рассказал ему об этой таинственной перемене, которая произошла с ним за три или четыре дня до смерти Рамакришны.

"Рамакришна позвал меня одного, приказал мне сесть перед собой, посмотрел мне в глаза и впал в самадхи (экстаз). Тогда я ощутил мощный поток неведомой силы, как бы электрические толчки. Мое тело было пронизано ими. Я потерял сознание. На сколько времени? Я не знаю... Когда я пришел в себя, я увидел Учителя в слезах. Он сказал мне с бесконечной нежностью: "О, мой Нарен! Я теперь уже лишь бедный факир, я все отдал тебе. Силой этого дара ты свершишь великие дела здесь в мире; только после этого тебе позволено будет возвратиться..." Мне кажется, что именно эта Сила уносит меня в своем вихре и заставляет меня работать, работать..."

"Я считал бы за великое счастье, если бы, для блага моей страны, я должен был сойти в ад" (октябрь 1897 года).

"Саньяси принимает два обета: 1) осуществлять истину; 2) помогать миру. Прежде всего, пусть он отречется от всякой мысли о небе" (к Ниведите, июль 1899 года).

По индийским понятиям небо — ниже, чем соединение в Брахмане. С неба возвращаются в круг существования.

"Народ диспептиков, предающийся фиглярству под аккомпанемент тамбуринов и распеваящий киртаны на sentimentalный лад... Я хотел бы поднять их энергию хотя бы воинственной музыкой и изгнать все то, что возбуждает изнеживающие чувства..." (Беседа с Саратчандрой, 1901 года).

В Пенджабе, стране воинственных душ, он поощряет Бхакти, которую осуждает в Бенгалии. Он доходит до того, что в Лагоре мечтает о процессиях с религиозными плясками и песнями, самкиртанами, над которыми насмехается в Калькутте. Ибо "эта страна Пяти рек (Пенджаб) духовно суха" и нужно ее поливать (ноябрь 1897 года).

Набрасывая своим монахам, перед вторым путешествием на Запад, свой идеал религиозной жизни, он говорит им:

"Вы должны пытаться соединить в вашей жизни великий идеализм с великим практическим смыслом. Вы должны быть всегда готовы спуститься в глубины размышления и тотчас вслед за этим — возделывать поля — разьяснять сложности мысли Шаstra — и идти продавать на рынок плоды вашей земли. Цель монастыря — создавать людей. Настоящий человек — тот, который силен, как сила, и в то же время обладает сердцем женщины..." (июнь 1899 года).

Беседуя со своими монахами из Белура, он скажет им однажды (в 1899 году):

"При столкновении между вашим рассудком и сердцем следуйте сердцу".

По-французски "libertin" означает и "свободомыслящий" и "развратный". — Прим. перев.

"Жизнь Вивекананды", III, 165.

Низшая каста.

На самом деле ему оставалось пять. Ему предстояло умереть в июле 1902 года.

Ср. "Жизнь Вивекананды", III, 178. Здесь выражено удивительное исповедание веры, которое я частично уже цитировал выше и к которому я вернусь при окончательном рассмотрении учения Вивекананды.

Пятнадцать арпанов земли на другом берегу Ганга, против древнего строения Баранагора, в окрестностях Калькутты. Покупка относилась к первым месяцам 1898 года, начало постройки — к апрелю, под руководством архитектора, впоследствии Свами Виджнананды.

"Прабуддха Бхарата", существовавший ранее, был упразднен вследствие смерти молодого руководителя. Он был восстановлен Севье и перенесен из Мадраса в Альмору, под руководством одного замечательного человека, удалившегося от мира, которого сблизило с Вивеканандой общее стремление к благу народа и которого Вивекананда причислил к своему Ордену всего лишь после нескольких дней подготовки под именем Свами Сарупананды. В религиозной индусской литературе он был учителем мисс Нобль (Ниведиты). Впоследствии он стал председателем Адвайты Ашрам.

В начале 1899 года был основан другой ежемесячный журнал — "Удбодхан", под руководством Свами Трагунатиты. Программой его было — никогда не осуждать чьей-либо веры, излагать в наиболее общедоступной форме учение Вед, чтобы оно могло быть доступно всем, отводить большое место вопросам гигиены и воспитания, физического, умственного и духовного, и совершенствования расы, чтобы выразить идеалы нравственной чистоты, взаимопомощи и всеобщей гармонии.

Для первого из этих журналов Вивекананда дал в августе 1898 года свою прекрасную поэму "Пробуждение Индии", которая является подлинным манифестом деятельной силы и реалистической веры:

"...Пробудись, восстань, перестань грезить!
Эта страна — страна грез, где Карма
Ткет из наших мыслей хрупкие гирлянды *

[* Unthreaded — буквально "без нити, их удерживающей".]

Цветов душистых и вредоносных. И ни один из них
Не имеет ни корня, ни стебля, будучи рожден из Ничего.
И самое слабое дыхание Истины относит его
В первоначальную пустоту... Смелее! Стань лицом к лицу
С Истиной! Будь единым с ней! Пусть прекратятся видения,
А если это тебе недоступно, пусть тебе грезятся лишь

более реальные грезы,
Вечная Любовь и свободное Служение!.."

(Ср. "Сочинения Вивекананды", IV, 322. Мы цитируем здесь лишь последнюю строфу.)

Мисс Мак-Леод, воспоминания которой я, с ее любезного согласия, использовал, знала Вивекананду в течение семи лет, и он по месяцам жил под ее кровом. Но, очень привязанная к нему, она никогда не жертвовала своей независимостью. И он вполне допускал это. Он предоставлял полную свободу тем, кто не передавал свободно свою волю в его руки. Она оставалась поэтому другом и вольной помощницей, не посвященной ученицей, как Ниведита. Она рассказывала мне, что, прежде чем последовать за Свами в Индию, она испросила его согласие на это. Он ответил следующим повелительным наставлением (которое я записал по памяти):

"Идите, если вы хотите видеть бедность, унижение, грязь, людей в лохмотьях, говорящих о Боге! Но, если вы ищете чего-либо другого, не приходите! Ибо нам не под силу переносить еще лишнюю критику!"

Она строго следовала этому предписанию, вызванному болезненной любовью Вивекананды к своему униженному народу, оскорбления которого больно ощущала его раненая гордость. Однако раз ей случилось сделать одно насмешливое замечание по адресу какого-то брамина несколько странной наружности, встреченного ими в Гималаях. Вивекананда "обернулся, как лев" и, испепеляя ее взглядом, закричал:

"Руки прочь! Кто вы такая? Что вы-то сами сделали?"

Она, растерявшись, молчала. Позднее она узнала, что этот брамин, сам очень бедный, был одним из тех, кто, прося милостыню, собрал сумму, необходимую для путешествия Вивекананды на Запад. И она узнала, что истинная сущность людей определяется не тем, чем они кажутся, а тем, что они делают.

"Что я могу сделать, чтобы помочь вам?" — спросила она его по прибытии. — "Любить Индию!"

В этом никак не следует видеть духа мелочного шовинизма и враждебности к Западу. Когда, в 1900 году, он отправил в Калифорнию Свами Турьянанду, он сказал ему: "С этого дня уничтожьте в себе даже всякую память об Индии!" Чтобы глубоко воздействовать на какой-либо народ и приносить ему истинное добро, необходимо слиться с этим народом и забыть себя в нем: это принцип, который Вивекананда внушает своим ученикам.

Она рассказала об этом путешествии в Беседах Вивекананды, в своих "Notes of some Wanderings with the Swami Vivekananda". Я обязан также воспоминаниями мисс Мак-Леод, участвовавшей в путешествии, несколькими драгоценными заметками, в особенности о нравственной дисциплине, которой Вивекананда подвергал Ниведиту. Он нисколько не щадил ее инстинктивной лояльности по отношению к своему народу, привычек и моментов отвращения, свойственных западному духу; он на всякие лады унижал ее характер англичанки, гордой и рассудительной. Возможно, что он при этом хотел защитить себя и защитить ее от страстного преклонения, которое она к нему проявляла; и хотя чувство к нему Ниведиты было всегда абсолютно чисто, он, может быть, провидел опасность. Он безжалостно обрывал ее и систематически находил плохим все, что она делала. Он уничтожал ее. Она возвращалась подавленная, в слезах, к своим подругам, которые указали Вивекананде на его чрезмерную строгость. С тех пор он смягчился, и свет вернулся в душу Ниведиты. Она тем в большей мере почувствовала цену доверия учителя и счастье подчиняться закону его мысли.

Полное собрание сочинений Вивекананды, IV, 319.

Даже нежному Рамакришне было знакомо грозное лицо Матери. Но он больше любил созерцать ее улыбку и ее прекрасные волосы.

"Однажды, — рассказывает Сиванат Састри, один из основателей и руководителей Садхаран Брахмо-Самаджа, — в моем присутствии принялись обсуждать атрибуты Бога, споря о том, насколько они отвечают запросам разума. Рамакришна остановил их, говоря: "Довольно! Довольно! чего ради спорить о том, разумны или нет атрибуты Божества?.. Вы говорите, что бог добр: разве вы можете убедить меня в его благодати рассуждениями? Смотрите на это наводнение, только что погубившее миллионы! Как вы мне докажете, что так повелел благодетельный Бог? Вы мне ответите, может быть, что это наводнение смыло несчастные дела и удобрело почву... Но разве благий Бог не мог совершить все это, не поглощая тысяч мужчин, женщин и невинных детей?" На это один из собеседников возразил: "Значит, мы должны считать, что Бог жесток?" "О глупец, — воскликнул Рамакришна, — кто сказал вам это? Сложите руки, скажите смиренно: "О Господь, мы слишком слабы и слишком неспособны, чтоб понять твою природу и твои действия. Соблаговоли просветить нас!.." Не рассуждайте! Любите!" ("Воспоминания о Рамакришне" Сиваната Састри).

Познание грозного бога тождественно у Рамакришны и у Вивекананды. Но отношение к нему различно. Рамакришна склоняется и целует руку божества, пожирающего его сердце. Вивекананда, с высоким челом, глядит смерти в глаза; и мрачная радость действия вдохновляется этим. Он спешит броситься "на острие меча".

Возможно, что нравственный удар, полученный им незадолго до этого, — смерть его верного друга Гудвина и его старого учителя Павхари Баба (июнь 1898 года) подготовили вторжение Грозной Богини.

Во время второго путешествия в Европу, на пароходе, в виду берегов Сицилии (ср. Беседы с Ниведитой в книге: "Учитель, каким я его знала").

Когда ему говорят о том, что в Индии редка преступность, он восклицает:

"Дай бог, чтоб это было иначе! Ибо это — добродетель смерти!.. Чем больше я старею, — продолжает он, — тем больше убеждаюсь, что все должно иметь основой мужество: это мое новое Евангелие". Он доходит до того, что говорит: "Делайте даже зло, но так, как подобает мужчинам! Будьте преступными, если на то пошло, но в крупном масштабе".

Нужно, конечно, остерегаться придавать этим словам (сказанным на пароходе лишь очень верным и испытанным товарищам, которых они не могли бы смутить) буквальное значение. Это лишь некоторое увлечение языка, когда кшатрия, воин духа, со страстным преувеличением реагирует на текущие пески Востока. Истинный смысл их можно было бы передать изречением, которое я читал на одном древнем итальянском девизе: "Ignavia est jacere" — самое гнусное преступление — бездействовать...

См. Разговоры, записанные Ниведитой. Из них прежде всего излучается чувство "вселенского". Он высказывает свою надежду на демократическую Америку, он восторгается Италией искусства, культуры и свободы — матерью Мадзини. Он говорит о Китае как о сокровище мира. Он братается с замученными бабидами Персии. Он обнимает в единой любви Индию индусов, магометан и буддистов. Он воодушевляется империей моголов; когда он говорит об Акбаре, на глазах у него выступают слезы. Он умеет понять и защитить даже величие Чингис-хана и его идею единства Азии. Он великолепно восхваляет Будду: "Я — служитель служителей Будды..."

Интуиция человеческого единства не останавливается у него перед искусственными границами делений на расы или народы; она заставляет его говорить, что на Западе он видел типы самых лучших индусов, а в Индии — типы лучших христиан.

Или О. М.- священное слово. Но это последнее начертание не отвечает индусскому произношению в три звука. О. М. или А. У. М.- это, по древним верованиям индусов и по определению самого Вивекананды, "основа всех звуков и символ Брахмана... Вселенная создана из этого звука". "Нада-Брахма — это, говорит он, Брахма-Сын, наиболее тонкий из всей вселенной" (Ср. *The Mantram, Om, Word, and Wisdom* — Бхакти-йога. Полное собрание сочинений Вивекананды, III, 56–58).

Он придает большое значение физическим упражнениям.

"Мне нужны саперы и шахтеры в моей религиозной армии. Упражняйте же, дети, свои мускулы! Умерщвление плоти хорошо для аскетов. Но работникам нужны стальные мускулы и хорошо развитое тело!"

Так же, как и Ниведиту.

2 июня 1899 года из Калькутты, через Мадрас, Коломбо, Аден, Неаполь, Марсель. 31 июля он был в Лондоне. 16 августа он выезжает из Глазго в Нью-Йорк. Он остается в Соединенных Штатах до 20 июля 1900 года, живя преимущественно в Калифорнии. С 1 августа по 24 октября он живет во Франции, в Париже и в Бретани. Затем через Вену, Балканы, Константинополь, Грецию, Египет он направился в Индию, куда прибыл в начале декабря 1900 года.

Он говорит также об энергии Робеспьера. Он весь полон эпопеей Европы и ее историей. Перед Гибралтаром его воображение рисует ему на пляже галопирующих мавританских лошадок и великое нашествие арабов, совершающих высадку.

Sister Christine сообщила нам недавно в своих неизданных воспоминаниях, что во время первого своего путешествия в 1895 году Вивекананда заметил трагедию Запада.

"Европа на краю вулкана. Если огонь не будет потушен потоком духовности, она взлетит на воздух".

Sister Christine передает нам и другие изумительные слова, полные пророческой интуиции:

"Два года назад (т. е. в 1896 году) он мне сказал: Грядущий переворот, который должен начать новую эру, придет из России или из Китая. Я не могу еще сказать точно, но это будет одна из этих двух стран".

И еще:

"Мир переживает третью эпоху: он — под владычеством вайшия (купец, третье сословие). Четвертой эпохой будет эпоха шудры (пролетария).

А именно: в Пасадене — о "Христе-мессии", в Лос-Анджелесе — о "Прикладной психологии", в Сан-Франциско — об "Идеале вселенской религии", о "Гите", в других городах Калифорнии — о "Миссии Будды, Христа, Кришны", о "Науках и искусствах в Индии", о "Власти разума"... К несчастью, многие из этих лекций были утрачены. Не нашлось второго Гудвина, который бы их записал.

230

Письмо к мисс Мак-Леод, 18 апреля 1900 года, Аламеда.

Ниведита вскоре после этого отправилась в Англию для переговоров о положении индусских женщин. Вивекананда, благословляя ее перед отъездом, сказал ей следующие, полные силы слова:

"Если я создал вас — погибните! Но если вас создала Мать — живите!"

Он любит говорить, что "христианство не чуждо индусскому духу".

Но он встретил в Париже Патрика Геддса и своего великого соотечественника, биолога Джагадиса Чандер Боза, талант которого он чтит и защищал против всех. Он встретил также этого странного человека — Хирама Максима,*[* Изобретатель пулемета. — Прим. перев.] чье имя связано с орудием истребления, но который стоил больше, чем его смертоубийственная слава, ненавистная ему самому. Он был большим знатоком Китая и Индии.

Его сопровождали мисс Мак-Леод, отец Гиацинт, который на Востоке хотел трудиться над сближением христиан и магометан, г-жа Луазон, Жюль Буа и г-жа Кальве. Странные спутники для саньяси, удалявшегося быстрыми шагами от мира и от жизни! Может быть, самое это отрешение делало его более снисходительным или более равнодушным.

236

В начале декабря 1900 года.

Он пишет в Майявати в промежутках между приступами удушья три очерка для "Prabuddha Bharata" (один из них о теософии, которой он никогда не любил).

По возвращении в Белур он, еще со своего рода отчаянием, выражает неудовольствие по поводу того, что нашел уже "старика водворившимся в Ашраме!.." Неужели не может быть хоть одного центра, свободного от дуализма! — И он доказывает, что такой культ даже противоречит истинной мысли Рамакришны. Именно в силу учения и желания Рамакришны Вивекананда стал адвайтистом. "Рамакришна был весь адвайта, он проповедовал адвайту. Почему же вы не соблюдаете адвайту?"

Конечно, кшатрия не утратил ничего из своей воинственной мощи. Когда он едет обратно в поезде, английский полковник грубо выражает свое отвращение по поводу того, что в его купе сидит индус, и хочет заставить его уйти. Вивекананда взвивается на дыбы. И в результате полковник вынужден уступить ему место и исчезнуть.

В марте 1901 года он прочел несколько лекций в Дакке. В Шиллонге, административном центре Ассама, он встретил одного англичанина с широким образом мыслей, главного комиссара сэра Генри Коттона, защитника интересов Индии. Эта последняя поездка по местам, где господствовал дух фанатического консерватизма, особенно отчетливо выявляет мужественную свободу его религиозных воззрений. Он напоминает этим индусским ханжам, что истинный способ видеть Бога — это видеть его в человеке, что никогда нельзя прозябать в прошлом, хотя бы оно было полно славы, что нужно совершенствоваться, становиться более великим риши... Он безжалостно обходится с просвещенными, верящими в псевдоаватаров. Он советует им лучше питаться и развивать мускулы.

Она осталась такую же, как в день его смерти: железная кровать, на которую он не ложился, предпочитая лежать на полу; письменный стол, коврик для размышлений, большое зеркало... К этому присоединился его портрет и большой, в человеческий рост, портрет Рамакришны.

242

Письмо от 19 декабря 1900 года.

"...Дождь льет потоками. Река поднимается. Я работал только что на водоотводном канале. Мой большой журавль ликует. Моя антилопа убежала. Одна из моих уток погибла. Гусь теряет перья..."

Животные обожают его. Матру, маленький козлик, который (по его утверждению) был одним из его родных в предыдущем существовании, спит в его комнате. Прежде чем доить Ганзи, он просит у нее позволения. Багха, принимающий участие в индусских обрядах, идет окунуться в воды Ганга, когда гонги и трубы возвещают конец затмения.

Колокол звонит в определенные часы. Он будит в четыре часа утра. Через полчаса после этого монахи должны собраться в часовне для размышления. Но он опережает их. Он встал с трех часов, вошел в комнату для молитвы и, сев лицом к северу, со сложенными на груди руками, размышляет в неподвижности более двух часов. Никто не встает с места, пока он не даст примера, говоря: "Шива, Шива!.." Он ходит взад и вперед, в состоянии просветленной экзальтации, которая передается окружающим... Однажды, когда он пришел неожиданно и нашел в часовне лишь двух человек, пришедших на размышление, он наложил на весь монастырь, даже на самых великих монахов, искупительный пост на целый день и обязательство нищенствовать. Он сам следит за изданиями ордена, не пропускает в них ничего, что называет "этим вздором", — преувеличенного сентиментализма или узкого сектантства, которое он не прощает пуще всего на свете.

245

Конец 1901 года.

В первое время существования монастыря правоверные из соседних деревень были скандализированы и осуждали монахов Белура. Узнав об этом, Вивекананда сказал: "Это хорошо. Это — закон природы. Так и должно быть со всяким основателем религии. Без преследования высшие идеи не могут проникнуть в сердце общества".

Мисс Мак-Леод сказала мне: "Вивекананда лично был равнодушен к ритуальным обычаям; он не подчинялся им в общественной жизни. Но он разрешал ритуал, даже на индусских трапезах, где богам приносятся их часть, и в дни памяти божественных покойников, когда им оставляют место за столом и подают им их пищу. Он говорил, что признает необходимость ритуала для слабости человека, который без этих установленных и повторяемых жестов не способен хранить память и живой след религиозного опыта. Он говорил: "Без этого у них был бы только интеллект (и он касался своего лба), только иссушенная мысль".

Но из ритуала было исключено принесение в жертву животных.

В конце 1901 года.

По рассказу мисс Мак-Леод, которой Вивекананда признался в волнении, испытанном при этой встрече.

В январе и феврале 1902 года. Они вместе посетили Бходгайю, в последнюю при жизни Вивекананды годовщину его рождения. В Бенаресе Оакура его покинул. Оба они, взаимно любя друг друга и признавая величие своего общего дела, знали в то же время, что оно для обоих различно. У Оакуры было свое царство — царство искусства. В Бенаресе Вивекананда нашел сообщество молодежи, которое образовалось под влиянием его идей, для того чтобы помогать больным странникам, кормить их и ухаживать за ними. Он гордился этими детьми и написал для них "Воззвание к работающим в очагах служения Рамакришне".

Граф Кейзерлинг, посетивший приют Ramakrishna Mission в Бенаресе, получил от него глубокое впечатление: "Я никогда не видел госпиталя, где царил бы столь радостный дух; уверенность в спасении смягчала все страдания, и любовь к ближнему, воодушевлявшая медицинский персонал, была самая искренняя. Эти люди — действительно подлинные последователи Рамакришны..." ("Дневник путешествий философа", т. I французского перевода, изд. Stock, стр. 295). Кейзерлинг забывает, что, в сущности, они были вдохновлены Вивеканандой, которого он оставляет в тени, в то время как говорит — слишком бегло, но с проникновенным чувством — о Рамакришне.

Французские читатели найдут в первой тетради "Feuilles de l'Inde" (серия Chitra, изд. Högman, Булонь-на-Сене, 1928) ряд интересных этюдов о "Санталах", автохтонном племени Индии, Гуру Дас Саркара и "Санкальские песни", собранные Сантошем С. Маджумдаром. Полагают, что эти народы, первоначально проникшие в Индию с северо-востока, осели в Чампе (Бхагалпур) и отсюда переселились в Бехар, где и живут доньне, в 250 километрах от Калькутты. Будучи родственными племени Гос и Мундар, древним охотникам и лесным жителям, перешедшим затем к земледельческой жизни, они исповедуют анимистическую религию, сохранили свои древние обычаи и прирожденное благородство осанки, привлекающее к ним внимание художников Калькуттской школы.

В конце следующего тома будет помещена глава, посвященная работам Ramakrishna Mission.

Я дал это заглавие одному сборнику мыслей.

Эти слова передала мне мисс Мак-Леод.

Одно из упражнений сосредоточения нервных центров, которые я описал в конце первой части, согласно трактатам индусской психофизиологии... Одна из бесед последнего дня относилась как раз к току сушума, который восходит по шести лотосам тела.

Я попытался соединить в моем изложении различные рассказы свидетелей, отличающиеся, кстати, лишь оттенками. Призванные на консультацию врачи, из которых один прибыл еще за два часа до того, как жизнь окончательно угасла, констатировали прекращение сердечной деятельности и апоплексию. Но монахи сохранили твердую уверенность, что смерть была актом личной воли. И эти оба объяснения отнюдь не противоречат друг другу. Sister Nivedita прибыла лишь на другое утро.

Он обявил еше ранше: "Я не доживу до сорока лет".